

Проф. М. Н. Гернетъ.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И БОРЬБА СЪ НИМЪ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ЭВОЛЮЦІЕЙ ОБЩЕСТВА.

Оттискъ изъ изд. Т-ва „МІРЪ“, „Итоги науки“.

III.

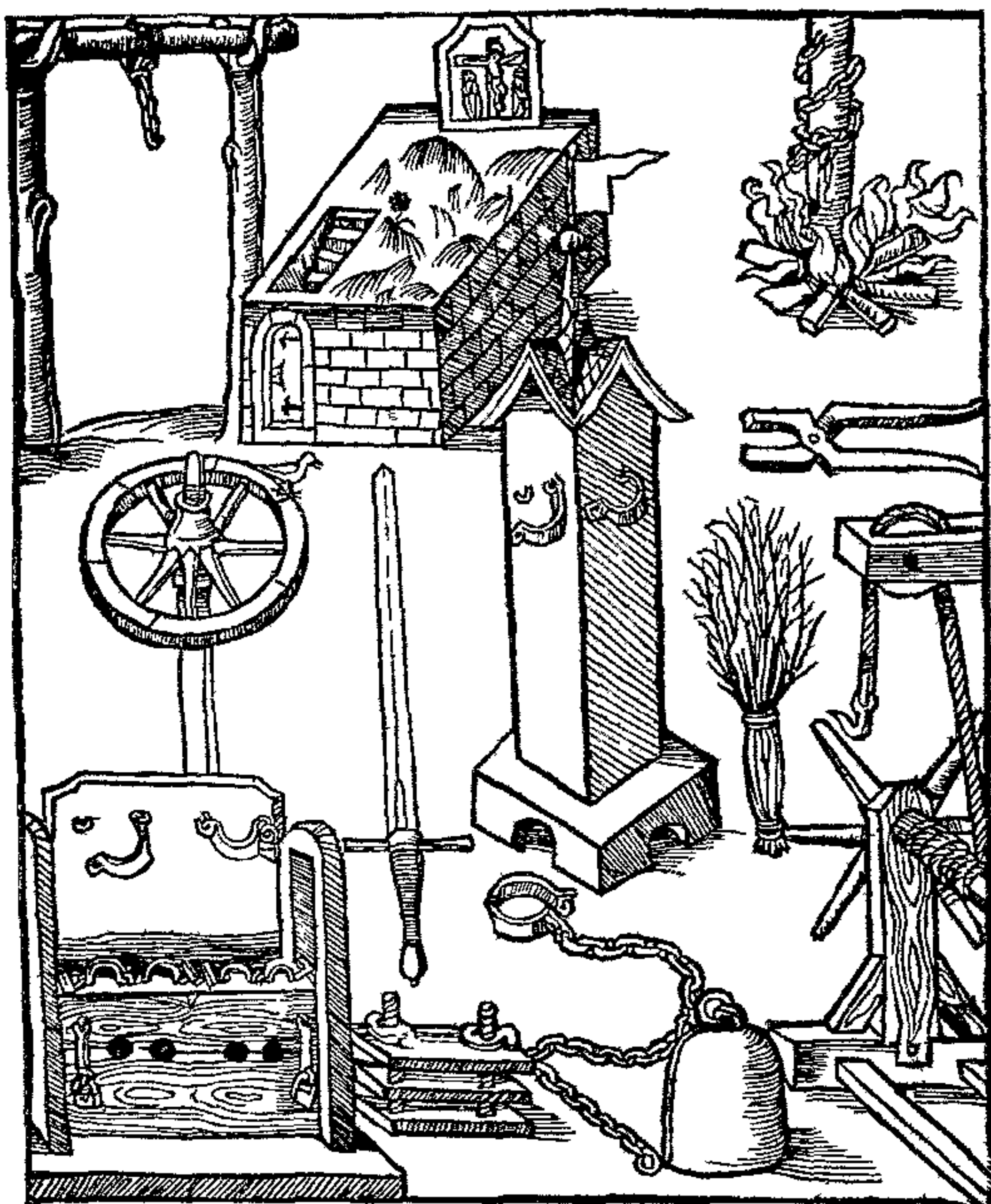
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И БОРЬБА СЪ НИМЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ ЭВОЛЮЦІЕЙ ОБЩЕСТВА.

Профессора М. Н. Гернета.

Престѣплѣніе, происхожденіе его и Борьба съ нимъ

Съ гравюры 1541 г.

Обложка Бамбергскаго уложенія 1511 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Прогрессъ въ наукѣ уголовного права связывается съ примѣненіемъ къ изученію преступленія и наказанія позитивнаго метода—наблюденія и опыта. Примѣненіе такого метода привело къ постепенному расширенію объема содержанія этой науки и къ коренному измѣненію конечныхъ выводовъ ея какъ по вопросу о происхожденіи преступленія, такъ и по вопросу о борьбѣ съ нимъ.

До первой четверти XIX вѣка, по общераспространенному мнѣнію, преступленіе считалось продуктомъ злой воли, могущественнымъ средствомъ смиренія которой всѣми и согласно признавалось наказаніе. Если судебная практика не могла не видѣть въ преступленіи факта живой дѣйствительности, то для науки уголовного права преступленіе и наказаніе существовали лишь какъ отвлеченныя юридическія понятія, изучаемыя ею при помощи одной дедукціи. Первыя попытки примѣненія къ изученію преступленія метода наблюденія сдѣлалъ ученый, стоявшій по своей спеціальности очень далеко отъ юриспруденціи, астрономъ и математикъ Кетле въ его трудѣ „Опытъ общественной физики“ (1836). Не безъ основанія авторъ подчеркнул методологическія особенности своего труда тѣмъ эпиграфомъ, который онъ помѣстилъ на первой его страницѣ. Такимъ эпиграфомъ ему послужили слова Лапласа: „Приложимъ къ

наукамъ политическимъ и нравственнымъ методъ, основанный на наблюденіяхъ и вычисленіяхъ, тотъ самый методъ, который принесъ намъ столько пользы при изученіи наукъ естественныхъ“. Итогомъ изслѣдованія Кетле являлось установленіе господства закона причинности въ сферѣ человѣческихъ дѣйствій вообще и преступленій въ частности. Несмотря на то, что къ такимъ же выводамъ пришелъ почти одновременно съ Кетле французскій ученый Герри, криминалисты обратили должное вниманіе на названные труды лишь въ послѣднія два десятилѣтія XIX вѣка, когда они, исходя изъ признанія господства закона причинности въ мірѣ преступленій, обратились къ отысканію причинъ преступленій. Ближайшимъ поводомъ къ изысканіямъ причинъ преступленій послужилъ трудъ ученаго, также не стоявшаго въ рядахъ юристовъ: это былъ психіатръ, профессоръ судебной медицины въ Туринскомъ университетѣ Цезарь Ломброзо, опубликовавшій въ концѣ 60-ыхъ и началѣ 70-ыхъ годовъ свое изслѣдованіе объ особенностяхъ „преступнаго“ человѣка.

Такимъ образомъ содержаніе науки уголовного права, изучавшей въ продолженіе долгихъ вѣковъ преступленіе и наказаніе только съ юридической точки зрѣнія, было расширено изслѣдованіемъ преступленія, какъ соціального явленія, и изученіемъ самаго преступника. Но на этомъ процессъ развитія науки не остановился. Раскрытіе причинъ преступности и выясненіе психологіи различныхъ преступниковъ привело къ построенію новыхъ системъ борьбы съ преступностью.

Быстрые успѣхи соціологіи и этнографіи, съ одной стороны, и взглядъ на преступленіе, какъ на соціальное явленіе, съ другой стороны, пробудили интересъ къ раскрытію исторіи преступности и борьбы съ нею. Такимъ образомъ, на ряду съ историческимъ анализомъ понятій преступленія и наказанія съ юридической стороны, явилось изслѣдованіе ихъ происхожденія въ связи съ эволюціей общества.

I.

Исторія преступности и борьбы съ нею.

Если, согласно выраженія проф. Листа, уголовное право есть самое старое изъ всѣхъ правъ, то это слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что дикія племена, находящіяся на первыхъ ступеняхъ культуры, почти незнающія права собственности, не проводятъ никакого различія ни въ свойствахъ нарушенныхъ интересовъ, ни въ способахъ ихъ защиты. Нравственная оцѣнка поступковъ совершенно отсутствуетъ, на мотивы дѣянія не обращается равно никакого вниманія; рѣшающее значеніе получаетъ внѣшняя сторона дѣйствій и ихъ соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе желаніямъ дикаря. Такъ какъ у дикарей, питающихся собранными ими фруктами и овощами или занимающихся охотою и рыболовствомъ, объемъ интересовъ или благъ еще весьма не великъ, то не удивительно, что типичнѣйшимъ и почти единственнымъ среди нихъ преступленіемъ является убійство. Если жизнь является тѣмъ благомъ, которое отнимаетъ преступникъ, то она же является и тѣмъ единственнымъ благомъ, которое можетъ быть отнято у обидчика. Убійство, согласно убѣжденія дикаря, можетъ быть совершено не только оружіемъ, но также и посредствомъ чародѣйства. Укажемъ въ видѣ примѣра на австралійскихъ дикарей, бытъ которыхъ подробно описанъ англійскими изслѣдователями Балдуиномъ Спенсеромъ и Гилленомъ. Они живутъ собираніемъ корней и охотою, перекочевывая съ мѣста на мѣсто въ предѣлахъ извѣстной мѣстности, за которые не выходятъ. Они охотятся въ одиночку или группами. Ихъ вооруженіе состоитъ изъ копья и бумеранга, а орудія (топоры, долото) сдѣланы изъ камня. Они не носятъ одежды, живутъ въ шалашахъ, устроенныхъ изъ вѣтвей, или зарываются на ночь въ землю. Изъ животныхъ ими приручена только собака. Преступленія противъ собственности, можно сказать, здѣсь неизвѣстны. Но вѣра въ возможность умерщвленія чародѣйствомъ сильно распространена среди нихъ, и дикарь, объясняя смерть и болѣзни близкаго человѣка колдовствомъ врага, мститъ ему смертью. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ совѣщаніе стариковъ выбираетъ способъ отмщенія. По рассказамъ туземцевъ, мститель надѣваетъ особые башмаки, подошва которыхъ сплетена изъ человѣческихъ волосъ. Для отмщенія чужеродцамъ составляется особый отрядъ мстителей. Въ волосы мстителей вплетаются палочки, остающіяся тамъ до тѣхъ поръ, пока долгъ мести не исполненъ.

На ряду съ недозволеннымъ убійствомъ имѣются и другіе виды умерщвленія, признаваемого дикарями вполне дозволенными. Сюда относятся плодоистребленіе, дѣтоубійство, умерщвленіе стариковъ и нѣкоторые другіе случаи.

Плодоистребленіе и дѣтоубійство особенно распространены у дикарей тамъ, гдѣ, какъ, на примѣръ, на небольшихъ островахъ, увеличеніе народонаселенія влечетъ за собою затрудненія въ его питаніи. Обитатели Сандвичевыхъ острововъ, готтентоты, фиджанцы индѣйцы въ Америкѣ, обитатели Ново-Гебридскихъ острововъ, племя наррингерей, живущее на берегахъ озера Альбертъ, и мног. др. практикуютъ въ обширныхъ размѣрахъ абортъ и дѣтоубійство. На о. Таити этой участи подвергалось не менѣе двухъ третей всѣхъ дѣтей. Чаше умерщвляютъ дѣтей женскаго пола. По словамъ Поста, у гуанасовъ Парагвая женщины закапываютъ родившихся дѣвочекъ въ землю живыми, а племя мбайя тамъ же воспитываетъ въ семьѣ только одну дѣвочку и одного мальчика, убивая всѣхъ остальныхъ родившихся дѣтей. По словамъ Колера, у папуасовъ, при существованіи одной изъ формъ брака, на внѣбрачныя рожденія смотрятъ неодобрительно и новорожденныхъ убиваютъ. Распространеннымъ является обычай убійства дѣтей, питающихся материнскимъ молокомъ, въ случаѣ смерти матери. Этотъ обычай встрѣчается у дорохасовъ, индѣйскаго племени въ Америкѣ, у австралійскихъ туземцевъ, на о. Мадагаскарѣ у сакалавовъ, на о. Борнео у даяковъ и пр. Въ однихъ случаяхъ ребенка кладутъ въ руки умершей матери и сжигаютъ его вмѣстѣ съ ея трупомъ, въ другихъ его зарываютъ въ общую съ матерью могилу. Такой же обычай существовалъ и въ Британіи, гдѣ археологи находятъ въ старыхъ могилахъ вмѣстѣ съ костякомъ женщины также скелетъ маленькаго ребенка. Совершенно такія же находки были найдены и при разрытіи древнерусскихъ кургановъ. Плоссъ и другіе авторы приводятъ примѣры оставленія дѣтей умершихъ матерей въ живыхъ, если находилась женщина, бравшая ребенка къ себѣ для вскармливанія. Сами дикари объясняютъ убійство такихъ дѣтей различно: то считаютъ новорожденного ребенка убійцею матери, то боятся, что ему предназначено сдѣлаться страшнымъ. У нѣкоторыхъ племенъ совершается убійство дѣтей также и въ томъ случаѣ, если рождается двойня, такъ какъ здѣсь видятъ доказательство нарушенія супружеской вѣрности они предполагаютъ, что отъ одного мужчины нельзя родить двоихъ дѣтей, или видятъ въ одновременномъ рожденіи дѣтей ихъ кровесмѣсительную связь, особенно если они разнаго пола. На о. Ру (Каролинскіе острова) женщина выставляетъ на показъ свое рѣшеніе убить ребенка, рожденія котораго она ожидаетъ: она не краситъ своихъ грудей, между тѣмъ какъ рѣшившая оставить ребенка въ живыхъ обмазываетъ ихъ краскою. Но лишь рѣдкія красятъ себѣ грудь, такъ какъ большинство новорожденныхъ убивается. По отношенію къ уродливымъ дѣтямъ также наблюдается стремленіе

убивать ихъ. Очевидно, экономическія соображенія, трудность для такихъ дѣтей борьбы за существованіе играютъ въ данномъ случаѣ рѣшающую роль. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ уродливые новорожденные оставляются въ живыхъ; достигнувъ зрѣлаго возраста, они занимаются чародѣйствомъ.

Преобладающее значеніе факторовъ экономического порядка въ распространеніи этихъ убійствъ подтверждается не только распространеніемъ ихъ именно на небольшихъ островахъ и въ мѣстахъ съ ограниченными средствами питанія, наиболѣе частыми убійствами дѣвочекъ, уродовъ и дѣтей, потерявшихъ кормилицу-мать, но и тѣмъ фактомъ, что въ мѣстахъ съ богатою природою, какъ, напримѣръ, на Пловучихъ островахъ, всякое увеличеніе семьи является радостнымъ событіемъ, а поэтому абортъ и дѣтоубійство не встрѣчаются.

Въ то время, какъ въ современныхъ государствахъ убійство родителей считается особенно тяжкимъ преступленіемъ, у кочующихъ племенъ дикарей такое убійство иногда считается долгомъ сыновней любви или, по крайней мѣрѣ, считается дозволеннымъ. Потеря способности къ работѣ, трудность передвиженія объясняютъ эти убійства. Проф. Ферри передаетъ рассказъ Гунта, которому пришлось самому присутствовать при одномъ изъ такихъ убійствъ. Получивъ приглашеніе отъ молодого дикаря присутствовать на похоронахъ его матери, онъ увидѣлъ, что эта мать сама принимаетъ участіе въ погребальной процессіи: радостная, смѣющаяся, она шла вмѣстѣ съ другими къ мѣсту своего погребенія. Тамъ родные и друзья съ нею простились и, оплакивая ее, зарыли ее живою въ приготовленной могилѣ. По словамъ Летурно, такой же обычай былъ у чукчей, эскимосовъ. На островахъ Фиджи такое убійство стариковъ объяснялось повѣріемъ, что въ загробномъ мірѣ человѣкъ будетъ находиться въ томъ видѣ, въ какомъ онъ покинулъ земной міръ.

Дозволеннымъ является убійство также и женщины тамъ, гдѣ ея положеніе у дикарей, какъ слабѣйшаго существа, принижено, гдѣ она рассматривается какъ собственность мужчины. Такъ было, по словамъ Олфильда, у австралійцевъ, гдѣ женщины убивались даже ранѣе, чѣмъ становились старыми и неспособными къ труду. Въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности жена умерщвляется мужемъ (въ Полинезіи, у готтентотовъ, у тасманійцевъ, у ашантиевъ и др.). Приниженное и безправное положеніе женщины у многихъ дикарей, доходящее до возможности ея умерщвленія мужемъ, выражается въ запрещеніи ей у нѣкоторыхъ дикарей ѣсть наиболѣе вкусную пищу, присутствовать при нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ и пр.

Половое сношеніе между лицами, бракъ которыхъ считается дикарями недопустимымъ, влечетъ за собою для обѣихъ сторонъ тяжелыя послѣдствія. У австралійскихъ дикарей мужчины, сожителствующіе съ женщинами несоотвѣтствующихъ брачныхъ дѣленій, носятъ позорное названіе „итурка“. Въ случаѣ какой-либо вражды

съ другимъ племенемъ этихъ мужчинъ выдадутъ охотно для удовлетворенія мести. При такъ называемыхъ групповыхъ бракахъ, когда право на женщину принадлежитъ не только одному мужчинѣ, похищеніе женщины затрагиваетъ интересы цѣлой группы мужчинъ и влечетъ за собою мщеніе. Въ Новой Каледоніи, у даяковъ, на Ново-Гебридскихъ островахъ кровосмѣшеніе влечетъ за собою кровавую месть. Такъ же у африканскихъ племенъ ваника, тѣда, въ восточной Сахарѣ, у туареговъ и др. По сообщенію Голля, автора спеціальнаго труда о связи между преступностью и соціальнымъ прогрессомъ, алеуты съ Аляски считаютъ кровосмѣшеніе важнѣйшимъ преступленіемъ; у многихъ племенъ половое сношеніе лицъ, принадлежащихъ къ одной и той же тотемической группѣ, влечетъ за собою ихъ убійство; дикари относятся съ ужасомъ къ одной мысли о бракѣ между лицами, половое сожитіе которыхъ считается запрещеннымъ; также считаютъ величайшимъ преступленіемъ бракъ родственникововъ.

У бушменовъ въ Африкѣ братья и сестры, родители и дѣти не могутъ вступать въ бракъ между собою, но, по старинному обычаю, разрѣшается брачное сожитіе съ младшею сестрою, бракъ же съ теткою и старшею сестрою считается преступнымъ; у этого племени существуетъ преданіе о человѣкѣ, съѣденномъ червями: эта мучительная смерть была слѣдствіемъ нарушенія имъ правилъ, запрещающихъ браки въ указанныхъ степеняхъ родства.

Кромѣ убійства и кровосмѣшенія тяжкимъ преступленіемъ считается среди дикарей-охотниковъ также и колдовство. Вѣра въ чародѣйство распространена среди нихъ повсемѣстно. Смерть, болѣзни и всякія неудачи въ охотѣ объясняются ими какъ результаты злого волхвованія.

Такъ, на примѣръ, гавайцы не подозреваютъ колдовства только въ случаѣ убійства. Филиппинскіе негритосы послѣ смерти кого-либо изъ членовъ рода убиваютъ одного или нѣсколькихъ индѣйцевъ, а по сообщенію Штейнметца, родственники погребеннаго изъ племени букитнонъ прямо съ похоронъ отправляются на поиски жертвы для убійства. Если Dyaks'амъ кто-нибудь кажется колдуномъ, то его жизнь находится въ опасности. Убійство такого человѣка считается похвальнымъ поступкомъ. Боясь колдуновъ, ново-зеландцы не стригутъ ногтей, такъ какъ ихъ обрѣзки могутъ попасть къ колдунамъ. Фиджанцы, объясняя почти всѣ случаи внезапной смерти колдовствомъ, убиваютъ заподозрѣнныхъ и сжигаютъ ихъ хижины. По словамъ Тахтарева, австралійскіе дикари придаютъ большое значеніе такъ называемому „костебою“ или кости смерти, т.-е. особому снаряду изъ кости, посредствомъ котораго чародѣй насылаетъ смерть и болѣзни. Къ заподозрѣнному въ причиненіи болѣзни посылается женщина съ подарками; она сообщаетъ ему о болѣзни, но ничего не говоритъ о возникшемъ противъ него подозрѣніи. Подозрѣваемый успокаиваетъ женщину и отпускаетъ ее домой. Если больной

умираетъ, то заподозрѣннаго чародѣя убиваютъ. Впрочемъ, чары одного колдуна могутъ быть уничтожены чарами другого колдуна, принадлежащаго обыкновенно къ другой тотемической группѣ.

Что касается преступленій противъ права собственности, то они встрѣчаются рѣдко. Въ Новой Каледоніи и на о. Таити похититель подлежитъ мести и убійству. Почти полное отсутствіе преступленій противъ собственности отмѣчено Спенсеромъ и Гилленомъ относительно австралійскихъ дикарей, Голлемъ относительно жителей о. Таити, гавайцевъ, жителей Новой Гвинеи, бушменовъ и мн. др. У племенъ, живущихъ охотою или рыбною ловлею, при отсутствіи развитого права собственности, кража оружія влечетъ за собою, по словамъ Макаревича, лишь отобраніе взятаго или мести. Но и эти случаи похищенія оружія и др. подобныхъ предметовъ являются рѣдкими исключеніями. М. Ковалевскій объясняетъ, что предметы, имѣвшіе ближайшее соприкосновеніе съ тѣломъ дикаря, являются въ глазахъ его и другихъ какъ бы частью его личности. Обладаніе чужимъ вооруженіемъ или одѣяніемъ открываетъ возможность дурного и опаснаго воздѣйствія чаръ. Поэтому даже послѣ смерти дикаря его собственность не переходитъ къ другимъ: она остается при немъ. Де Рохасъ передаетъ, что новокаледонецъ, снявшій съ себя одежду и положившій ее на тропинкѣ, чтобы взять ее на обратномъ пути, нисколько не сомнѣвается, что найдетъ ее на этомъ же мѣстѣ, если положить стебелекъ травы на нее въ видѣ „табу“. Вещи покойнаго, оставленные при могилѣ, и сама могила также составляютъ „табу“.

Изъ другихъ преступленій охотничьихъ племенъ дикарей встрѣчаемъ указанія на непринятіе участія въ общественной охотѣ или ловлѣ рыбы, прикосновеніе и даже одно взираніе женщины или непосвященнаго мужчины на священные предметы, извѣстные у австралійцевъ подъ именемъ „чурингъ“ (они представляютъ изъ себя небольшіе камни или куски дерева). Неучастіе въ общественной охотѣ и нарушеніе табу чурингъ и отчасти колдовство являются уже зачатками преступленій, принадлежащихъ къ группѣ общественныхъ.

Со своими обидчиками дикари рассматриваемой нами стадіи культурнаго развитія расправляются посредствомъ отмщенія. Местъ дикаря очень рано получаетъ въ его глазахъ значеніе священной обязанности. Съ такимъ характеромъ она переходитъ изъ охотничьяго періода въ пастушескій и земледѣльческій. Если дикарь отказывается отъ пищи, устраняется отъ участія въ празднествахъ, выставяетъ на видномъ мѣстѣ шесть или камень, ходитъ съ наполовину обритой головой, со спущеннымъ на спину пучкомъ волосъ, то это дурной знакъ для его врага. Исполненіе мести составляетъ праздникъ для отмстившаго. При господствѣ кровавой мести на Кавказѣ голова убитаго выставялась мстителемъ на видномъ мѣстѣ. Ковалевскому не разъ приходилось видѣть у входа въ сакли въ го-

рахъ Дагестана публично выставленныя головы и руки убитыхъ, какъ семейные трофеи. Салическая правда считала преступленіемъ снятіе съ шеста головы убитого, выставленной мстителемъ. Народныя арабскіе поэты воспѣваютъ мстителя, вонзающаго свой кинжалъ и медленно его вынимающаго изъ раны. Арабы вѣрили, что кровь убитого превращается въ птицу, въ которую переселяется душа покойнаго. Она все время щебечетъ: „дай мнѣ напиться кровью моего убійцы“, и только послѣ осуществленія мести птица исчезаетъ. Насколько долго жила месть среди арабовъ, видно изъ того, что въ Коранѣ дѣлаются лишь попытки ея ограниченія. У евреевъ книга чиселъ считаетъ месть священной. Также была установлена месть въ „Русской Правдѣ“.

На первыхъ стадіяхъ своего развитія месть дикаря не знаетъ предѣловъ. Штейнметцъ, собиравшій матеріалы по вопросу, какъ долго длится періодъ мести среди дикихъ племенъ, пришелъ къ выводу, что въ значительномъ большинствѣ изъ нихъ чувство мести захватываетъ продолжительное время и сохраняется, не ослабляя своей интенсивности, даже по прошествіи многихъ лѣтъ. При этомъ не дѣлается никакого различія между свойствомъ нарушеннаго блага и о соотвѣтствіи между размѣромъ обиды и мести еще нѣтъ и рѣчи: убійство, чародѣйство, кровосмѣшеніе, воровство одинаково влекутъ за собою отмщеніе убійствомъ. Мстительность распространяется даже на неодушевленные предметы: если дикарь падаетъ съ дерева и разбивается, то сородичи мстятъ дереву. Ковалевскій сообщаетъ рядъ такихъ же примѣровъ изъ жизни осетинъ. Такъ, на примѣръ, кабардинцы мстили смертью тому наѣзднику, который неосторожно давилъ зрителя на скачкахъ. Нечаянное убійство на охотѣ также открывало право кровавой мести. Если при кражѣ ружья, по неосторожности самого вора, послѣдуетъ выстрѣлъ, которымъ онъ будетъ убитъ, то его родственники мстятъ хозяину ружья, какъ убійцѣ. Такимъ образомъ, здѣсь наблюдается полное смѣшеніе случая, неосторожности и умысла.

Вымираніе мести происходитъ очень медленно и начинается итти быстрѣе лишь съ переходомъ къ скотоводству, когда обладаніе скотомъ даетъ возможность погашать распрю уплатою обиженному опредѣленнаго количества головъ скота. Ограниченіе мести идетъ одновременно въ нѣсколькихъ направленіяхъ: постепенно сужается кругъ лицъ, которымъ принадлежитъ право кровавой мести, ограничивается просторъ усмотрѣнія или произвола мстителя, устанавливаются сроки, въ теченіе которыхъ допускается месть, вводится нѣкоторое соотвѣтствіе между характеромъ мести и свойствомъ нарушеннаго блага. У иллинойцевъ на ряду съ убійствомъ врага практиковалась также его поимка. Правда, эта поимка можетъ кончиться тѣмъ же умерщвленіемъ съ предварительнымъ избіеніемъ пойманнаго сородичами мстителя, вырываніемъ ногтей, обрѣзаніемъ ушей и пальцевъ, но можетъ привести и къ „усыно-

вленію“ плѣнника. Въ послѣднемъ случаѣ ему дарятъ хижину убитого и онъ становится полноправнымъ членомъ общины, замѣняя собою убитого. Также и у племени гуроновъ убійство, совершенное внутри племени, можетъ не влечь за собою кровавой мести при предоставленіи плѣнника родственникамъ убитого. При этомъ испрошеніе прощенія сопровождается унижительными обрядами и сложными церемоніями. Такъ, въ Осетиніи убійца, одѣтый въ траурную одежду съ отпущенными волосами, приходитъ на могилу убитого и отдаетъ себя покойнику въ полное распоряженіе, а покойникъ въ лицѣ своихъ родственниковъ прощаетъ ему обиду. Но прощеніе дается не сразу. Такъ, по описанію Цтибора, приводимому Ковалевскимъ, въ Моравіи до XVI вѣка убійца босой и безъ пояса шелъ къ могилѣ убитого въ сопровожденіи 50 родственниковъ, и тамъ, на гробу, мститель трижды проводилъ по его шеѣ обнаженнымъ мечомъ и трижды выслушивалъ отъ него изъясненіе покорности и мольбы о прощеніи. Ровинскій приводитъ описаніе обычая такъ называемаго „умиренія крови“, видѣннаго имъ въ самомъ концѣ XIX вѣка въ Черногоріи. Примиреніе совершалось между внукомъ убитого и убійцы. Предварительными переговорами были выяснены условія примиренія. Въ сложномъ обрядѣ „умиренія крови“ принимали участіе даже женщины и дѣти изъ селенія убійцы. Раннимъ утромъ женщины эти съ грудными дѣтьми пришли къ саклѣ мстителя, гдѣ собрались его 12 родственниковъ. Только послѣ усиленныхъ просьбъ ихъ впустили въ жилище и, взявъ монеты, положенныя подъ головки дѣтей, отпустили ихъ обратно въ ихъ селеніе, гдѣ за околицей босой проситель съ роднею ждалъ пріѣзда мстителя. Завидѣвъ его ѣдущимъ верхомъ на лошади, онъ съ привѣшаннымъ на шею ружьемъ поползъ къ нему навстрѣчу. Тотъ соскочилъ съ лошади, поднялъ его и поцѣловалъ. Далѣе слѣдовало обильное угощеніе, во время котораго къ мстителю сносились всякое имущество, въ томъ числѣ и оружіе. Впрочемъ, все это было отдано обратно хозяевамъ, и мстители взяли съ собою лишь заранее условленную сумму выкупа.

Установленное въ древнѣйшемъ извѣстномъ до сихъ поръ кодексѣ Хаммураби (записанъ за 2000 лѣтъ до Р. Х.) и въ еврейскомъ законодательствѣ правило „око за око и зубъ за зубъ“ при всей его кажущейся жестокости является на самомъ дѣлѣ уже ограниченіемъ мести, такъ какъ уже запрещаетъ произволъ мстителя и устанавливаетъ нѣкоторое соотношеніе между нарушеннымъ благомъ и благомъ, отнимаемымъ у обидчика. Еще болѣе крупнымъ шагомъ по пути ограниченія мести являются случаи, когда мстители довольствуются за убійство лишь увѣчьемъ убійцы; такъ, въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка осетины, по словамъ Ковалевского, довольствовались отрѣзаніемъ уха убійцы и торжественнымъ зарываніемъ его въ могилу убитого. Также и соблазнитель чужой жены могъ избѣжать мести своимъ униженіемъ: онъ долженъ былъ

взять въ ротъ, какъ ребенокъ, грудь этой женщины, назваться ея сыномъ и дать клятву не питать къ ней порочныхъ чувствъ.

Ограниченія круга лицъ, за которыхъ дозволяется мстить и которымъ принадлежитъ право мести, развиваются постепенно вмѣстѣ съ суженіемъ семьи. Такія ограниченія извѣстны Русской Правдѣ и Германскимъ Правдамъ. Согласно Салическаго закона и Рипуарскаго закона этотъ кругъ уже довольно ограниченъ. Какъ на вымираніе мести слѣдуетъ смотрѣть на тѣ примѣрныя битвы, которыя устраиваютъ, по словамъ Миклухо-Маклая, папуасы на похоронахъ умершаго члена селенія: вмѣсто извѣстныхъ намъ поисковъ предполагаемаго убійцы родичи умершаго устраиваютъ примѣрную битву, въ которой даже и ранятъ другъ друга.

Ограниченіе мести достигается установленіемъ такъ называемыхъ убѣжищъ, т.-е. мѣстъ, въ которыхъ жизнь спасагося отъ мести находится въ безопасности. Такими мѣстами являлись могилы, алтари и даже цѣлые города, какъ, на примѣръ, у древнихъ евреевъ. Впущенный старѣйшинами убійца, если онъ не признавался умышленнымъ убійцею, оставался въ городѣ до смерти первосвященника, послѣ чего месть уже не допускалась.

Замѣна мести выкупамъ имѣла мѣсто, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, также и въ предшествующій періодъ охотничьей жизни. Такъ, Штейнметцъ указываетъ на случаи обставленнаго особыми обрядами усыновленія убійцы въ охотничьихъ племенахъ родней убитаго: убыль въ членахъ рода ослабляла родъ, а вступленіе убійцы въ семью на мѣсто убитаго вело къ возмѣщенію матеріальнаго ущерба. Названный авторъ, подкрѣпляя свою мысль о значеніи матеріальной стороны потери семьи въ лицѣ умершаго, приводитъ также примѣры обычая принесенія подарковъ родственникамъ покойника, „чтобы утереть ихъ слезы“: такіе подарки возмѣщали понесенную утрату рабочей силы. Такъ какъ съ обладаніемъ скотомъ связывается то или другое положеніе въ общинѣ, то кража скота начинаетъ разсматриваться какъ весьма тяжкое преступленіе. Отъ обидчика требуется не только возмѣщеніе убытка, но уплата особой суммы въ видѣ штрафа за обиду. Такъ, у древнихъ евреевъ кража вола влекла за собою обязанность уплаты за него пяти воловъ, за кражу овцы уплачивалось четыре овцы. Насколько народъ, занимающійся скотоводствомъ, заинтересованъ въ охранѣ скота, видно, между прочимъ, изъ Салической Правды. Въ ней имѣются спеціальныя отдѣлы, и каждый изъ нихъ въ нѣсколько статей, подробно предусматривающіе отвѣтственность за кражу свиней, козъ, разной птицы, собакъ и т. п.: спеціально предусматриваются случаи кражи свиньи супоросой и несупоросой, борова выложеннаго и невыложеннаго, собаки цѣпной, охотничьей, борзой и пр. Взыскивавшійся въ замѣну кровавой мести штрафъ достигалъ часто очень крупныхъ размѣровъ. Если его одновременная уплата становилась невозможною, то допускалась разсрочка, и онъ могъ быть погаша-

емъ въ два, три срока; извѣстны случаи разсрочки уплаты выкупа на послѣдующія поколѣнія. Изъ общей суммы выкупа часть его начинаетъ поступать съ теченіемъ времени въ руки посредниковъ, жрецовъ, начальника судей. Такъ, у нубійцевъ убійство влечетъ за собою обязанность уплаты семьѣ убитаго „выкупа за кровь“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начальнику племени уплачивался высокій штрафъ, состоявшій изъ шести верблюдовъ, одной коровы и семи овецъ. Помимо скота, уплата выкупа производилась и другими цѣнностями. Къ числу такихъ цѣнностей принадлежали также и женщины. Вмѣсто уплаты выкупа въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершался бракъ между членами враждующихъ родовъ. Соотношеніе между системой выкуповъ и браками, заключенными вмѣсто кровавой мести, особенно подмѣчено изслѣдователями тамъ, гдѣ существовала покупка невѣстъ.

Уплата выкупа обыкновенно сопровождается особыми обрядами, пиршествами и празднествами. Такъ, даяки, имѣвшіе ссору, нарочно сами легко ранятъ себя и, смѣшавъ капли крови изъ ранъ съ водкою, выпиваютъ ее. Они считаются послѣ этого какъ бы братьями. Бедуины, сойдясь въ цѣнѣ выкупа, убиваютъ верблюда и ѣдятъ вмѣстѣ зажаренное мясо. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершаются торжественныя жертвоприношенія.

На внутреннюю сторону преступнаго дѣянія, т.-е. на степень виновности, обращается уже больше вниманія, хотя остается отвѣтственность и за случайныя дѣянія, и даже животныя, напримѣръ, быкъ, забодавшій человѣка, разсматриваются какъ преступники.

Эти черты уголовного права сохраняются и при переходѣ къ земледѣлію и при образованіи недвижимой собственности. Черри констатируетъ существованіе выкуповъ и примѣненіе ихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ у ирландцевъ при родовомъ ихъ бытѣ, при общинномъ владѣніи землею, когда чеканной монеты еще не было и мѣрою цѣнности была такъ называемая „кумхаль“, т.-е. рабыня (позднѣе ея стоимость, равная цѣнѣ трехъ козъ). Законодательная власть у нихъ совершенно отсутствуетъ; посредники играютъ роль въ разрѣшеніи споровъ, но ихъ рѣшенія не имѣютъ за собою принудительной силы; преступныя дѣянія разсматриваются какъ нарушенія частныхъ интересовъ и влекутъ за собою обязанность уплаты выкупа. Размѣръ пени различенъ въ зависимости отъ значенія совершеннаго преступленія, положенія потерпѣвшихъ и обидчика.

Различія въ имущественномъ положеніи членовъ общества, уже знающаго частную собственность, а также тѣсно связанное съ такимъ различіемъ установленіе разнообразныхъ общественныхъ должностей и властей открываютъ возможность появленія разнообразныхъ по величинѣ штрафовъ за одни и тѣ же преступленія. Такъ, въ Русской Правдѣ жизнь и другія личныя и имущественныя блага княжеской дружины охраняются болѣе высокими штрафами. Внѣшней сторонѣ дѣянія попрежнему придается большое значеніе, позже обращается вниманіе на такія различія, какъ длина нанесен-

ной раны. Извѣстны обычаи измѣренія этой длины ячменнымъ зерномъ, при чемъ за каждое уложившееся вдоль раны зерно полагалась опредѣленная сумма штрафа. По сообщенію Поста, у африканскаго племени кимбунда легкое пораненіе головы влечетъ штрафъ въ суммѣ 15—20 денежныхъ единицъ, поломъ руки 100—200 и одну козу, а поломъ ноги 250—300 и быка для жертвоприношенія. Въ эпоху дѣйствія Русской Правды, когда часть штрафа уже шла въ пользу князя, лишеніе руки или ноги влечетъ за собою болѣе высокій штрафъ, нежели лишеніе пальца. Оскорбленіе дѣйствіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ считалось болѣе тяжкимъ преступленіемъ, нежели нанесеніе раны: по Русской Правдѣ нанесеніе раны мечомъ влечетъ 3 гривны продажи, а ударъ мечомъ въ ножахъ или палкою 12 гривенъ.

Объемъ преступныхъ дѣяній въ этотъ періодъ значительно расширяется. При укрѣпленіи института земельной собственности важнымъ преступленіемъ становится нарушеніе межей. Границы земельныхъ участковъ считаются состоящими подъ охраною специальныхъ боговъ, и поэтому нарушеніе межи рассматривается даже какъ оскорбленіе самого божества. Понятію религіознаго преступленія у пастушескихъ племенъ и земледѣльческихъ народовъ придается очень большое значеніе. Это преступленіе рассматривается уже какъ публичное, могущее навлечь гнѣвъ оскорбленнаго божества не только на самого преступника, но и на все общество, религіознаго преступника постигаетъ наказаніе смертію. Близкая связь между убійствомъ изъ мести и смертной казнью религіознаго преступника особенно рельефно видна изъ примѣра, приводимаго англійскимъ изслѣдователемъ Оппенгеймеромъ: у калифорнійскихъ туземцевъ колдунъ, предназначенный къ смерти, приглашается на общественный пиръ. Его голова и ноги украшаются цвѣтами и шкурами; все тѣло раскрашивается въ черный цвѣтъ; вдругъ онъ вскакиваетъ и пробирается сквозь толпу къ береговой скалѣ, съ которой и бросается въ море. У евреевъ скотоводовъ и земледѣльцевъ поклоненіе идоламъ влекло смертную казнь, палачомъ при которой становился самъ народъ. Также и у магометанъ Коранъ предписывалъ казнить распятіемъ, или отсѣченіемъ ногъ и рукъ, или изгнаніемъ тѣхъ, „кто борется противъ бога и его апостоловъ и стремится неправильно поступать на землѣ“. Мы уже видѣли, что преступленіе колдовства вполне извѣстно и охотничьимъ племенамъ. Уже у нихъ встрѣчаются указанія на зарожденіе идеи публичнаго преступленія въ отличіе отъ частнаго деликта прежде всего именно въ кругу дѣйствій, обнимаемыхъ понятіемъ вреднаго колдовства.

Въ публичные преступленія постепенно превращаются также деликты, направленные противъ представителей власти. Какъ скоро въ обществѣ нѣтъ равенства между положеніемъ отдѣльныхъ его членовъ, оскорбленіе интересовъ господствующихъ группъ влечетъ за собою для преступника болѣе тяжелыя послѣдствія: размѣръ

выкупной суммы значительно увеличивался, если потерпѣвшимъ являлось лицо, принадлежавшее къ господствующей группѣ. При особенно тяжкомъ оскорбленіи высшаго носителя власти уже не можетъ быть матеріальнаго вознагражденія оскорбленнаго: нарушителя постигаетъ немедленное умерщвление. Прохождение по тѣни, отбрасываемой вождемъ племени на самбусскихъ островахъ, закури-
ваніе трубки отъ огня, горящаго передъ вождемъ въ Манбуту, влечетъ за собою умерщвление виновнаго. Совершеніе преступленія въ присутствіи князя или на дворѣ его жилища или даже близъ него уже рассматривается какъ обстоятельство, повышающее отвѣтственность. Такъ, на примѣръ, одно обнаженіе меча на княжемъ дворѣ уже считается оскорбленіемъ князя. Еще въ правѣ брегоновъ у ирландцевъ эпохи родового быта въ случаѣ совершенія кражи пеня уплачивалась не только собственнику похищенныхъ вещей, но и хозяину дома, въ которомъ было совершенно преступленіе, за такъ называемое „нарушеніе границъ“. Это право на часть принадлежало домохозяину также въ случаяхъ совершенія въ предѣлахъ его участка и другихъ преступленій. Понятіе „границъ участка“ было не одинаково и зависѣло отъ соціального положенія домохозяина. Кратчайшая граница опредѣлялась разстояніемъ, на которое можно было бросить копье съ порога двери дома, но для болѣе знатныхъ это разстояніе удваивалось, а для короля увеличивалось даже въ 64 раза. Такимъ образомъ, по словамъ Черри, широкіе предѣлы королевской границы дѣлали каждое посягательство на территоріи короля посягательствомъ противъ него самого.

Въ тѣсной связи съ понятіемъ королевскаго участка стоитъ понятіе „королевскаго мира“. При передвиженіяхъ короля мѣняется районъ того участка, совершеніе преступленія въ предѣлахъ котораго рассматривается какъ оскорбленіе величества. Въ нѣкоторые дни, на примѣръ, на Рождество, Пасху, Троицынъ день, въ недѣлю коронованія въ древнемъ англійскомъ правѣ всякое преступленіе, гдѣ бы оно ни было совершено, рассматривается какъ нарушеніе королевскаго мира. Королевскій миръ могъ быть распространень по волѣ короля на опредѣленные мѣстности, на опредѣленное время или дарованъ, какъ особая милость, какъ видъ усиленной охраны, даже отдѣльнымъ личностямъ. Не малую роль въ развитіи понятія „королевскаго мира“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и понятія публичнаго преступленія сыграли ярмарки, мѣста торговли въ городахъ. Эти мѣста получали значеніе какъ бы нейтральной зоны: совершеніе на нихъ преступленія считалось тяжкимъ нарушеніемъ спокойствія, тишины и мира.

Въ развитіи понятія публичнаго преступленія должно быть отмѣчено также значеніе изгнанія изъ общины того ея члена, дальнѣйшее общеніе съ которымъ представлялось невозможнымъ. Большинство изслѣдователей видитъ въ изгнаніи одну изъ первыхъ формъ борьбы съ преступниками внутри самого рода. Съ изгнан-

нымъ запрещалось всякое общеніе и положеніе его становилось тѣмъ болѣе тяжелымъ, что только семья или родъ могли дать дѣйствительную защиту въ тотъ вѣкъ безпрестанной борьбы. Изгнаніе, какъ форма борьбы съ преступленіями сородичей, представляетъ собой интересный правовой институтъ. Оно походило на болѣе позднее лишеніе всѣхъ правъ состоянія, такъ какъ изгоняемый лишался всего своего имущества (оно подвергалось уничтоженію), и самая жизнь преступника становилась беззащитной.

Таковы были формы, въ которыя постепенно вливалось понятіе публичнаго преступленія. На смѣну частнаго интереса племени или рода являлся интересъ лицъ, чужихъ для рода потерпѣвшаго (собственника участка, князя); часть уплаченной преступникомъ суммы шла въ пользу лицъ, никакимъ родствомъ съ потерпѣвшими не связанныхъ (посредниковъ, судей, жрецовъ и пр.); вмѣсто убійства изъ мести или выкупа теперь преступника постигало умерщвленіе— смертная казнь, не какъ актъ исключительно частной мести, а какъ послѣдствіе приговора надлежащей власти. Характерныя особенности одного періода въ исторіи преступленія и борьбы съ нимъ переходятъ въ другой и вытѣсняются новыми чертами другой эпохи лишь постепенно. Никакой рѣзкой границы между періодами провести невозможно. Такъ, напримѣръ, въ самый актъ исполненія смертной казни по судебному приговору вносятся черты, сближающія это наказаніе съ убійствомъ въ эпоху частной мести. Въ качествѣ палачей прежде всего выступаютъ родственники убитаго или вообще потерпѣвшіе. У древнихъ евреевъ родственники потерпѣвшаго первые бросали свои камни въ приговореннаго, у абиссинцевъ приговоренный къ разстрѣлу умерщвляется 12 родственниками потерпѣвшаго и только въ случаѣ ихъ недостачи недостающее число ихъ пополняется воинами негуса; въ Фрисландіи обокраденный долженъ былъ самъ повѣсить вора и т. п.

Уголовное право слагающагося государства все ярче и полнѣе отражаетъ на себѣ соціальныя неравенства: оно болѣе, чѣмъ какая-либо другая отрасль права, подчеркиваетъ силу и значеніе отдѣльныхъ классовъ. Кодексъ Ману, создавая вопіющее неравенство въ своихъ статьяхъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, объясняетъ это неравенство самымъ происхожденіемъ кастъ: браминъ вышелъ изъ головы верховнаго существа, воинъ изъ его руки, купецъ изъ кармана, а на долю судры выпало низкое происхожденіе изъ ступни. Вслѣдствіе высокаго своего происхожденія браминъ получилъ право повелѣвать всѣми остальными; только ему дозволено изучать книгу законовъ. Воины обязаны исполнять приказанія браминовъ и защищать ихъ потому, что рука защищаетъ тѣло и исполняетъ волю головы; торговцы должны поддерживать браминовъ своею торговлею, а судра долженъ служить всѣмъ, не спрашивая себѣ награды.

Неравенства отдѣльныхъ классовъ передъ лицомъ уголовного законодательства были полнѣе другихъ освѣщены въ криминали-

стической литературѣ итальянскимъ изслѣдователемъ Ваккаро въ его трудѣ „Происхожденіе и дѣйствіе уголовныхъ законовъ“. Уже при господствѣ системы выкуповъ наблюдается большое различіе въ размѣрахъ выкупныхъ суммъ въ зависимости отъ положенія потерпѣвшаго и преступника. Оно становится еще болѣе очевиднымъ, когда государство беретъ въ свои руки наказаніе преступника. „Браминъ,—читаемъ мы въ уложеніи Ману,—не можетъ быть казненъ смертью, лица же другихъ кастъ могутъ быть казнены. Ману назначилъ десять мѣстъ на тѣлѣ лицъ трехъ кастъ для ихъ наказанія, что же касается брамина, то онъ долженъ оставаться цѣль и невредимъ“. „Пусть король никогда не губить брамина, хотя бы онъ совершилъ всѣ преступленія; пусть онъ изгонитъ его изъ царства, не лишая его имущества и не причиняя ему никакого зла“ (ст. 380).

Если въ предшествующій періодъ несостоятельность лица, совершившаго преступленія, открывала возможность мести ему, то теперь неимѣніе у обидчика необходимой денежной суммы для погашенія штрафа или выкупа вело къ его наказанію. Откупъ отъ наказанія, представляющій всѣ выгоды лишь имущему классу, сохраняется въ уголовныхъ законодательствахъ очень долгое время и не исчезъ окончательно даже и теперь. У вестготовъ, напримѣръ, подлогъ королевской грамоты влекъ за собою для осужденнаго изъ высшаго сословія потерю половины его состоянія, а для преступника изъ низшаго класса—отсѣченіе руки. По русскому уложенію 1649 г. за обиду лица высшаго сословія лицомъ средняго класса полагалась уплата безчестья, а при несостоятельности—наказаніе кнутомъ; за обиду лицъ этого же высшаго класса лицомъ низшаго сословія—наказаніе кнутомъ и тюрьма; за обиду лицъ средняго класса кѣмъ бы то ни было платится безчестье (ст. 93); что же касается обиды крестьянъ, то законъ лишь предусматривалъ побои, сопровождавшіеся тяжкимъ увѣчьемъ, и угрожалъ взысканіемъ „за безчестіе и увѣчье“ десяти рублей.

Карательная система въ кодексахъ тѣхъ государствъ, которыя, при неуплатѣ выкупа, допускаютъ месть лишь какъ исключеніе или даже уже запрещаютъ ее, не отличается разнообразіемъ. Такъ, въ Хаммураби, когда судебныя функціи сосредоточивались въ рукахъ свѣтскихъ судей, назначавшихся королемъ, но отправленіе правосудія совершалось въ самихъ храмахъ или у входа въ нихъ, смертная казнь занимаетъ первое мѣсто и встрѣчается болѣе чѣмъ въ 30 случаяхъ; кромѣ нея, примѣняются тѣлесныя наказанія и изгнаніе. Однако лѣстница наказаній быстро усложняется. Уже въ кодексѣ Хаммураби смертная казнь исполняется различными способами (утопленіе, сожженіе, посаженіе на колъ, повѣшеніе). Наказанія становятся все болѣе изощренно жестокими. Государственная власть видитъ въ нихъ могущественное средство устрашенія подданныхъ. Кодексъ Ману, провозглашая божественное установленіе кары, объ-

ясняетъ появленіе наказанія желаніемъ божества помочь королямъ въ дѣлѣ управленія страной: „наказаніе правитъ человѣческимъ родомъ, наказаніе бодрствуетъ, когда родъ людской спитъ, наказаніе—сама справедливость“.

Наивысшаго своего развитія устрашительныя наказанія достигли въ средніе вѣка. Виды смертной казни и тѣлесныхъ наказаній исчисляются къ этому времени крупными цифрами. Каждый видъ казни подраздѣляется въ свою очередь на нѣсколько подвидовъ. Такъ, на примѣръ, практика знала сожженіе (на кострѣ, въ срубѣ, на медленномъ огнѣ), копченіе, кипяченіе (въ водѣ, въ маслѣ), повѣшеніе за шею, за ноги, за ребро), отсѣченіе головы, утопленіе (простое и въ мѣшкѣ съ кошкою, пѣтухомъ и змѣею). На ряду съ этими способами казнь совершалась также посредствомъ четвертованія, разрубанія на куски, колесованіемъ (переломъ костей колесомъ, которымъ палачъ ударялъ по рукамъ, ногамъ и, наконецъ, по шеѣ), сдираніемъ кожи, закапываніемъ, залитіемъ горла (кипящимъ масломъ или расплавленнымъ металломъ), посредствомъ вытягиванія кишекъ и пр. Въ случаѣ совершенія болѣе тяжкихъ преступленій казнь совершалась особенно тяжкими способами, иногда спеціально придуманными для преступника. На ряду съ этими наказаніями въ большемъ распространеніи были разнообразныя позорящія наказанія. Какъ и смертная казнь, они отличались изощренностью и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительною грубостью. Одѣваніе преступника въ особые позорные костюмы, выставленіе его у входа въ церковь или на площади въ спеціально сдѣланныхъ устыдительныхъ маскахъ (см. рис. 1), предоставленіе осужденныхъ народу на посмѣшище прикрѣпленными къ позорному

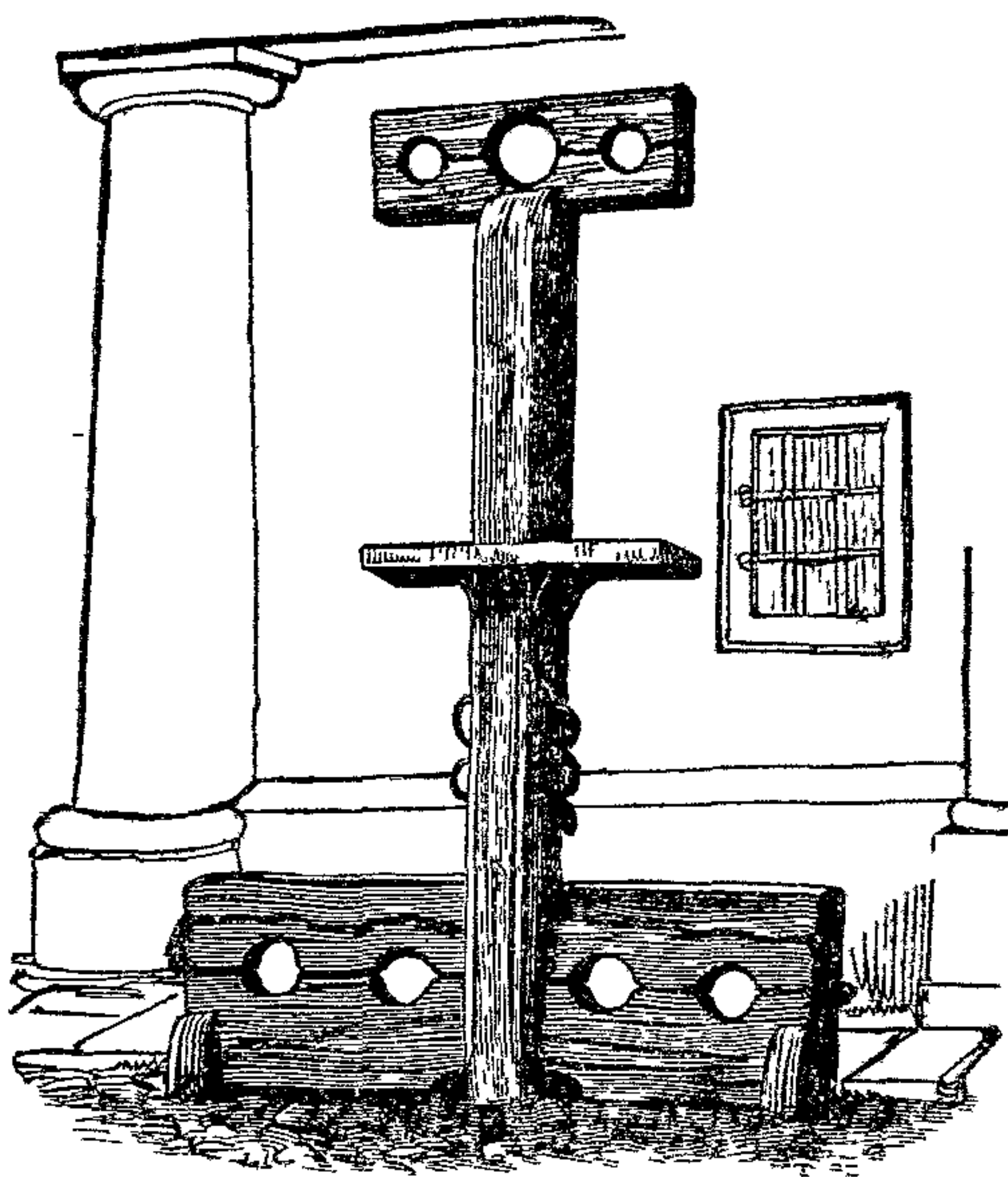
1. Позорныя маски. Изъ кн. Quanter: „Leibes und Lebens Strafen“.

столбу (см. рис. 2), забрасываніе ихъ грязью, ношеніе колодокъ и „бочки“ (см. рис. 3) битье палачомъ по щекамъ еще далеко не исчерпывали перечня наказаній этой категоріи. Часто особымъ успѣхомъ въ практикѣ судовъ пользовалось разнообразное сочетаніе наиболѣе жестокаго способа казни съ

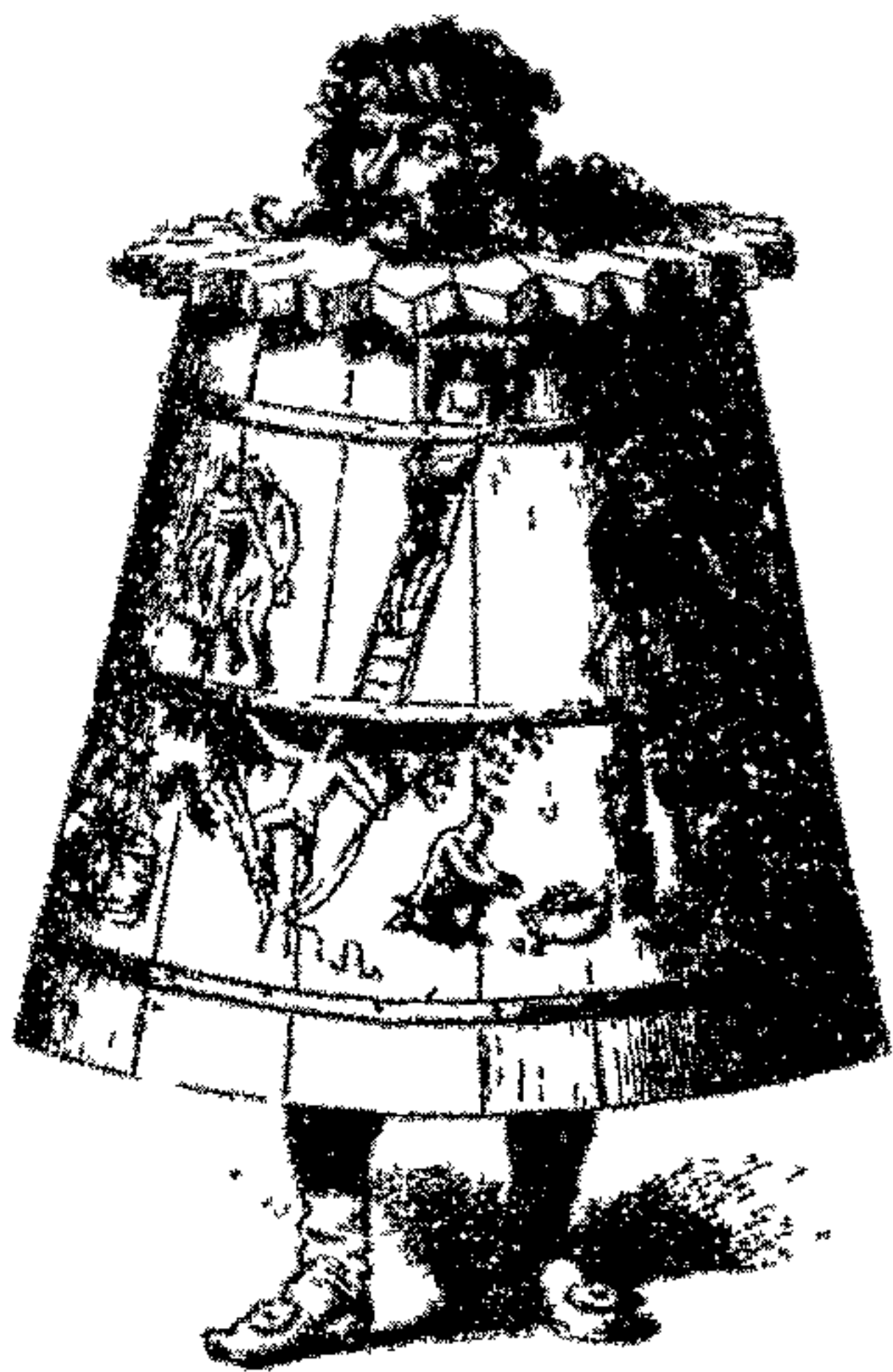
наиболѣе грубымъ предварительнымъ осмѣяніемъ осужденнаго: приговоренные къ сожженію одѣвались въ шутовскіе костюмы, ихъ

привязывали къ хвосту лошади и везли на рогожахъ къ мѣсту казни. Такъ, молитвъ доховенства передъ казнью и стомамъ пытаемаго предшествовалъ смѣхъ издѣвавшейся толпы. Нерѣдко наказаніе превращалось въ бѣшеную оргію, гдѣ женщинъ, виновныхъ въ половыхъ преступленіяхъ, выставляли народу голыми. Марія-Терезія приказывала въ своемъ кодексѣ приводить проститутку въ однѣхъ рубашкахъ въ воскресный день къ церкви, обривать имъ съ головы волосы, обмазывать обритыя головы дегтемъ, сѣчь розгами и въ сопровожденіи толпы вывозить ихъ въ телѣгѣ за городъ.

Періодъ устрашительныхъ и позорящихъ наказаній подробно обслѣдованъ въ иностранной и русской литературѣ Андревсомъ, Кванте-

2. Позорный столбъ. Изъ кн. Andrews: „Les châtimens de Jadis“.

3. Устыдительное наказаніе для развратниковъ и пьяницъ. Изъ кн. Quanter: „Leibes und Lebens Strafen“.

размѣра различныхъ частей этихъ орудій пытки.

ромъ, Гельбингомъ, Юлингомъ, Сергѣевскимъ, Филипповымъ и др. Наиболѣе типичнымъ законодательнымъ памятникомъ этой эпохи въ борьбѣ съ преступностью является Бамбергское Уголовное Уложеніе 1511 и составленное подъ непосредственнымъ его вліяніемъ Уложеніе Карла V 1532 г. Они богато иллюстрированы изображеніемъ различныхъ орудій казни и пытокъ. На обложкахъ этихъ кодексовъ мы находимъ изображеніе казни повѣшеніемъ, отсѣченіемъ головы, наказанія розгами и прочее (см. рис. на стр. 295). Въ текстѣ помѣщены картины пытки и прочее. Насколько долго продержалась эта вѣра въ значеніе устрашительнаго наказанія, видно изъ офиціального изданія Уложенія Маріи-Терезіи 1769 г. Въ приложеніи къ нему помѣщены большія in folio изображенія пытки огнемъ, сдавливанія рукъ и ногъ особыми инструментами, вздергиванія на дыбу, съ подробнымъ указаніемъ точнаго

Въ слагающемся государствѣ тягчайшими и вмѣстѣ съ тѣмъ одними изъ наиболѣе многочисленныхъ преступленій являются религіозныя и государственныя, но законъ признаетъ на ряду съ ними цѣлый рядъ другихъ преступленій: противъ нравственности, противъ личности и собственности. Такъ, въ кодексѣ Хаммураби въ числѣ преступленій обозначены и обложены суровыми наказаніями ложное обвиненіе въ чародѣйствѣ, ложный доносъ, лжесвидѣтельство, уничтоженіе судьей своего приговора, кража изъ храма, со двора дворца, кража ребенка, раба, скота, присвоеніе найденнаго, кража со взломомъ, кража во время пожара, укрывательство бѣглаго раба, разбой, вторичное требованіе долга, неправильный расчетъ содержательницы корчмы за проданные напитки, неявка на войну, освобожденіе отъ воинской службы, входъ жрицы въ корчму, недонесеніе содержательницы корчмы о собраніи заговорщиковъ, присвоеніе ввѣреннаго, прелюбодѣяніе, связь съ замужнею, пособничество къ убійству мужа, кровосмѣшеніе отца съ дочерью, связь отца съ невѣстою сына, связь сына съ матерью, подмѣнъ ребенка кормилицею, оскорбленіе пріемныхъ родителей, оскорбленіе дѣйствіемъ, нанесеніе удара беременной, при чемъ принимаются во вниманіе послѣдствія этого удара, причиненіе выкидыша, неудачная операція, произведенная врачомъ и повлекшая за собою потерю глаза или смерть, непрочная постройка, повлекшая за собою смерть, неправильное клейменіе раба.

Приведенный перечень преступленій временъ царя Хаммураби показываетъ, что имущественныя посягательства разсматриваются кодексомъ почти въ той же системѣ, какая принята дѣйствующими уложеніями. Похищеніе раздѣляется на ненасильственное и насильственное; различаются квалифицированные случаи кражи по объекту, по способу, по времени и мѣсту совершенія и пр. Собственность уже настолько цѣнное благо, что за нарушеніе ея установлены строгія кары, вплоть до смертной казни. Но то обстоятельство, что статья о ложномъ обвиненіи въ чародѣйствѣ помѣщена второю въ кодексѣ, какъ будто указываетъ на особое значеніе и важность этого преступленія, караемаго смертию.

Въ европейскихъ государствахъ преслѣдованіе за колдовство и за другія религіозныя преступленія достигаетъ своего высшаго развитія въ средніе вѣка. Насколько колдовство считалось распространеннымъ преступленіемъ, свидѣлствуютъ прежде всего сами кодексы и судебная практика. Въ кодексахъ рядъ статей предусматривалъ не только составъ самыхъ разнообразныхъ преступленій колдовства, но и давалъ подробныя наставленія для допроса заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ (см. рис. 4). Такъ, напримѣръ, Баденское Земское Право 1588 г. предписывало спрашивать подъ пыткою обвиняемыхъ о количествѣ напущенныхъ ими тумановъ, о числѣ съѣденныхъ ими младенцевъ, о внѣшнемъ видѣ нечистаго, съ которымъ происходили половыя сношенія, о содержаніи подписаннаго дого-

вора съ дьяволомъ, о полетахъ на шабашъ, о превращеніи въ животныхъ, о ниспосланіи бурь, тумановъ и пр.

Представляется невозможнымъ установить точныя цифры казненныхъ за колдовство, но онѣ были громадны. Въ нѣкоторыхъ городахъ особыми указами предписывалось совершать еженедѣльно определенное число казней. Такъ, напримѣръ, въ Герольцгофенѣ было приказано сжигать „еженедѣльно по вторникамъ, кромѣ дней великихъ праздниковъ, по 25 или 20 и никакъ не менѣе 15 вѣдьмъ“; въ небольшомъ вюрцбургскомъ городкѣ Цейлѣ были сожжены въ 1617 г. 6 марта 4 женщины, 13 апрѣля 2 женщины, 26 іюня 1 колдунъ и 3 колдуньи, 7 августа—2 женщины, 22 августа—11 женщинъ, 27 сентября—одна колдунья, 4 октября—9 вѣдьмъ, 16 декабря—6 колдуновъ и т. д. Эти осужденія многихъ сотенъ тысячъ за колдовство и за религіозныя преступленія накладываютъ своеобразный отпечатокъ на преступность среднихъ вѣковъ. Но рассматриваемое нами время было не только эпохой господства духовенства съ его широкимъ вліяніемъ на всѣ сферы общественной жизни и на всѣ стороны юридическаго уклада, но также эпохой господства кулачнаго права. Дворянство, при малѣйшихъ основаніяхъ и безъ всякихъ основаній, дралось на дуэляхъ и не отказывалось отъ нихъ даже и тогда, когда законъ сталъ грозить дуэлянтамъ смертною казнью, лишеніемъ герба и дворянскаго званія. Безпрерывныя войны съ разореніемъ городовъ и селеній, съ уничтоженіемъ посѣвовъ вели къ обнищанію населенія и къ росту имущественныхъ преступленій. Достигшее большихъ размѣровъ бродяжничество служило источникомъ многихъ преступленій и въ частности разбоевъ и грабежей. Борьба за королевскіе и папскіе престолы приводила къ развитію отравленій и другихъ убійствъ. Отравленіе настолько сильно распространилось, что вызвало необходимость изданія ряда новыхъ законовъ. Оно продолжалось въ теченіе долгаго времени оставаться въ числѣ религіозныхъ преступленій, такъ какъ предполагалось, что составленіе яда требуетъ помощи дьявола.

4. Пытка обвиняемой въ колдовствѣ. Изъ кн. Andrews: „Les châtimens de Jadis“. Со старинной гравюры.

Такимъ образомъ, эти дуэли, грабежи, разбои на сушѣ, а при развившемся мореплаваніи также и на морѣ, отравленія среди знати придають преступности тяжелый характеръ. Еще болѣе кровавый характеръ носить сама борьба съ преступностью. Даже нѣ-

которые виды кражи и бродяжничество влекутъ за собою осужденіе на смерть.

Только въ XVIII столѣтіи начинается болѣе значительное смягченіе преступности и борьбы съ нею. Въ русской литературѣ П. Сорокинъ въ оригинальной своей работѣ „Преступленіе и кара, подвигъ и награда“ (1914), выясняя „эволюціонныя тенденціи каръ“, отмѣчаетъ, что на ряду съ паденіемъ качественной жестокости каръ, происходитъ и количественное ихъ паденіе: число караемыхъ уменьшается. Этотъ законъ развитія наказанія подтверждается многими фактами. По библіи кара падаетъ на весь народъ, на рядъ поколѣній. Если ранѣе отвѣчаетъ весь родъ, то позднѣе, при выработкѣ понятія личной вины, отвѣтственность несутъ лишь виновные; сужается также и кругъ виновныхъ, такъ какъ изъ него исключаются невмѣняемые. Но къ этому вопросу о законахъ эволюціи наказанія мы вернемся въ послѣдней главѣ. Ростъ культуры, измѣненіе политическихъ условій, увеличеніе роли третьяго сословія были тѣми могущественными причинами, которыя оказывали свое вліяніе на измѣненіе характера преступности и борьбы съ нею. Во французской литературѣ трудъ Дежардена (Наказы сословія и уголовное право) нарисовалъ яркую картину несоотвѣтствія состоянія уголовного матеріальнаго и процессуальнаго законодательства желаніямъ большинства французскаго населенія и въ частности картину глубокаго недовольства третьяго сословія карательною системою, обрушивавшеюся несправедливо всею своею тяжестью на осужденныхъ изъ этого сословія. Въ своихъ наказахъ депутатамъ третье сословіе съ особенною подробностью останавливалось на вопросахъ уголовного права и требовало частью отмѣны смертной казни, частью сокращенія области ея примѣненія, отмѣны пытокъ и общаго смягченія репрессіи и равенства всѣхъ передъ уголовнымъ закономъ. Эти требованія были удовлетворены лишь отчасти. Къ XIX вѣку и въ началѣ его были отмѣнены во Франціи, а также и въ другихъ европейскихъ государствахъ пытки, квалифицированные виды казни, увѣчающія и частью болевые тѣлесныя наказанія. На смѣну идеи устрашенія наказаніемъ выдвигается мысль о необходимости исправленія преступника. Эта новая задача уголовной политики быстро получаетъ широкое распространеніе и общее признаніе. Однако, какъ мы увидимъ въ послѣдней части нашей работы, старая идея о наказаніи, возмездіи глубоко врослась въ различные институты уголовного права и еще крѣпко связываетъ ихъ между собою своими многовѣковыми переплетшимися корнями, задерживающими и заглушающими ростъ идеи объ исправленіи преступника.

Требованіе равенства передъ уголовнымъ закономъ встрѣтило особое противодѣйствіе въ законодателяхъ. Если они постепенно соглашались на уравниеніе всѣхъ въ отношеніи примѣняемыхъ наказаній, то они крѣпко держались за нѣкоторыя уголовно-процессуальныя различія и за установленныя понятія квалифицирован-

ныхъ преступленій въ зависимости отъ принадлежности обвиняемаго къ той или другой классовой группѣ. Такъ, на примѣръ, въ области судоустройства возможность отправленія судебной должности связывалась и во многихъ мѣстахъ продолжаетъ связываться съ принадлежностью лица къ опредѣленному сословію или, по крайней мѣрѣ, съ обладаніемъ имъ опредѣленнымъ имуществомъ (этотъ такъ называемый имущественный цензъ иногда бываетъ очень высокъ и нерѣдко состоитъ въ требованіи обладанія земельною собственностью). Въ области судопроизводства эти неравенства выражаются въ установленіи такой высокой оплаты актовъ судейскаго правосудія, которая лишаетъ малоимущихъ возможности обращаться къ суду. Въ области матеріальнаго уголовного законодательства противорѣчіе принципу равенства выражается въ признаніи дѣяній преступными или требующими большаго наказанія, если ихъ совершаетъ лицо, принадлежащее къ рабочему классу. Такъ, на примѣръ, по русскому законодательству убійство слугою господина, подмастерьемъ мастера, кража прислугою у хозяевъ являются квалифицированными преступленіями. Яркою иллюстраціе противорѣчія принципу равенства въ уголовномъ правѣ служитъ законодательство объ отвѣтственности рабочихъ за стачки, съ одной стороны, и отвѣтственности предпринимателей за нарушенія интересовъ рабочихъ, съ другой стороны. Такъ, на примѣръ, несмотря на роль рабочихъ во французской революціи, законъ 21 авг. 1790 г. приравнялъ къ скопищамъ мятежниковъ всякія собранія ремесленниковъ, рабочихъ или поденщиковъ въ цѣляхъ измѣненія условій труда. Въ то же время законъ ничего не говорилъ о такихъ же собраніяхъ предпринимателей. Наполеонъ закономъ 22 жерминаля XI года установилъ наказаніе рабочихъ тюрьмою за стачку, независимо отъ того, были ли справедливы ихъ требованія или нѣтъ, и въ то же время опредѣлилъ, что предприниматели, составившіе коалицію, подлежатъ отвѣтственности лишь въ томъ случаѣ, если пониженіе заработной платы было несправедливо или сопряжено съ злоупотребленіемъ; при этомъ, въ то время, когда предприниматели могли быть приговорены къ денежному штрафу, рабочіе подлежали тюремному заключенію. Этотъ законъ вошелъ въ кодексъ 1810 г. Сходныя постановленія были усвоены законодательствами и въ другихъ странахъ, въ которыхъ мѣнялся характеръ промышленности, развивались крупныя фабрики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочее движеніе съ его лозунгомъ борьбы за улучшеніе своего положенія.

Въ общую преступность XIX вѣка отдѣльныхъ странъ вливается новая струя, разрастающаяся постепенно въ цѣлый потокъ. Это специфическая преступность рабочаго класса. По своему характеру она приближалась къ политической преступности и временами даже вполне сливалась съ нею. Ей были чужды узко-эгоистическіе интересы и была свойственна готовность самопожертвованія. Несмотря на уголовныя кары, среди рабочихъ растетъ стре-

мленіе къ единенію. Правительства предписываютъ администраціи строго слѣдить за этими нарушеніями рабочими уголовного закона. Суды выносятъ имъ строгіе приговоры. Но забастовки все болѣе входятъ въ повседневную жизнь. Одновременно растетъ объединеніе и среди предпринимателей. При менѣе строго относящемся къ нимъ уголовномъ законѣ у нихъ, кромѣ того, было болѣе возможности сохранить въ тайнѣ свою коалицію и такимъ образомъ избѣжать уголовного преслѣдованія. Въ теченіе XIX вѣка эта преступность рабочихъ постепенно мѣняетъ свой характеръ. Бывшіе въ началѣ случаи возстанія съ оружіемъ въ рукахъ уступаютъ мѣсто бурнымъ проявленіямъ своего недовольства съ разрушеніемъ фабричнаго и заводскаго имущества и, наконецъ, замѣняются простымъ прекращеніемъ работы. Къ концу XIX вѣка забастовки въ различныхъ законодательствахъ болѣе или менѣе перестаютъ быть преступными дѣяніями, но цѣлый рядъ дѣйствій, непосредственно связанныхъ съ успѣшнымъ проведеніемъ стачки, еще продолжаетъ оставаться запрещеннымъ подѣ страхомъ наказаній.

Содержаніе преступности новаго времени мѣняется не только подѣ вліяніемъ преступленій рабочихъ въ борьбѣ за улучшеніе ихъ экономическаго положенія. Не менѣе замѣтнымъ оказывается также измѣненіе, произведенное развитіемъ политическихъ преступленій и преступленій печати.

Политическія преступленія XIX вѣка значительно отличаются отъ другихъ видовъ преступности. Въ то время какъ главнымъ, а иногда даже и единственнымъ поставщикомъ преступности противъ собственности и во многихъ случаяхъ также и противъ личности являлись и являются неимущіе, нѣтъ класса, который не пріобщался бы въ ту или другую эпоху къ политической преступности. Въ этомъ отношеніи происходила послѣдовательная и постепенная замѣна роли одного класса значеніемъ другого. Въ спеціально уголовной итальянской литературѣ Карль Манесъ, во французской Бонгеръ, въ русской Тарновскій и Берманъ съ достаточною полнотою выяснили преемственность классовъ въ политической преступности. Карль Манесъ выразилъ законъ роста политической преступности въ краткой формулѣ: по мѣрѣ того какъ тотъ или другой классъ всходитъ на арену политической жизни, появляется и растетъ его политическая преступность. Въ классическомъ мірѣ сословія земельной аристократіи и воинское, въ феодальную эпоху представители дворянства въ ихъ борьбѣ съ короною уступаютъ въ политической преступности свое мѣсто буржуазіи, а эта послѣдняя—рабочему классу. Такимъ образомъ происходитъ процессъ демократизаціи или, по выраженію Манеса, индустріализаціи политической преступности. Среди главарей французской революціи не было рабочихъ, среди же 81 главара коммунаровъ ихъ было 35 при громадномъ числѣ ихъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи.

Въ Россіи декабрьское возстаніе 1825 г. было дѣломъ дворянскаго сословія. По изслѣдованію Анучина о процентѣ ссылаемыхъ въ Сибирь за время 1827—1846 г. на каждую сотню сосланныхъ за государственныя преступленія приходилось 63,05 дворянъ, 6,04 мѣщанъ, 12,32 государственныхъ крестьянъ, 4,93 помѣщичьихъ крестьянъ и 13,30 военного сословія. Преобладаніе дворянскаго сословія замѣчается въ русской политической преступности и 50—90 гг., но по мѣрѣ того, какъ участіе привилегированнаго сословія въ совершеніи государственныхъ преступленій все падаетъ, участіе другихъ сословій возрастаетъ. По процессу 50-ти 1877 г. почти половина обвиняемыхъ (23 чел.) были дворянами и только 10 крестьянъ. По дѣлу о демонстраціи на площади въ С.-Петербургѣ 1876 г. изъ 18 осужденныхъ были только одинъ фабричный рабочий, двое ремесленниковъ и 8 студентовъ и учащихся.

По вычисленіямъ Тарновскаго среди привлеченныхъ къ дознанію по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ въ 1884—1890 гг. было 30,6 дворянъ, 6,4 духовнаго званія, 12,1 почетныхъ гражданъ и купцовъ, 27,5 мѣщанъ, 19,1 крестьянъ. По профессіи: 27,9 либеральныхъ профессій, 25,4 учащихся, 13,4 занимающихся обрабатывающей промышленностью, 7,1 занимающихся сельскимъ хозяйствомъ и добывающею промышленностью. Такимъ образомъ, сословіе мѣщанъ въ 1884—90 гг. уже приближается по своей преступности къ сословію дворянъ, но мѣщане—жители городовъ, ростъ которыхъ составляетъ необходимое послѣдствіе вступленія страны въ капиталистическій строй. Рѣзкое измѣненіе въ этихъ цифрахъ наступаетъ въ 1901—1903 гг. На сто привлеченныхъ въ эти годы къ дознанію за государственныя преступленія приходится 10,7 дворянъ и дѣтей чиновниковъ, 37 крестьянъ, 43,9 мѣщанъ, 4,1 почетныхъ гражданъ и купцовъ, 1,6 духовнаго званія. По профессіи: обрабатывающая промышленность даетъ 42,8, сельское хозяйство и добывающая промышленность 9, либеральныя профессіи, нематеріальное производство 19,1, учащіеся 9,6. Классъ непосредственныхъ производителей идетъ уже впереди всѣхъ въ политической преступности. По вычисленіямъ Бермана этотъ процессъ демократизаціи политической преступности, перехода сельскаго и городского пролетаріата на передовыя позиціи и ухода оттуда дворянства въ ряды защитниковъ старыхъ соціально-правовыхъ нормъ выражается въ близкіе къ нашему времени годы 1905—1908 такими цифрами: на сто осужденныхъ за государственныя преступленія приходилось дворянъ и личныхъ почетныхъ гражданъ 9,1, мѣщанъ — 26,5, крестьянъ — 61,2, а по профессіи: занимающихся нематеріальнымъ трудомъ — 22,9, въ промышленныхъ заведеніяхъ — 22,7, сельскимъ хозяйствомъ — 24,2, поденщиковъ и чернорабочихъ — 18, служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ — 64, неопредѣлен. занят. — 4,6. Такимъ образомъ политическая преступность крестьянъ и мѣщанъ возросла за послѣдніе указанные годы до 87,7%. Въ то время когда полити-

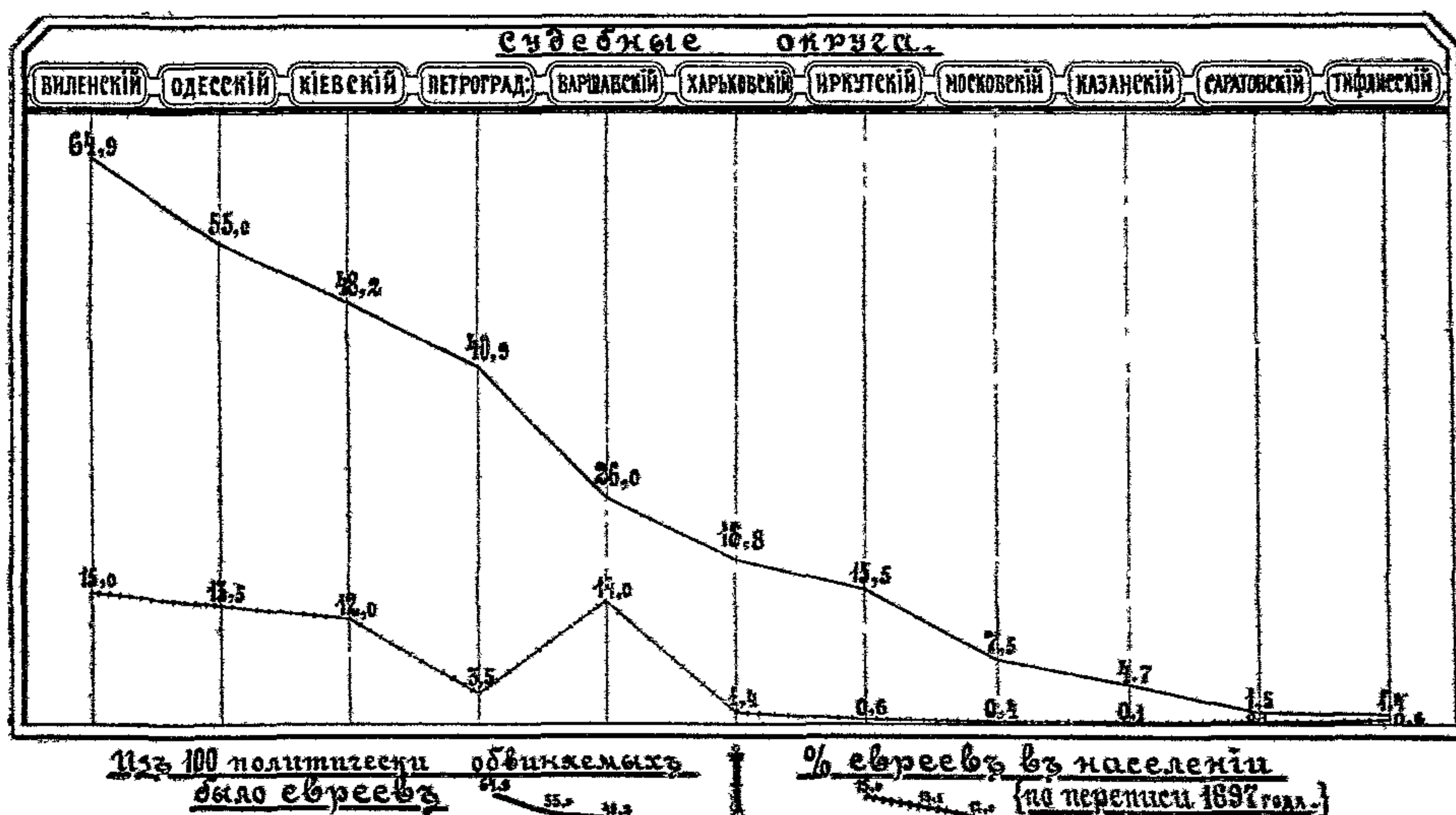
ческая преступность въ Россіи все возрастала, являясь показателемъ недовольства политическими условіями страны, въ большинствѣ другихъ европейскихъ государствъ (Англія, Бельгія, Германія, Италія, Франція, Швейцарія и др.) она уже потеряла значеніе массоваго явленія. Такъ, за время съ 1880 г. по 1900 г. во Франціи было всего 797 дѣлъ о политическихъ преступленіяхъ и преступленіяхъ печати съ общимъ количествомъ обвиняемыхъ 1345, въ 1907 г. только 24 дѣла съ 99 обвиняемыми. Въ Германіи число осужденныхъ за государственныя преступленія, не считая оскорбленія величества, въ 1899 — 1910 колебалось ежегодно между 5 и 35 (см. табл., прилож. къ стр. 318). Что же касается оскорбленія величества, то число этихъ преступленій въ девятисотые годы быстро падало и понизилось съ 416 осужденныхъ въ 1899 г. до 16 осужденныхъ въ 1910 г. Въ Бельгіи въ 1911 г. было осуждено за государственныя преступленія (противъ безопасности страны и политическихъ правъ, предусмотрѣнныхъ конституціей) всего 25 человекъ. Эти цифры показываютъ, что названныя государства уже прошли періодъ политической борьбы, выливающейся въ формы такъ называемой преступной дѣятельности, строго караемой въ Россіи.

Помимо значенія сословнаго момента въ исторіи государственной преступности отмѣчается также измѣненіе характера политическаго преступленія. На ряду съ военной измѣной, какъ однимъ изъ первыхъ государственныхъ преступленій, политическая преступность долгое время выражается главнымъ образомъ въ посягательствахъ на представителей верховной власти со стороны ихъ соперниковъ. Въ отличіе отъ болѣе позднихъ такихъ посягательствъ эти первыя покушенія стремятся къ переворотамъ въ интересахъ самихъ покушавшихся или близкихъ имъ лицъ въ надеждахъ на личныя выгоды. Заботъ объ общемъ благѣ здѣсь еще нѣтъ. Неуспѣхъ покушенія приводитъ къ казни, а успѣхъ—къ личной власти. Ни по мотивамъ, ни по способамъ дѣйствія нѣтъ различія между этимъ политическимъ убійцею и обыкновеннымъ разбойникомъ. Но съ того времени, когда цѣлью политическихъ преступленій становится водвореніе новыхъ политическихъ идеаловъ, измѣненіе образа правленія, мѣняется психологія политическаго преступника и характеръ его преступности. Для успѣха его дѣла требуется помощь широкаго круга лицъ, а это вызываетъ необходимость въ подготовкѣ этихъ лицъ къ борьбѣ за новый строй: является новый типъ политическаго преступника — пропагандистъ. Онъ исполненъ глубокой вѣры въ громадную разрушающую и созидающую силу слова и, какъ апостоль, идетъ на проповѣдь, готовый на всякія личныя жертвы. Въ спеціальной криминалистической литературѣ Ломброзо и Ляски прежде другихъ обратили вниманіе вообще на психологію политическаго преступника и въ частности на психологію политическихъ преступниковъ по страсти. Ломброзо называетъ ихъ геніями чувства и считаетъ жестокимъ смѣшивать съ обыкновенными преступниками;

съ 1901 года Россія. по 1903 годъ.

Статистика привлеченныхъ къ дознанію по политическимъ преступленіямъ.

для него они воплощеніе человѣческой красоты, почти святыя. Ихъ особенностью Ломброзо и Ляски считаютъ чрезмѣрную чувствительность, настоящую гиперестезію чувства съ могучимъ интеллектомъ и альтруизмомъ, направляющими ихъ на служеніе великимъ идеаламъ. Раньше и сильнѣе другихъ чувствуя политическія и соціальныя несправедливости, они такъ дорожатъ справедливостью, съ такимъ энтузіазмомъ относятся къ идеаламъ, что вѣрятъ въ полное ихъ осуществленіе только потому, что страстно хотятъ этого. Въ Россіи этотъ типъ политическаго преступника ярко проявился въ 60-ые годы XIX столѣтія. Извѣстное хожденіе въ народъ, являвшееся съ точки зрѣнія уголовного закона тяжкимъ преступленіемъ пропаганды, наминало по своей силѣ, захватившей русскую интеллигенцію, „настоящее религіозное движеніе съ готовностью самопожертвованія“... Неудачи пропагандистской дѣятельности, стремленіе ускорить наступленіе новаго порядка и вызванное репрессіями озлобленіе привели къ образованію новаго типа политическаго преступника — террориста. Французскій изслѣдователь Р е ж и въ его работѣ „Les regicides“ далъ характеристику нѣкоторыхъ изъ представителей этого типа, исполненныхъ въ одно и то же время безграничной любви къ однимъ и непримиримой ненависти къ другимъ. Эта характерная черта отмѣчена спеціальнымъ изслѣдованіемъ Л о м б р о з о и относительно анархистовъ, преступленія которыхъ вспыхнули на короткое, правда, время въ 80—90-хъ годахъ XIX вѣка. Преступленія анархистовъ были изучены по методу индивидуальнаго наблюденія также проф. Л а к к а с а н е мъ и Т а р д о мъ. Послѣдній изъ названныхъ авторовъ въ согласіи съ другими изслѣдователями установилъ большое значеніе здѣсь фактора экономической нужды. Если не личное крайне тяжелое матеріальное положеніе, то переживаніе чужой бѣдности является мотивомъ большинства анархистскихъ преступленій. Демократизація политической преступности (въ Россіи она имѣла мѣсто, какъ указано, лишь въ послѣднее время) приводитъ къ новымъ формамъ ея проявленія: политическое преступленіе становится по преимуществу дѣйствіемъ массоваго характера и совершается не въ подпольѣ, а открыто, въ видѣ разнообразныхъ противоправительственныхъ демонстрацій, сопротивленій властямъ и возстаній. Но современныя политическія условія различныхъ европейскихъ и внѣ-европейскихъ государствъ съ представительными законодательными учрежденіями привели къ почти полному исчезновенію этихъ преступленій тамъ, гдѣ открылась возможность легальной политической борьбы въ стѣнахъ парламентовъ, при свободѣ слова и политическихъ организацій. Внѣ сферы вліянія этихъ условій осталось лишь одно преступленіе изъ числа государственныхъ — измѣна и, въ частности, шпіонство. Причину этого надо искать въ милитаризмѣ. Со времени франко-прусской войны началось усиленное вооруженіе государствъ, постройка крѣпостей и флотовъ, усовершенствованіе средствъ истребленія и перевооруженія армій. Стремленіе не отстать

въ военномъ дѣлѣ отъ другихъ привело къ организаціи шпіонажа и одновременно къ изданію новыхъ, болѣе строгихъ законовъ противъ шпіонства въ мирное время: таковы во Франціи законъ 18 апр. 1886 о шпіонствѣ въ мирное время, въ Германіи законъ 3 іюля 1893 г. о выдачѣ военныхъ тайнъ, въ Англіи—законъ 1911, въ Россіи—1892 г. и 5 іюля 1912 г. Этотъ видъ государственныхъ преступниковъ не имѣетъ ничего общаго съ другими политическими преступниками, и жажда корыстной выгоды часто играетъ рѣшающую роль въ развитіи этой преступности.

Сказанное о психологіи политическаго преступника относится въ значительной степени также и къ осужденнымъ за преступленія печати.

Разсматриваемыя съ точки зрѣнія ихъ содержанія преступленія печати представляютъ лишь своеобразный способъ совершенія преступленій, и поэтому судьбы ихъ и политическихъ преступленій тѣсно связаны между собою. Періоды наибольшей политической преступности были вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ наибольшаго числа осужденій за преступленія печати. Такъ, на примѣръ, въ реакцію 1831 и 1832 г. во Франціи было громадное для того времени число процессовъ по обвиненію печати — 411; редакторы только одной газеты „Трибуна“ были приговорены въ общей сложности къ 49 годамъ тюремнаго заключенія и 157.630 франкамъ штрафа. Въ различіи отношенія къ преступленіямъ печати правительства и общества рѣзко выражалась борьба тѣхъ политическихъ силъ, изъ которыхъ одна скоро должна была быть побѣждена другою: на помощь органамъ печати по уплатѣ высокихъ штрафовъ приходилъ самъ народъ, приносившій въ редакціи средства на покрытіе наложенныхъ взысканій. Преступленія печати по мотивамъ политическаго характера были на ряду съ немногими другими преступленіями чистой, свѣтлой струей въ общемъ мутномъ и грязномъ потокѣ преступности XIX вѣка, но измѣнившіяся политическія условія сравнительно скоро привели къ ихъ исчезновенію. Только въ нѣкоторыхъ странахъ, и въ томъ числѣ въ Россіи, они продолжаютъ сохранять прежнее значеніе. Со второй половины прошлаго вѣка и особенно съ конца его преступленія печати совершенно мѣняютъ свой характеръ и уже вливаютъ въ общую преступность нѣкоторыхъ странъ струю наиболѣе грязную. Такъ, на примѣръ, по изслѣдованію Тарновскаго о статистикѣ преступленій печати по шести европейскимъ государствамъ видно, что во Франціи за время 1882—1900 г. изъ 42.434 общаго числа осужденныхъ судами исправительной полиціи по преступленіямъ печати громадная часть — 39.408 — была осуждена за диффамачію и оскорбленіе частныхъ лицъ. Непосредственно слѣдующее мѣсто за этимъ преступленіемъ занимаетъ число осужденныхъ за нарушеніе правилъ нравственности—1396. Также и въ Англіи наибольшее число обвиняемыхъ по преступленіямъ печати приходится на порнографію—15.873 въ 1893—1903 г. Въ Австріи также

замѣчается большое увеличеніе съ 1881 преступленій оскорбленій въ печати нравственности и чести.

Въ общей массѣ преступниковъ среднихъ вѣковъ выдающееся мѣсто по благородству характера, нравственной высотѣ мотивовъ и по самой численности принадлежало религіознымъ преступникамъ. Наступленіе новаго времени съ постепеннымъ водвореніемъ принципа религіозной свободы сокращало область преступнаго въ сферѣ религіозной мысли, и современная преступность большинства государствъ уже не знаетъ этихъ мучениковъ за вѣру. Изъ ряда кодексовъ исчезло даже такое тягчайшее преступленіе прежняго времени, какъ богохуленіе. Религіозныя преступленія свелись къ дѣяніямъ, нарушающимъ общую свободу вѣроисповѣданія и отправленія культа. Исторія этого преступленія въ XIX вѣкѣ была исторіей его быстрого вымиранія. Уже въ 1825—1830 г., т.-е. за первое пятилѣтіе французской уголовной статистики, среднее число осужденныхъ въ годъ за проступки религіознаго характера было всего 249, но это число было самое большое за все время, начиная съ 1825 г. и до нашихъ дней. Въ періодъ 1881—1900 г. оно опустилось до 35 въ годъ, а въ 1903 передъ изданіемъ закона 9 декабря 1905 г. объ отдѣленіи церкви отъ государства оно исчислялось всего 30. Такое же явленіе имѣло мѣсто и въ Германіи, гдѣ въ 1910 г. было осуждено наименьшее число за все время существованія германской статистики—173 религіозныхъ преступленія или 0,27 на сто тысячъ населенія въ возрастѣ старше 12 лѣтъ (см. табл., прилож. къ стр. 318). Но въ странахъ, гдѣ уголовное законодательство еще стоитъ на стражѣ охраны наказаніями господствующей религіи, осужденія за религіозныя преступленія продолжаютъ давать высокій процентъ. Такъ, въ Россіи въ 1890—1894 г. на каждыя 100 тыс. населенія было осуждено 8 человекъ. Въ обширномъ районѣ 33 внутреннихъ губерній Россіи, по которымъ возможно сравненіе цифръ, число дѣлъ о религіозныхъ преступленіяхъ безостановочно росло съ 316 въ 1874—1878 г. (среднее годовое) до 1011 въ 1896 г.

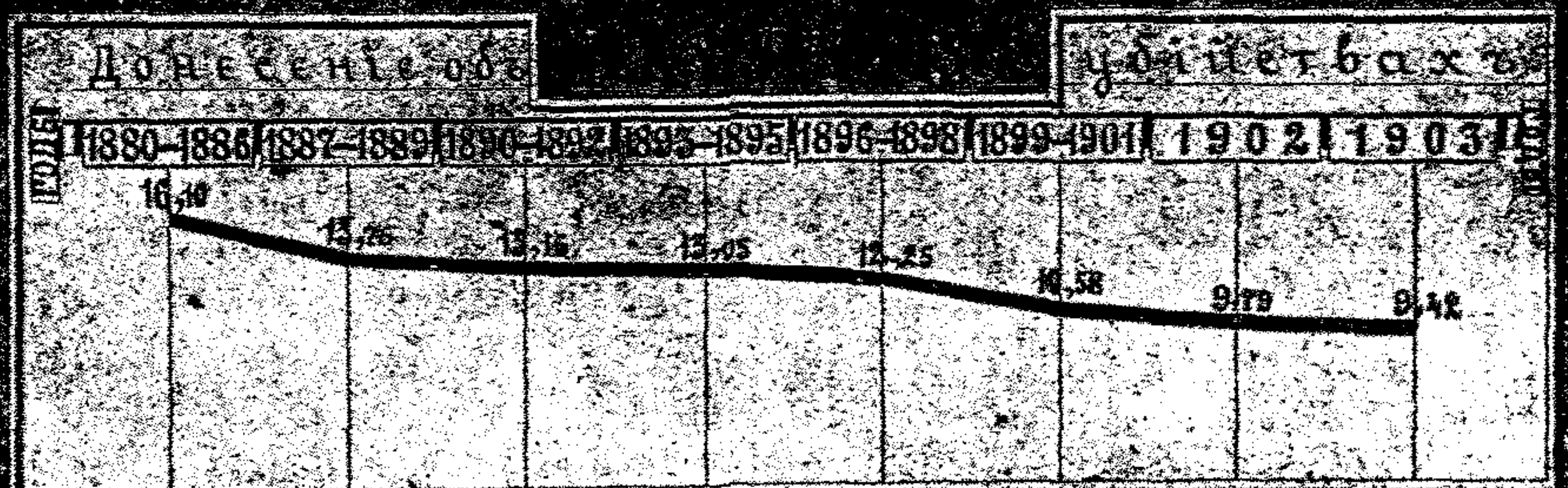
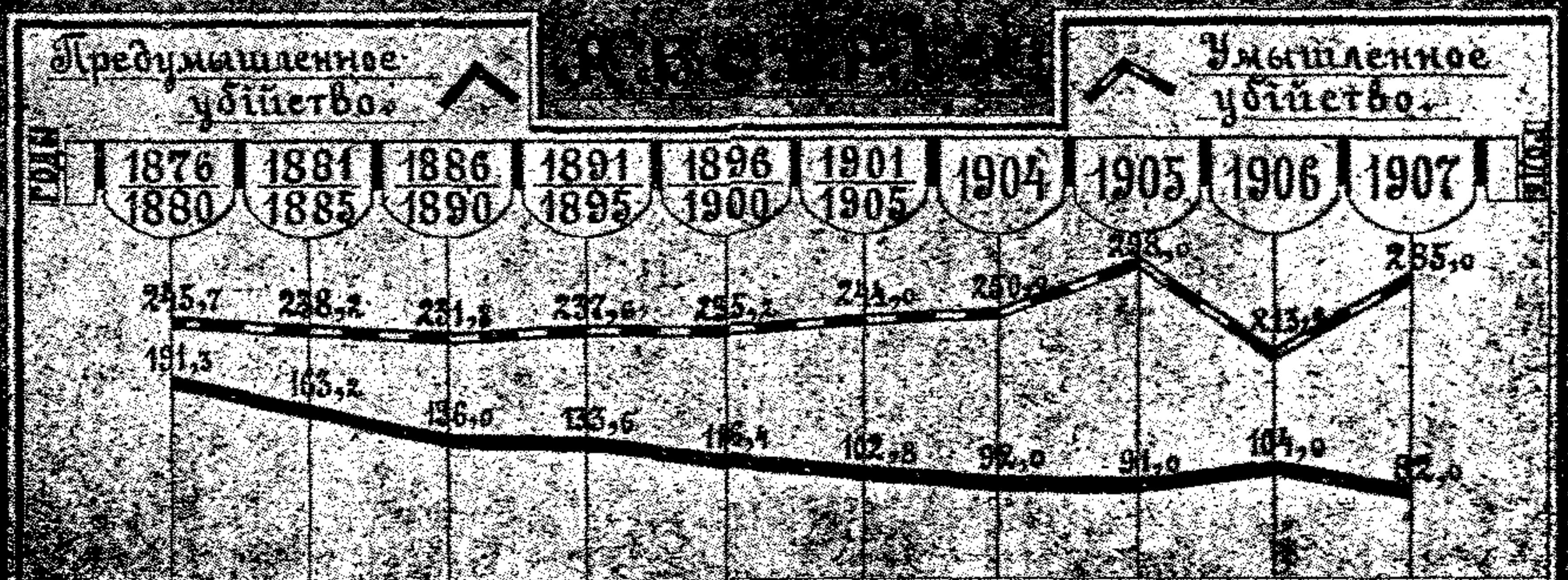
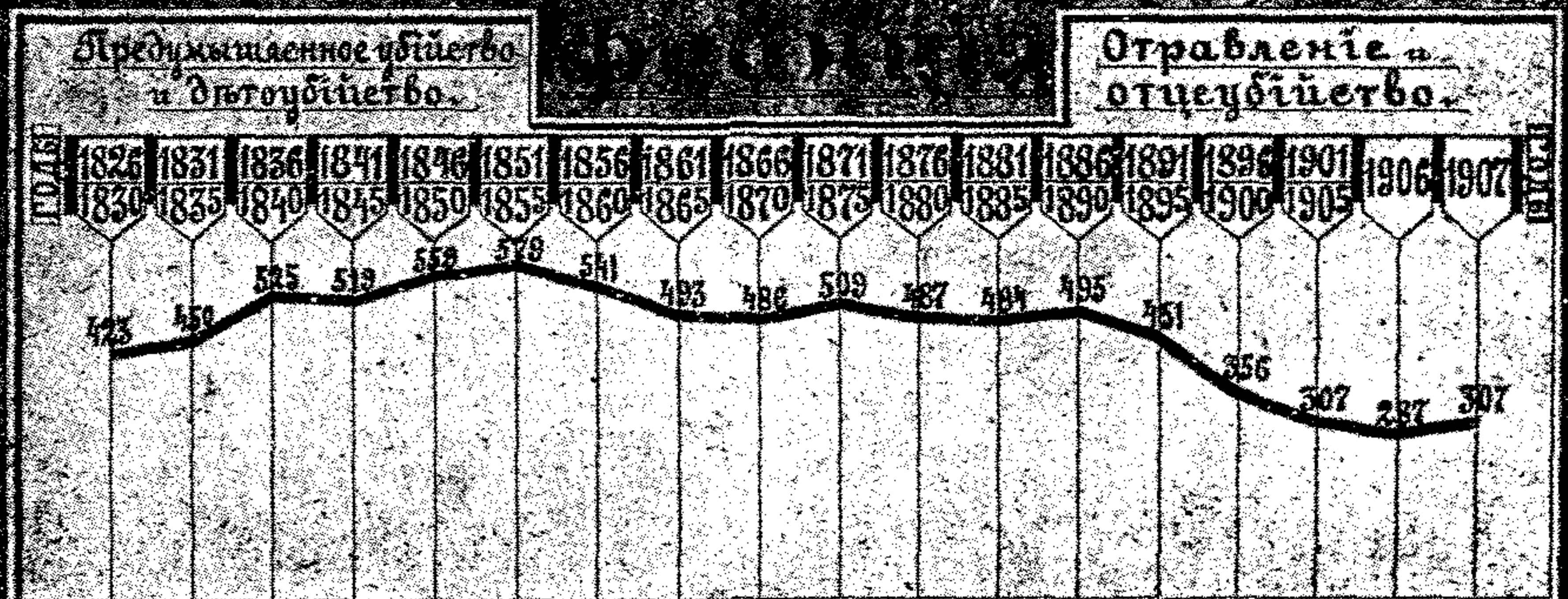
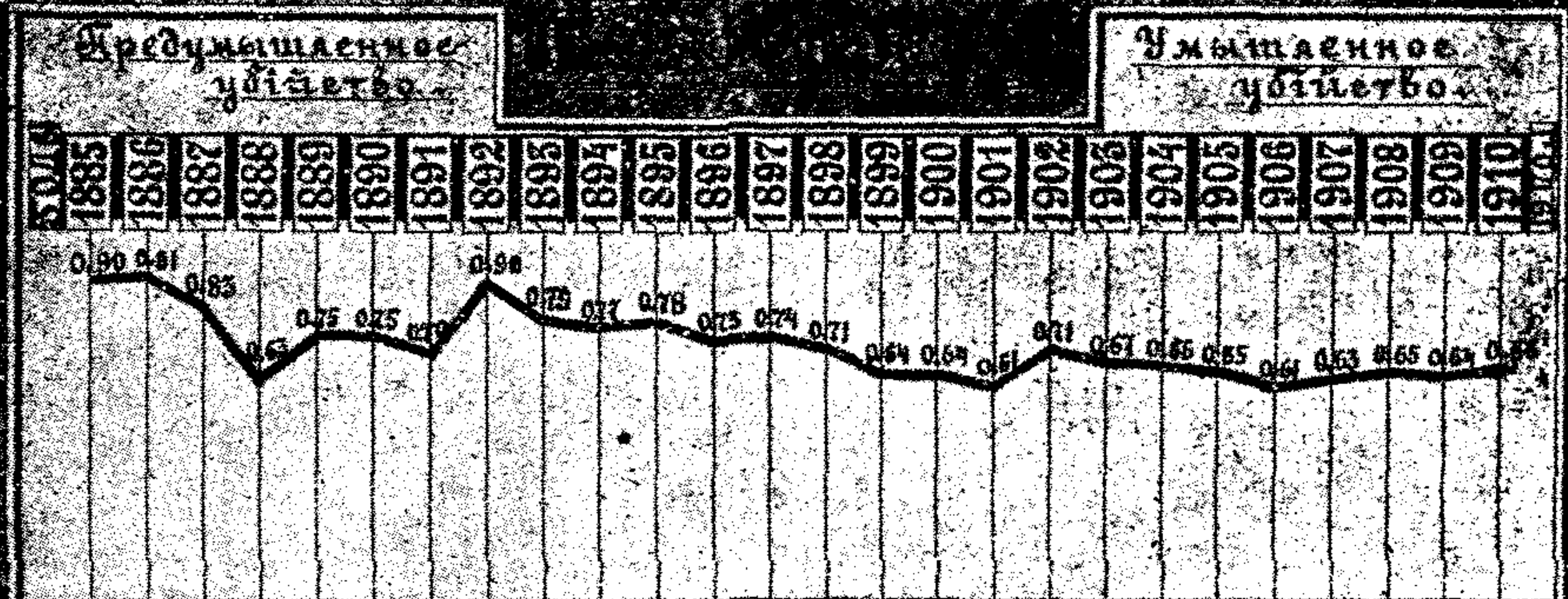
Значительно росло число осужденныхъ за религіозныя преступленія также и въ Австріи: количество осужденныхъ за богохульство, оскорбленіе святыни, отвлеченіе отъ христіанства увеличилось съ 1866 г. къ началу XX столѣтія болѣе чѣмъ въ три съ половиною раза (въ 1901 г.—188 чел.), а преступленія порицанія вѣры, кощунства, нарушенія церковнаго благочинія увеличились за это же время болѣе чѣмъ на триста процентовъ (въ 1901 г.—355 осужд.). Статистическія изслѣдованія показали, что въ то время, какъ болѣе культурные, образованные слои населенія давали наибольшее число осужденныхъ за политическія преступленія, религіозныя преступленія въ XIX вѣкѣ и теперь являются достояніемъ, главнымъ образомъ, крестьянства. Эти поиски Бога, стремленія найти истинную религію принимали то наивную по своей простотѣ форму, то грубую до изувѣрства, но вмѣстѣ съ тѣмъ чаще всего обнаруживали громад-

ное значеніе фактора соціального порядка — невѣжества. Однако религіозная преступность XIX вѣка по сравненію съ такою же преступностью прежняго времени являлась даже въ странахъ съ наименьшею религіозною свободою лишь жалкими остатками когда-то громадной по своей численности арміи, разбитой не мечомъ уголовного правосудія, а новыми общественными и политическими условіями.

Общепризнанною особенностью преступности XIX вѣка является уменьшеніе тяжкихъ, кровавыхъ и увеличеніе тѣхъ имущественныхъ преступленій, которыя вызываются страстью къ наживѣ. Это обратное измѣненіе двухъ видовъ преступности было выражено Ферреро въ формулѣ: „тамъ, гдѣ текли ручьи крови, теперь течетъ золото“. Ломброзо, придя къ такимъ же выводамъ, назвалъ первый видъ преступности атавистическою, а второй—эволютивною. Первая характеризуется грубостью примѣняемыхъ средствъ, насиліемъ, а вторая—хитростью, изощренною ловкостью преступника, лавирующаго съ большимъ или меньшимъ искусствомъ между областями дозволеннаго и преступнаго. Преступленіе перваго—прежде всего дѣло его рукъ, физической силы, а дѣяніе второго—результатъ напряженія его умственной дѣятельности. Въ группѣ первыхъ дѣяній замѣчается уменьшеніе предумышленныхъ и умысленныхъ убійствъ, дѣтоубійствъ, почти полное исчезновеніе дуэлей и отравленій, принимавшихъ въ средніе вѣка характеръ настоящихъ эпидемій среди представителей господствовавшаго класса (см. табл., прилож. къ стр. 322). Въ то же время среди преступленій второй группы наблюдается быстрый ростъ злоупотребленія довѣріемъ, поддѣлокъ, фальсификацій, банкротствъ, мошенничествъ и т. п. (см. табл., прилож. къ стр. 322).

Современная преступность носить прежде всего имущественный характеръ. Это явленіе твердо установлено рядомъ изслѣдователей по отношенію ко всѣмъ государствамъ. Такъ, по изслѣдованію Финкельбурга, изъ общей массы въ 636.853 преступныхъ дѣяній, за которыя послѣдовали осужденія въ 1909 году въ Германіи, первое мѣсто заняло воровство — 134.752. По изслѣдованію Мейера, въ швейцарскомъ кантонѣ Цюрихѣ за 1853—1892 г. осужденія за имущественныя преступленія изъ года въ годъ превышали въ нѣсколько разъ число осужденій за преступленія противъ личности: въ 1892 г., напримѣръ, на 10.000 жителей приходилось 35,7 преступниковъ противъ собственности и 14,34 противъ личности. Работа Гену, охватывающая изученіе преступности въ Женевѣ за 1828—1887 гг., констатировала постоянное численное преобладаніе воровства, мошенничества, злоупотребленія довѣріемъ надъ числомъ осужденій за пораненія, оскорбленія, посягательства противъ половой нравственности и пр. Петерсиль въ своей монографіи о преступности въ Саксоніи нашелъ, что въ этой странѣ осужденные за имущественные преступленія и проступки составляли въ 1882—91 г. 45,9% общаго числа

УМЕНЬШЕНИЕ ТЯЖКОЙ КРОВАВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.

осужденныхъ и давали 499 осужденныхъ на 100.000 уголовно зрѣлаго населенія, второе мѣсто принадлежало преступнымъ дѣяніямъ противъ личности—403 осужд. на 100 тыс. населенія, третье—преступленіямъ и проступкамъ противъ государства, общественнаго порядка и религіи—180 осужд. и послѣднее—должностнымъ преступленіямъ—4,8 осужден. на 100 тыс. населенія. Ярko замѣчается преобладаніе имущественной преступности и въ Англіи. Здѣсь въ 1883—1902 гг. изъ общаго числа преступленій, для преслѣдованія которыхъ требуется составленіе обвинительнаго акта, $\frac{1}{6}$ приходилось на кражи; изъ общаго же числа 80.122 полицейскихъ дознаній около $\frac{3}{4}$ также относились къ обвиненіямъ въ кражѣ. Въ Австріи, какъ показалъ Гюго Герцъ, въ 1862—1903 гг. воровство давало постоянно наибольшее число осужденій, хотя и уменьшавшееся постепенно (въ 1900—1903 гг. на сто тыс. населенія было въ среднемъ осуждено 500 человекъ). Въ сосѣдней съ Австріей Сербіи преобладаніе имущественныхъ преступленій было выяснено Арнольдомъ Вадлеромъ: за періодъ 1888—1903 гг. на каждую сотню осужденныхъ приходилось въ среднемъ 48 осужденныхъ за преступленія противъ собственности, 38,33—за преступленія противъ личности, 9,49—за преступленія противъ государства. То же явленіе относительно Италіи было установлено Форназари ди Верче. Здѣсь, по изслѣдованію Ласки, число дѣлъ о банкротствахъ, разсмотрѣнныхъ судомъ, возросло съ 831 въ 1887 г. до 1688 въ 1895 г., а о мошенничествахъ съ 7527 въ 1890 г. до 10.074 въ 1895 г. Въ Россіи, по даннымъ Тарновскаго, преступленія противъ собственности составляютъ $\frac{4}{9}$ общаго числа ежегодно возникающихъ дѣлъ у судебныхъ слѣдователей и въ прокурорскомъ надзорѣ.

Если современная преступность носить прежде всего ярко выраженный имущественный характеръ, то она получила таковой вслѣдствіе того значенія, которое принадлежитъ праву частной собственности въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Появленіе громаднхъ по своей численности группъ населенія, лишенныхъ почти всякой собственности или обладающихъ ею въ размѣрахъ совершенно недостаточныхъ для существованія, приводило тѣмъ чаще къ нарушеніямъ собственности, чѣмъ тяжелѣе ощущался ея недостатокъ, на примѣръ, въ годы неурожаевъ, промышленныхъ кризисовъ: борьба за поддержаніе существованія приводила здѣсь неимущихъ къ кражамъ, грабежамъ и пр. Но право частной собственности съ возможностью накопленія въ однѣхъ рукахъ значительныхъ богатствъ открывало вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбу за наживу, въ погонѣ за которой совершались все чаще банкротства, торговые обманы, фальсификаціи продуктовъ и пр. Статистическое разсмотрѣніе различныхъ имущественныхъ преступленій показываетъ, что характеръ имущественной преступности постепенно мѣняется: разбои, грабежи и отчасти даже кражи постепенно уменьшаются, между тѣмъ какъ

банкротства, мошенничества увеличиваются. Разсмотрѣніе факторовъ этого измѣненія преступности составитъ задачу третьей главы, здѣсь же мы лишь отмѣчаемъ наличность такого измѣненія.

Но если имущественныя преступленія стоятъ по ихъ численности на первомъ мѣстѣ, то второе принадлежитъ преступленіямъ противъ личности. При ясно выраженномъ повсемѣстномъ ихъ уменьшеніи менѣе тяжкія, но все же кровавыя преступленія продолжаютъ совершаться въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Таковы нанесенія ранъ, причиненіе увѣчій и различныхъ тѣлесныхъ поврежденій. Такъ, въ Германіи въ 1909 г. эти преступленія исчислялись громадною цифрою въ 111.705, въ Бельгіи изъ каждой тысячи осужденныхъ 425 человѣкъ осуждались также за эти преступленія. Въ Россіи, по отчету 1910 г., этимъ преступленіямъ принадлежало второе по высотѣ мѣсто.

Движеніе этихъ преступленій по различнымъ государствамъ не одинаково: въ нѣкоторыхъ они испытываютъ различныя колебанія приблизительно въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ, а въ другихъ повышаются и въ третьихъ значительно понижаются. Такимъ образомъ, не представляется возможнымъ сдѣлать общаго вывода о движеніи этихъ преступленій. Во всякомъ случаѣ, однако, они, на ряду съ большими цифрами осужденныхъ за оскорбленія, клевету и всякія насилія, вскрываютъ тяжелую и некрасивую картину взаимныхъ людскихъ отношеній.

Картина современныхъ взаимныхъ отношеній становится еще болѣе тяжелою при изученіи роста половыхъ преступленій. Съ наибольшею полнотою этотъ вопросъ былъ обслѣдованъ въ обширномъ трудѣ Вульфена, но названный авторъ изучилъ половую преступность почти исключительно въ Германіи. Однако его выводы могутъ быть распространены и на другія государства. Представляется несомнѣннымъ значительное возрастаніе многихъ половыхъ преступленій. По даннымъ Тарновскаго за 1884—1894 гг., половыя преступленія увеличились въ Россіи въ восемь съ половиною разъ; только однихъ дѣлъ о посягательствахъ на женскую честь возникло въ 1904 г. у судебныхъ слѣдователей и въ прокурорскомъ надзорѣ 9227. Гюго Герцъ нашелъ, что въ Австріи половыя преступленія безостановочно росли съ 1862 г. до 1903 г. (т.-е. за весь обслѣдуемый имъ періодъ). То же въ еще большей степени наблюдается въ Германіи, гдѣ съ 1885 г. до 1911 г. число осужденныхъ возросло съ 13,20 до 29,5 на сто тыс. населенія. Извѣстный итальянскій уголовный статистикъ Боско опредѣлилъ возрастаніе половыхъ преступленій, опережающее ростъ населенія, въ Англіи, Голландіи, Испаніи. Въ группу половыхъ преступленій въ различныхъ странахъ входятъ не одни и тѣ же преступныя дѣянія. Такъ, на примѣръ, въ Германіи сюда относятся не только изнасилованія, половыя сношенія съ дѣтьми, любострастныя дѣйствія, мужеложство, скотоложство, но также и вступленіе въ бракъ при существованіи законнаго брака. Наоборотъ, въ государствахъ романской семьи мужеложство

не является преступнымъ, такъ же какъ и скотоложство не вездѣ является уголовно наказуемымъ.

Изъ отдѣльныхъ половыхъ преступленій увеличились, какъ показываетъ германская статистика, дѣянія противоестественнаго разврата, сводничество, сутенерство, половыя сношенія съ злоупотребленіемъ довѣрія. Возрастаніе всѣхъ этихъ преступленій въ XIX столѣтіи представляется нѣсколько неожиданнымъ.

Особое мѣсто въ преступности новаго времени принадлежитъ бродяжничеству и нищенству. Правда, оба эти явленія очень стараго происхожденія. Бродяжничество было извѣстно всѣмъ временамъ. Но, какъ выяснили въ итальянской литературѣ авторы двухтомнаго труда Флоріанъ и Кавальери, въ то время какъ, при существованіи рабства, бродяжничество развивалось на почвѣ тяжелыхъ страданій каторжнаго непосильнаго труда, отъ котораго бѣжалъ подневольный работникъ, позднѣе бродяжничество развивается въ поискахъ за трудомъ. Когда рабочіе насильственно прикрѣплялись закономъ къ одному мѣсту, когда ихъ заработная плата принудительно фиксировалась, тогда расширялось до невѣроятно широкихъ предѣловъ самое понятіе преступнаго бродяжничества, и наказаніе за это преступленіе доходило даже до смертной казни. Въ бродяжничествѣ нашихъ дней законодательства и большинство теоретиковъ склонны видѣть источникъ всякихъ преступленій. Такъ, для проф. Принса къ бродяжничеству, какъ къ одному основному типу, сводятся всѣ нечистые элементы общества, само бродяжничество является язвой цивилизаціи, проникающею въ нее, какъ ржавчина въ желѣзо, и поэтому никогда ее уже не покидающею. По утвержденію названнаго автора бродяги, начиная отъ сутенера и кончая искателемъ приключенія высшаго полета, живущаго игрою и выжидающаго случай совершить преступленіе, исподтишка высматриваютъ трещины, черезъ которыя и проникаютъ въ соціальный организмъ. Цифры осуждаемыхъ за бродяжничество, приводимыя Бонгеромъ относительно Голландіи, Флоріаномъ относительно Англіи, Оствальдомъ относительно Гессена, Лафаргомъ относительно Франціи, достигаютъ довольно значительной высоты и превышаютъ, на примѣръ, въ Англіи 70—80-ыхъ годовъ XIX вѣка даже число сто на 100 тыс. населенія: Флоріанъ и Кавальери установили законъ роста нищенства и бродяжничества: они болѣе развиты въ тѣхъ странахъ, гдѣ особенно сильны различія въ имущественномъ положеніи, гдѣ интенсивнѣе идетъ экономическая жизнь и гдѣ чаще бываютъ экономическіе кризисы.

Осужденія за преступленія политическія, религіозныя, половыя, противъ собственности, за убійства, бродяжничество и нищенство являются еще не всѣми слагаемыми, дающими въ общей ихъ совокупности сумму всей преступности страны. Сюда входятъ еще различныя другія преступленія и, между прочимъ, большая группа нарушеній разнообразныхъ спеціальныхъ законовъ.

Медаль, поднесенная профессору Ц. Ломброзо на Туринскомъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ.

II.

Изученіе законовъ развитія преступности.

Первыя попытки изученія движенія преступности были сдѣланы въ Бельгіи. Въ 1827 г. Дюкпетъ е опубликовалъ свою работу о вліяніи бѣдности и богатства, образованія и невѣжества на число преступленій. Выясняя ростъ преступности въ Англіи, авторъ связываетъ его съ экономическими условіями и со степенью развитія въ народѣ образованія. Авторъ развивалъ эти же идеи и въ другихъ своихъ работахъ, но онѣ появились уже позднѣе обнародованія приковавшихъ къ себѣ общее вниманіе изслѣдованій другого бельгійца—Кетле и не имѣли того значенія для позднѣйшаго развитія статистическаго изученія преступности, какое по справедливости принадлежитъ трудамъ Кетле. Уже въ 1831 г. Кетле напечаталъ въ трудахъ Брюссельской Академіи Наукъ специальное изысканіе о „склонности къ преступленію“. Выраженные здѣсь авторомъ мысли нашли дальнѣйшее развитіе въ его знаменитомъ „Опытѣ соціальной физики“ 1835 г. Преступленіе впервые становилось объектомъ соціологическаго изученія, впервые въ такомъ широкомъ масштабѣ выяснилось вліяніе на преступность пола, возраста, времени года, образованія и пр. и дѣлалась попытка отысканія законовъ, опредѣляющихъ ростъ преступности. Высказывая мысль о тѣсной связи между преступностью и „учрежденіями, привычками, образованіемъ и вообще бытомъ людей“, Кетле былъ еще далекъ отъ попытокъ сведенія разнообразныхъ причинъ преступности къ какому-либо общему объединяющему ихъ началу. Но онъ установилъ закономерность въ развитіи преступности и подчеркнул, что, хотя факты моральнаго характера отличаются отъ физическихъ привхо-

дящею въ нихъ свободою волею, какъ будто ускользающею отъ нашего учета, однако эта свободная воля, чувствительная для индивида, не имѣетъ опредѣляющаго вліянія на общество.

Въ одно время съ Кетле надъ статистическимъ матеріаломъ о преступности работалъ французскій изслѣдователь Герри, труды котораго, опубликованные въ 1832 г. и 1864 г., близки къ работамъ бельгійскаго статистика и по ихъ духу. Первая изъ этихъ работъ, „Опытъ моральной статистики Франціи“, представляетъ научную разработку цифровыхъ данныхъ о движеніи преступности во Франціи за первыя пять лѣтъ существованія французской уголовной статистики (за 1825—1830). Съ методологической стороны изслѣдованіе Герри уже намѣчало въ нѣкоторыхъ случаяхъ такіе приемы работы, которые являлись глубоко правильными, такъ, напримѣръ, авторъ уже отдѣлялъ изслѣдованіе имущественной преступности отъ изученія преступленія противъ личности и, выясняя преступность по департаментамъ въ связи съ имущественною состоятельностью, отказывался дѣлать какіе-либо выводы тамъ, гдѣ были лишь общія свѣдѣнія о богатствѣ или бѣдности департаментовъ, но гдѣ въ дѣйствительности не было извѣстно число богатыхъ и бѣдныхъ въ населеніи.

Къ такимъ же раннимъ годамъ относятся первыя статистическія изслѣдованія о преступности и въ Швейцаріи. Въ 1820 г. былъ напечатанъ докладъ предсѣдателя высшаго женевскаго суда Bigand'a о дѣятельности судовъ за 1828 г. съ попыткою автора объяснить измѣненія преступности колебаніемъ цѣнъ на хлѣбъ. Сходныя мысли были развиты въ работѣ Гандоля „О статистикѣ преступленій“, напечатанной въ 1830 г.

Въ большинствѣ другихъ государствъ изученіе движенія преступности сдѣлалось возможнымъ лишь послѣ того, какъ тамъ было приступлено къ собиранію правительствами цифрового матеріала. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, статистическія изслѣдованія о преступности появлялись и ранѣе, но предметомъ изученія становилась тогда преимущественно французская преступность. Такова была работа русскаго криминалиста Неклюдова (1865 г.) о распредѣленіи преступности по возрастамъ. Авторъ тщательно изучилъ распредѣленіе всей преступности по возрастамъ и полу и такимъ образомъ опредѣлилъ склонность различныхъ возрастныхъ эпохъ у мужчины и женщины къ совершенію преступленій. Онъ объяснилъ эту склонность частью особенностями самаго возраста, частью соціальной обстановкою его жизни.

Первымъ по времени статистическимъ обслѣдованіемъ русской преступности явилась книга Анучина „О процентѣ ссылаемыхъ въ Сибирь“ (1866 г.). Собравъ въ архивѣ Тобольскаго приказа о ссыльныхъ матеріалы за 1827—1846 гг. о полѣ, возрастѣ, званіи, религіи, родѣ преступленія, наказаніи ссыльныхъ и о мѣстѣ совершенія ими преступленій, Анучинъ далъ не только сырой матеріалъ, имѣющій большую цѣну по тому времени, къ которому онъ отно-

сится, но часто интересные и правильные выводы и криминалистическіе облики, напримѣръ, различныхъ сословій. Въ частности авторъ далъ характеристику преступности дворянства 1827—1846 гг., правильно подмѣтивъ особую склонность неслужилаго дворянства той эпохи къ совершенію государственныхъ преступленій.

Въ иностранной литературѣ до начала 80-ыхъ годовъ XIX вѣка, какъ и въ русской криминалистической печати этого періода, работы по изслѣдованію роста преступности были довольно рѣдкими исключеніями (таковы изслѣдованія Валентини о преступности въ Пруссіи 1869 г., Элліота о матеріальномъ благосостояніи и нравственности, преступности и бѣдности въ Англіи 1868 г. и др.). Но, начиная съ 80-ыхъ годовъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ труда проф. Ломброзо „О преступномъ человѣкѣ“, вниманіе криминалистовъ сосредоточивается на изученіи преступности въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, дѣлаются попытки выяснить, путемъ разработки накопившагося за рядъ лѣтъ статистическаго матеріала, увеличивается ли или уменьшается общая преступность страны, а съ другой, эти начавшіяся изслѣдованія углубляются исканіями тѣхъ законовъ, которые управляютъ движеніемъ преступности и ведутъ къ ея увеличенію или уменьшенію.

Различій въ оцѣнкѣ общаго движенія преступности въ отдѣльныхъ государствахъ почти совсѣмъ не наблюдается. Свѣдѣнія о преступности, сопоставляемые съ количествомъ населенія, показываютъ повсемѣстный, за самыми рѣдкими исключеніями, ростъ преступности. Цифровыя данныя по отдѣльнымъ странамъ, къ сожалѣнію, не поддаются сравненію. Въ однихъ государствахъ публикуются цифры обвиняемыхъ, въ другихъ—осужденныхъ, въ третьихъ—свѣдѣнія не о самомъ преступникѣ, но о преступленіяхъ или даже свѣдѣнія о количествахъ поступившихъ жалобъ и донесеній о совершенныхъ преступленіяхъ. На необходимость установленія единообразія въ содержаніи статистической карточки о преступности (поскольку, конечно, это позволяетъ различіе самыхъ уголовныхъ законовъ государствъ) настоятельно и доказательно указывалось и на различныхъ конгрессахъ и въ криминалистической литературѣ въ Россіи Фойницкимъ, въ Австріи—Хогелемъ, въ Италіи—Боско, въ Германіи—Штарке, Вассерманомъ, Майеромъ, Юнгомъ и др. Сравнительному изученію распространенія преступности мѣшаетъ также и то обстоятельство, что въ однѣхъ странахъ собираются свѣдѣнія о всѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ, въ другихъ же—лишь о болѣе тяжкихъ. Въ государствахъ первой группы выводы о движеніи преступности должны учитывать измѣнчивость понятія и числа мелкихъ наказуемыхъ нарушеній. Такъ, напримѣръ, отчеты бельгійской статистики показываютъ, что, начиная съ 1870 г. и до 1911, на сто тыс. населенія приходилось жалобъ, донесеній и протоколовъ о совершенныхъ преступныхъ дѣяніяхъ: въ 1870 г.—729,5, въ 1880 г.—1272,7, въ 1890 г.—1858,1, въ 1900 г.—2591,1, въ 1910 г.—2806,3 и въ 1911 г.—

2820,4. Однако увеличеніе преступности объяснялось не только ростом нѣкоторыхъ преступленій, но также и созданіемъ новыхъ преступныхъ дѣяній, на примѣръ, закономъ 1887 г. о публичномъ пьянствѣ, 1890 г. о поддѣлкѣ съѣстныхъ припасовъ и пр. Относительно Германіи, гдѣ собираются свѣдѣнія объ осужденныхъ за всѣ безъ исключенія преступныя дѣянія (воинская преступность сюда не входитъ), также отмѣчается значительное увеличеніе цифръ: въ 1882 г.—329.968 чел. и въ 1909 г.—544.183 чел. или на сто тыс. населенія старше 12 лѣтъ: въ 1882 г.—1040 чел., въ 1890 г.—1105, въ 1895 г.—1249, въ 1900 г.—1195 чел., въ 1906 г.—1229, въ 1910 г.—1173.

Въ 1912 г. въ германской литературѣ было опубликовано изслѣдованіе Финкельнбурга, который поставилъ своею задачею опредѣлить, сколько къ декабрю 1910 г. въ населеніи Германіи проживало лицъ, подвергнувшихся осужденію за преступленія или проступки въ періодъ 1882—1910 г. Принявъ во вниманіе цифры смертности, переселеній, исключивъ числа повторно осужденныхъ, авторъ опредѣлилъ, что къ декабрю 1910 г. изъ каждыхъ 12 чел. въ возрастѣ старше 12 лѣтъ одно лицо подверглось осужденію за преступленіе или проступокъ или одно осужденіе приходилось на каждыя 213 дѣв. въ возрастѣ 12—18 лѣтъ и на каждыя 25 жен. старше 18 лѣтъ; изъ каждыхъ 43 несовершенно. мужского пола 12—18 лѣтъ былъ одинъ осужденный; что же касается мужчинъ въ возрастѣ старше 18 лѣтъ, то каждый шестой изъ нихъ былъ подвергнутъ наказанію. Эти цифры раскрываютъ остававшіеся до сихъ поръ въ неизвѣстности громадныя размѣры арміи нарушителей предписаній и запретовъ уголовного закона въ Германіи. Но они должны быть столь же велики и въ другихъ странахъ. По вычисленію члена французской академіи наукъ Анри Жоли, общая преступность во Франціи возросла съ 1825 г. за полстолѣтія на 133%. По изысканіямъ Гюго Герца, въ Австріи число осужденій за преступленія, проступки и нарушенія на каждыя сто тыс. населенія поднялось за время съ 1870 по 1903 г. съ 1510 до 2300. Ферри нашель, что число донесеній прокуратурѣ о совершенныхъ преступленіяхъ и проступкахъ въ Италіи возросло съ 1875 г. по 1895 г. на 33%. За болѣе позднее время въ этой же странѣ отмѣчалось то же явленіе.

Исключеніемъ является обратное движеніе преступности въ Англіи, въ этой странѣ, гдѣ соціальное законодательство развито такъ, какъ ни въ какомъ другомъ государствѣ. Здѣсь на сто тыс. населенія приходилось обвиняемыхъ среднимъ числомъ въ годъ по пятилѣтіямъ съ 1863 г. по 1892 г.: 896, 845, 786, 705, и за 1903—1907 г.—только 425. Уменьшеніе коснулось и маловажныхъ проступковъ: число обвиняемыхъ въ нихъ понизилось съ 637.919 въ 1898 г. до 605.712 въ 1907 г. Въ Сербіи число обвиняемыхъ возросло за 1887—1905 гг. съ 5813 до 9295, а въ Румыніи за 1880—1899 гг. съ 34.450 до 69.310.

Выясненіе движенія преступности въ Россіи представляетъ большія и едва ли преодолимыя трудности: у насъ собираются свѣдѣнія по различнымъ губерніямъ не съ одного и того же года, не ведется статистики преступленій, за которыя законъ грозитъ наказаніемъ менѣе тяжкимъ, нежели тюремное заключеніе и, наконецъ, не публикуется сколько-нибудь правильно данныхъ о дѣлахъ, разбираемыхъ волостными судами и земскими начальниками. Знатокъ уголовной статистики г. Тарновскій, полагающій, что общее число осужденныхъ въ Россіи достигаетъ 2 милліоновъ человѣкъ въ годъ, считаетъ, однако, невозможнымъ дать заключеніе относительно движенія всей преступности въ Россіи.

Разсматривая же статистику уголовныхъ дѣлъ за 1899—1908 гг. по судамъ различныхъ категорій, названный авторъ нашелъ, что число осужденныхъ общими судами возросло на 66%. Суды остальныхъ категорій, собирающіе, какъ было указано, свѣдѣнія не по всѣмъ преступленіямъ, осуждали въ послѣдніе годы значительно большее число, нежели въ первые годы періода 1899—1908 гг., а именно: цифра приговоренныхъ мировыми судьями поднялась съ 624.000 до 664.000, городскими судьями—съ 123.000 до 142.000, уѣздными членами окружныхъ судовъ—съ 38.000 до 92.000 и гминными судами съ 122.000 понизилась до 117.000.

Одновременно съ раскрытіемъ роста преступности началось изслѣдованіе причинъ этого роста. Громадное вліяніе на развитіе работъ въ этомъ новомъ направленіи оказало появленіе въ области науки уголовного права трудовъ туринскаго профессора судебной медицины Цезаря Ломброзо, приковавшего къ себѣ вниманіе всего ученаго міра и явившагося не только основателемъ особой школы въ криминалистикѣ, но также инициаторомъ долгой, полной глубокаго интереса борьбы вокругъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей науки.

Въ этой борьбѣ зародились, развились и окрѣпли тѣ научныя направленія, которыя впервые сдѣлали объектомъ своего изслѣдованія преступника и преступность. Расширеніе содержанія науки уголовного права внесеніемъ новыхъ объектовъ изслѣдованія тамъ, гдѣ криминалистическая мысль въ продолженіе ряда вѣковъ знала только системы юридическихъ формулъ преступленія и наказанія, совершилось хотя и не вдругъ, но довольно быстро, и глубоко измѣнился самый обликъ науки: между старымъ и новымъ въ дисциплинѣ уголовного права или въ криминологіи, какъ стали называть эту дисциплину, образовалась въ 70-ые годы прошлаго вѣка глубокая пропасть. Конечно, и до этой эпохи наука о преступленіи и наказаніи не была въ состояніи незыблемаго покоя. Принадлежа къ циклу общественныхъ дисциплинъ, она имѣла ту же исторію, какъ и онѣ: у нея были свои періоды застоя и прогресса и на ней, какъ и на другихъ, сказалось вліяніе различныхъ философскихъ системъ. Она пережила эпоху средневѣковаго гнета, когда черпала свое со-

держаніе изъ священнаго писанія и въ немъ искала разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ; она, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая наука, отдала дань жестокости средневѣковья, когда въ лицѣ своихъ представителей измышляла новыя пытки и казни она служила и схоластикѣ и метафизикѣ, но она же въ свое время увлекалась идеей естественнаго права и прислушивалась къ голосамъ Канта и Гегеля, въ которыхъ нашла своихъ союзниковъ по защитѣ наказанія. Все это приносило свои особенныя черты въ науку, но она никогда не забывала, что она — юридическая дисциплина, что преступленіе и наказаніе, и только они, составляютъ предметъ ея изученія. И лишь съ того момента, когда во второй половинѣ XIX вѣка опредѣленно ставится требованіе объ изученіи самого преступника и преступности, какъ соціальнаго явленія, и провозглашается громадное значеніе позитивнаго метода, въ ней совершается глубокий переломъ. Несмотря на многочисленность и разнообразіе теорій, объяснявшихъ развитіе преступности и пытавшихся раскрыть законы ея движенія, онѣ могутъ быть съ успѣхомъ сведены къ двумъ группамъ: антропологическихъ и соціологическихъ; первыя придали рѣшающее значеніе внѣшнимъ и внутреннимъ особенностямъ индивида, становящагося преступникомъ, а вторыя выразили сущность своего содержанія формулами: „общество имѣетъ такихъ преступниковъ, какихъ оно заслуживаетъ“ или „преступность есть лишь тѣнь, отбрасываемая общественнымъ укладомъ“. Въ группѣ соціологическихъ теорій наблюдается больше разнообразія, нежели въ антропологическихъ концепціяхъ преступности, но тѣ и другія были одинаково оригинальными, а часто и блестящими попытками работы человѣческаго генія въ совершенно новой для него области. Такъ какъ преступность является лишь звеномъ въ общей цѣпи другихъ соціальныхъ феноменовъ, то для нѣкоторыхъ авторовъ теорій второй группы представилась возможность объяснить движеніе преступности тѣми законами, которые уже были выдвинуты въ общей соціологіи. Если эти попытки въ нѣкоторыхъ случаяхъ представлялись не столь оригинальными, какъ другія, то остроумное оперированіе съ различными уголовно-правовыми фактами привлекало къ себѣ вниманіе криминалистовъ и, вызывая критику, создало въ области криминалистики атмосферу такой живой и кипучей работы, какой она ранѣе никогда не знала.

Антропологическія теоріи.

Въ центрѣ этой работы всталъ проф. Ломброзо. Цезарь Ломброзо родился въ 1836 г. Свое высшее образованіе онъ получилъ на медицинскомъ факультетѣ, по окончаніи котораго былъ сначала военнымъ врачомъ, а съ 1864 г. сталъ директоромъ больницы для душевнобольныхъ. Его первыя работы были по вопросамъ психіатріи. Свою университетскую дѣятельность онъ началъ въ универ-

ситетъ г. Павіи, а съ 1876 г. перешелъ въ университетъ г. Турина на кафедру судебной медицины. Въ Туринѣ протекла вся его жизнь и научная работа. Онъ умеръ 6/19 октября 1909 г. Перу Ломброзо принадлежитъ свыше четырехсотъ статей и монографій, значительная часть которыхъ относится къ изученію преступника и преступности. Туринскій профессоръ своимъ трудомъ „О преступномъ человѣкѣ“ положилъ основаніе уголовно-антропологической школѣ. За сорокалѣтнее существованіе школы въ ея взглядахъ и воззрѣніяхъ ея основателя произошла эволюція. Было значительно смягчено значеніе нѣкоторыхъ первоначально высказанныхъ утверждений. Была признана ошибочность довольно важныхъ положеній основателя школы. Измѣнилъ нѣкоторые свои выводы и самъ онъ. Но тѣмъ не менѣе заслуга Ломброзо и его школы остается общепризнанною и громадною, такъ какъ только со времени появленія труда о преступномъ человѣкѣ твердо обосновались въ наукѣ уголовного права изслѣдованія причинъ преступности, и методъ опыта и наблюденія получилъ доступъ въ науку, пренебрегавшую имъ такъ долго. Отнынѣ криминалистъ, какъ и естествоиспытатель, кромѣ работы за письменнымъ столомъ, сталъ производить работу въ лабораторіяхъ и криминологическихъ музеяхъ.

Въ объясненіе преступности самъ основатель антропологической школы создалъ теорію объ атавистическомъ происхожденіи преступности и о прирожденномъ преступникѣ, дополнивъ ее позднѣе теоріей о преступности, какъ явленіи эпилепсіи.

Въ противоположность господствовавшей въ то время школѣ въ наукѣ уголовного права, Ломброзо говоритъ о преступленіи не какъ о юридическомъ понятіи, но какъ о естественномъ явленіи. Не давая опредѣленія преступленія, онъ ищетъ его не только среди людей, но и у растений и различныхъ животныхъ. Среди растений онъ отмѣчаетъ, какъ преступныя, тѣ изъ нихъ, которыя питаются насѣкомыми, а среди животныхъ находитъ представителей разнообразныхъ видовъ преступности и подчеркиваетъ связь между уклоненіями отъ нормы въ строеніи головы нѣкоторыхъ изъ нихъ и ихъ характеромъ. Изучая преступность дикаря, онъ считаетъ преступленіе вполне обычнымъ для него. Такое отношеніе къ преступленію, характеризующееся у дикаря отсутствіемъ нравственнаго чувства, всякой чувствительности къ чужимъ страданіямъ и непомерно развитымъ эгоизмомъ, составляетъ достояніе и современнаго преступника, входящаго въ группу прирожденныхъ, т.-е., согласно доктрины Ломброзо, обреченныхъ отъ самаго рожденія итти путемъ преступленія. Такимъ образомъ, прирожденный преступникъ есть первобытный дикарь, т.-е. типъ неразвившагося субъекта, съ дефективной организаціей, явленіе атавизма. Въ то время какъ господствовавшая тогда школа видѣла въ преступленіи продуктъ злой воли человѣка, Ломброзо объявилъ этой причиной дѣйствіе атавизма, а въ качествѣ доказательства правильности этого своего положенія

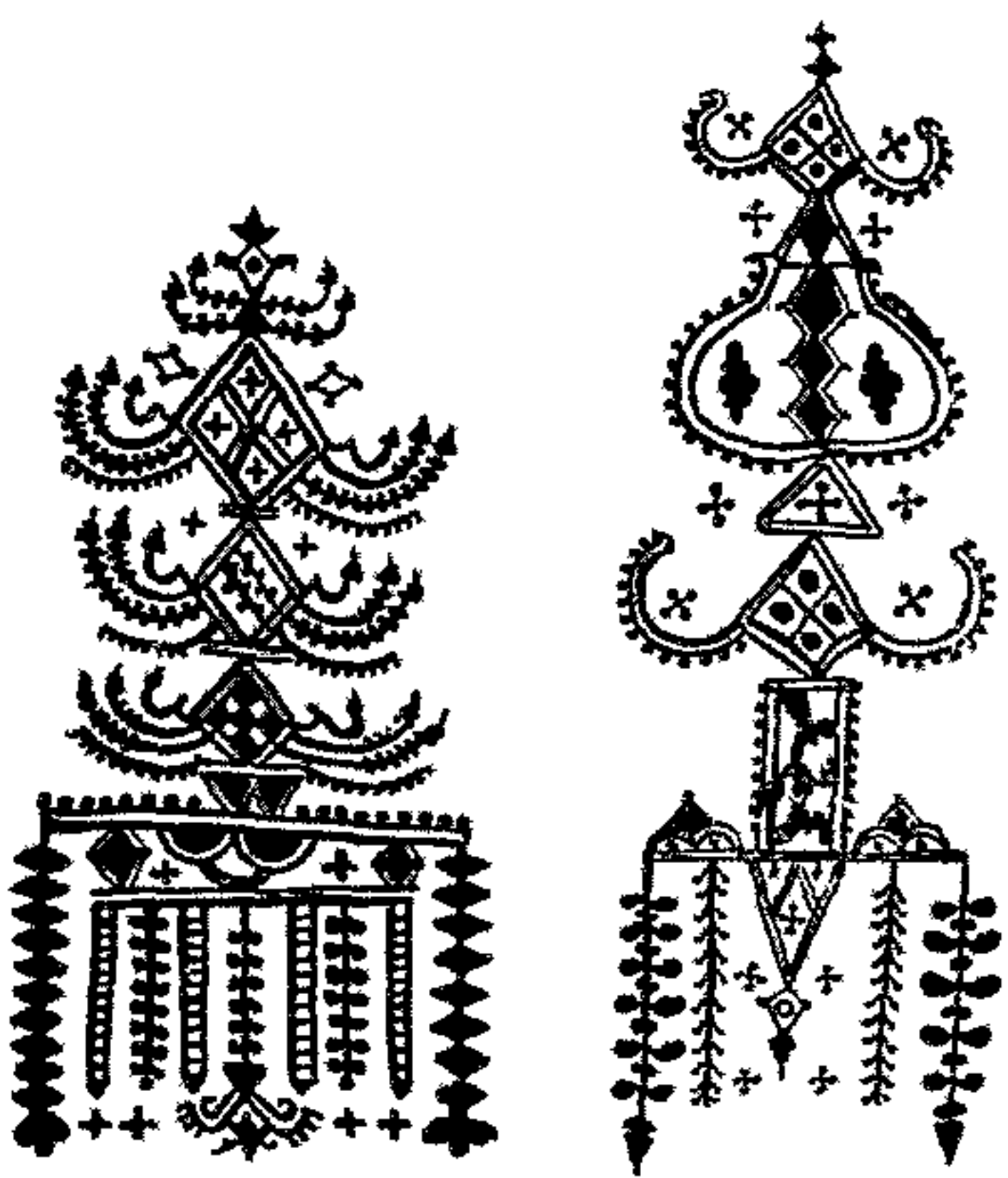

Музей уголовной антропологии въ Туринѣ.

указывалъ на распространіе среди преступниковъ татуировки, на ихъ жаргонъ, на своеобразные выработанные ими способы переписки, напоминающіе, по его мнѣнію, іероглифы. Самъ Ломброзо собралъ богатую коллекцію образцовъ татуировки преступности и посвятилъ обширное изслѣдованіе арестантскимъ тюремнымъ надписямъ. Позднѣе литература по этому вопросу значительно разраслась; оперируя надъ весьма богатымъ и интереснымъ матеріаломъ, она рѣшительно отказалась видѣть въ татуировкѣ, жаргонѣ и іероглифахъ проявленіе атавизма. Вопросу о татуировкѣ было посвящено обширное и специальное изслѣдованіе члена бельг. антропол. общества Вевербека, проф. Лакассаня, Тарда и др. Что касается жаргона преступниковъ, то собраны словари такого языка (Раббенонъ въ Германіи, Трахтенбергомъ въ Россіи и др.) и сдѣланы многочисленныя попытки объясненія его происхожденія, какъ, напримѣръ, Тардомъ, Бонерономъ и авторомъ специальной исчерпывающей по содержанію монографіи Ничефоро.

5. Образцы татуировки преступниковъ.

6. Татуировка дикаря.

Большимъ разнообразіемъ мотивовъ своего содержанія татуировка преступника не отличается: изображеніе женскихъ портретовъ и фигуръ, нерѣдко весьма циничнаго характера, инициалы именъ и хронологическія даты, надписи съ угрозами полиціи и т. п. встрѣчаются наиболее часто. Тардъ, сравнивая татуировки дикаря и преступника (см. рис. 5 и 6), отмѣчаетъ, что общее у нихъ лишь названіе. Въ то время какъ у дикаря татуировка состоитъ въ арабескахъ и, главнымъ образомъ, на лицѣ, преступникъ покрываетъ безобразными изображеніями свое тѣло и никогда не татуируетъ своего лица. Указывая на распространіе татуировки среди моряковъ и солдатъ французскихъ войскъ въ Африкѣ, Тардъ видитъ въ ней не наслѣдство дикаря-предка, а моду, заимствованную и перенесенную въ Европу матросами отъ современныхъ дикарей. Ошибочность объясненія Ломброзо доказывается также весьма незначительнымъ распространеніемъ татуировки въ Россіи. Изслѣдованіе Вевербека по-

казало, что въ Бельгіи татуировка встрѣчается у представителей разнообразныхъ профессій, и содержаніе рисунка находится въ опредѣленномъ соотношеніи съ профессіей: такъ, рыбаки и матросы помѣщаютъ на себѣ изображеніе рыбы или парусной лодки, булочникъ — крендель, кузнецъ — подкову или наковальню, цирюльникъ — бритву, плотникъ — рубанокъ и пр. Англійскій изслѣдователь Гавелокъ Элли, считая причины происхожденія татуировки сложными, указываетъ на значеніе религіознаго момента и отмѣчаетъ, что она еще до 1688 г. была констатирована у христіанскихъ пилигримовъ, посѣщавшихъ Виелеемъ. Значеніе этого же момента было подчеркнуто и во французской литературѣ, гдѣ было опубликовано собраніе татуировокъ современныхъ посѣтителей католической святыни Лурда: ихъ рисунки религіознаго содержанія. Тардъ указываетъ также, что если бы татуировка была атавистическаго происхожденія, то она должна была бы чаще встрѣчаться у женщинъ, сохраняющихъ предразсудки, обряды и украшенія древнихъ въ родѣ ношенія серегъ долгое время послѣ того, какъ отъ нихъ отказались мужчины. Однако татуировка среди женщинъ-преступницъ встрѣчается исключительно рѣдко. Наоборотъ, проф. Гансъ Гроссъ говоритъ, что среди малокультурныхъ поселянокъ - католичекъ въ Босніи татуировка—общее явленіе: по его словамъ, тамъ рѣдкая женщина или дѣвушка не имѣетъ на верхней части предплечья, груди или даже на лбу изображеніе креста. Этотъ же авторъ приводитъ указанія на татуировки не ранѣе совершенія преступленія, а послѣ его совершенія, во время заключенія въ тюрьмѣ, при чемъ татуированные объяснили, что татуировались въ тюрьмѣ отъ скуки.

Что же касается жаргона тюремнаго міра, то Ломброзо видитъ его сходство съ языкомъ дикарей въ самомъ строеніи словъ: какъ у дикаря, такъ и у преступника встрѣчаются повторенія однихъ и тѣхъ же слоговъ, напримѣръ, у французовъ: коко—пріятель, ти-ти—типографія, у нѣмцевъ: биби—тетка, лоло—красный. Но слова такой формы встрѣчаются очень рѣдко у преступниковъ въ Германіи, Россіи и др. мѣстахъ. Такъ, по подробному словарю Ганса Гросса, въ словахъ на первыя десять буквъ алфавита мы нашли только одно слово, построенное изъ двухъ повторяющихся слоговъ, а по словарю Трахтенберга не нашли ни одного такого среди словъ жаргона русскихъ преступниковъ. Другою особенностью воровскаго языка является образованіе словъ по звукоподражанію. Таковы: фрикъ-фракъ—взломъ, тикъ-такъ—часы, пуфъ—пистолетъ. Но и такихъ словъ очень мало. Больше словъ такихъ, которыя, будучи взяты изъ обыкновеннаго разговорнаго языка, имѣютъ совершенно другое значеніе. Таковы приводимыя Ломброзо слова: прачка—адвокатъ, шпіонъ—луна, шутъ въ мѣшкѣ—ребенокъ въ животѣ беременной женщины. На жаргонѣ русскихъ преступниковъ зовутъ бекасомъ—клопа, купчихою—вошь, дворникомъ—прокурора, грыз-нею—судебныя пренія, дьячкомъ—судебнаго пристава, соплей—

Одна изъ комнатъ Музея уголовного права при Московскомъ университетѣ въ 1911 г.

часовую цѣпочку, собакою — сторублевый билетъ, паукомъ — жандарма, квасомъ — кровь, карасемъ — десятирублевый кредитный билетъ, калачомъ, собакою или серьгою — замокъ, звономъ — языкъ, буферомъ — синякъ, буферами — женскія груди и т. п.

Существуютъ различныя объясненія происхожденія языка преступниковъ. Ломброзо въ одной изъ послѣднихъ своихъ работъ давалъ то же объясненіе, какое онъ высказалъ въ своемъ первомъ трудѣ о преступномъ человѣкѣ: преступникъ говоритъ иначе, нежели мы: онъ говоритъ какъ дикарь, потому что является настоящимъ дикаремъ въ современной цивилизаціи. Однако приведенныя выше въ видѣ примѣра слова изъ жаргона преступниковъ не только не подтверждаютъ сходства этого языка съ рѣчью дикаря, но даже выясняютъ глубокое отличіе. Въ жаргонѣ преступниковъ преобладаютъ слова, вскрывающія иронію, очень ѣдкую насмѣшку и склонность воровского міра къ грязнымъ шуткамъ въ обозначеніи понятій, съ которыми профессионалу-преступнику наиболѣе часто приходится встрѣчаться. Такое стремленіе загрязнить предметъ своей мысли дикарю совершенно не свойственно. Другое объясненіе происхожденія воровского жаргона подчеркиваетъ, что своеобразные языки встрѣчаются у представителей самыхъ различныхъ профессій, а преступность во многихъ случаяхъ также является профессіей. Съ этой точки зрѣнія воровской языкъ долженъ быть объясненъ такъ же, какъ языкъ спортсменовъ, солдатъ, проститутокъ и пр. (мнѣніе Ганса Гросса). Гансъ Гроссъ полагаетъ, что, можетъ быть, причина лежитъ въ томъ, что представителямъ опредѣленной профессіи слишкомъ часто приходится встрѣчаться съ опредѣленными предметами и понятіями, и поэтому они пріобрѣтаютъ особенно важное значеніе и начинаютъ также особенно и наименоваться. Названный писатель отказывается объяснить жаргонъ вора необходимостью преступниковъ говорить въ присутствіи другихъ такъ, чтобы ихъ посторонніе не понимали. По его словамъ, мошенники объясняются на своемъ нарѣчій лишь тогда, когда увѣрены, что свободны отъ присутствія постороннихъ.

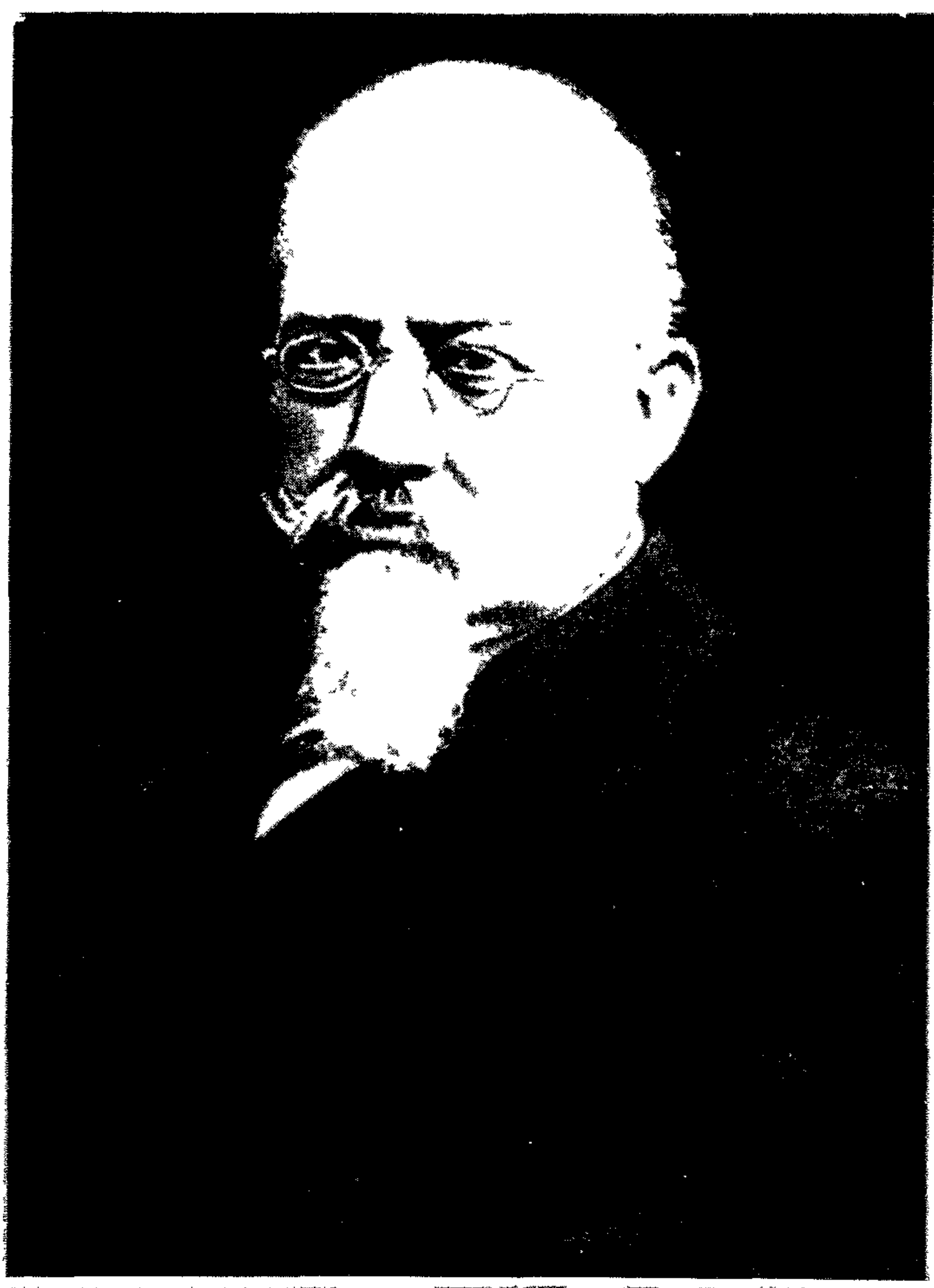
Иначе думаетъ авторъ спеціальнаго труда о происхожденіи жаргона, соціологъ Ничефоро. Въ жаргонѣ онъ видитъ своеобразное средство защиты группы, говорящей на немъ. Борьба за существованіе порождаетъ особый языкъ, это она надѣваетъ маску на обычную рѣчь и прячетъ истинное содержаніе за метафору, заставляетъ прибѣгать живое слово къ гриму и переодѣванію. Такимъ образомъ свой особый языкъ долженъ создаваться и создается тамъ, гдѣ существуетъ группа людей, связанныхъ между собою чѣмъ-нибудь общимъ: дружбою, любовью, ненавистью, общимъ ремесломъ, политическими или общественными интересами. Жаргонъ, по мнѣнію Ничефоро, не является исключительною особенностью преступнаго міра, ихъ печатью. Авторъ формулируетъ законъ зарожденія жаргона какъ необходимость защиты, а законъ его развитія такъ: чѣмъ больше ощущается въ группѣ потребность

въ борьбѣ и укрывательствѣ, тѣмъ болѣе сложнымъ и богатымъ становится жаргонъ группы. Свой особый языкъ вырабатываютъ въ цѣляхъ того же укрывательства даже и любовники и особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ общеніе половъ происходитъ внѣ допускаемыхъ закономъ формъ. Свои особые слова имѣются не только у преступниковъ, но и у агентовъ полиціи. Все это подчеркиваетъ, какое большое значеніе имѣетъ для образованія тюремнаго жаргона (на языкѣ русскихъ преступниковъ онъ носитъ названіе „блатной музыки“) стремленіе установить безопасные способы обмѣна мыслями тамъ, гдѣ онѣ должны остаться неизвѣстными постороннимъ.

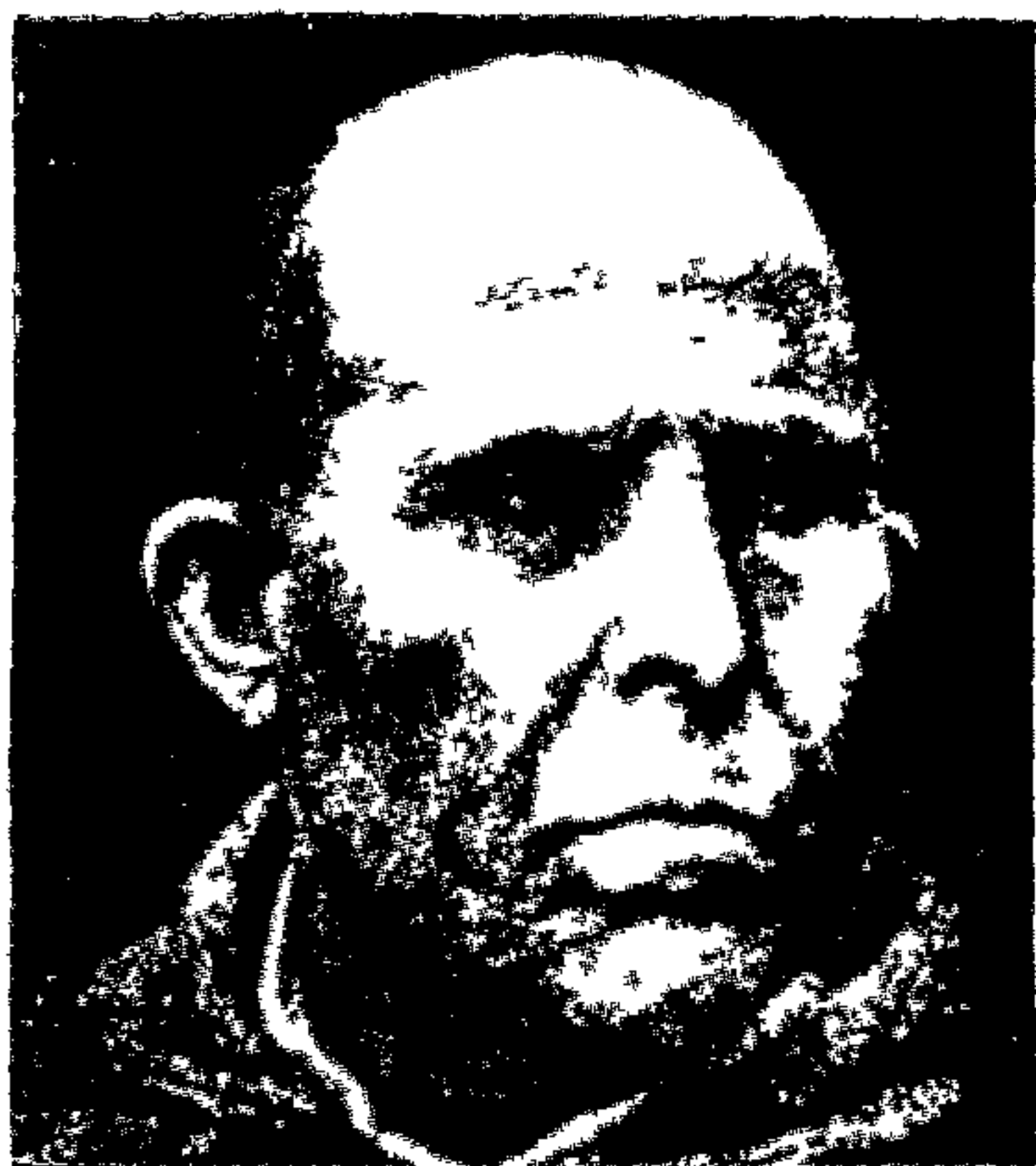
Если такимъ образомъ отвергается правильность объясненія Ломброзо, то ему принадлежитъ заслуга обращенія вниманія на жаргонъ тюрьмы, представляющій богатый матеріалъ для выясненія психологіи преступника и его отношенія къ разнообразнымъ средствамъ борьбы съ нимъ.

Сходны взгляды Ломброзо и на происхожденіе такъ называемыхъ имъ „іероглифовъ“, т.-е. письменности преступниковъ. Существованіе такихъ тайныхъ знаковъ среди преступниковъ было установлено уже въ XIII вѣкѣ. Гансъ Гроссъ въ своемъ руководствѣ для судебныхъ слѣдователей приводитъ нѣсколько образчиковъ такихъ знаковъ. Даетъ изображеніе одной надписи, напоминающей іероглифы, также и Ломброзо. Критика уголовно-антропологической школы, согласно съ своимъ объясненіемъ происхожденія преступнаго жаргона, отказалась и здѣсь видѣть проявленіе атавизма и признала, что письменность воровъ, поджигателей, бродягъ, нищихъ и конокрадовъ вызывается вполне понятнымъ стремленіемъ ихъ къ безопасному способу общенія между собою.

Среди общей массы преступниковъ Ломброзо выдѣлилъ значительную по ея численности группу такъ называемыхъ имъ „прирожденныхъ“. Онъ и его послѣдователи стремились доказать, что прирожденный преступникъ надѣленъ особымъ типомъ. Посредствомъ измѣренія, взвѣшиванія и аналитическихъ изслѣдованій уголовно-антропологическая школа пыталась установить, что этотъ типъ характеризуется болѣе или менѣе значительными отклоненіями отъ нормы и всякими уродливостями. Длина его вытянутыхъ рукъ превышаетъ ростъ его тѣла и такимъ образомъ дѣлаетъ его въ этомъ отношеніи сходнымъ съ обезьянами. Его черепъ неправильной формы и или слишкомъ остро заканчивается, напоминая „сахарную голову“, или, наоборотъ, вдавленъ внизъ или приплюснутъ съ боковъ. Вѣсъ мозга, по сравненію его съ вѣсомъ не преступнаго человека, обыкновенно ниже и черепъ размѣрами меньше нормы. Были изслѣдованы также составъ крови и мочи, біеніе пульса, развитіе вкуса, слуха, зрѣнія, болевой чувствительности, и также было подчеркнуто сторонниками уголовно-антропологической школы отступленіе отъ нормы. Отмѣченное нѣкоторыми одинаковое умѣнье

Ц. Ломброзо (Cesare Lombroso).

1

2

3

4

5

6

7. Типы преступниковъ.

1. Убийца-разбойникъ. 2. Отцеубійца. 3. Убийца-насилователь. 4. Супругоубійца-разбойникъ. 5. Убийца-насилователь. 6. Предумышленный убійца.

владѣть обѣими руками или лучшее владѣніе лѣвою рукою также было признано особенностью прирожденнаго преступника.

Особое вниманіе было обращено на изученіе физіономіи преступника. Сведя всѣ формы головы и лица къ различнымъ геометрическимъ фигурамъ, Де-Блазіо опредѣлялъ, что наиболѣе совершенныя формы—овальная голова и въ видѣ эллипсиса—были чаще найдены у непреступныхъ людей, наоборотъ, ромбъ, треугольное, квадратное, прямоугольное и восьмиугольное лица были найдены чаще у преступниковъ. Выдающіяся скулы, громадныя челюсти, торчащія уши, сильно развитыя надбровныя дуги дополняютъ портретъ преступника. Но своя типичная физіономія имѣется, согласно выводамъ Ломброзо, у представителей различныхъ видовъ преступности. Такъ, убійцы отличаются холоднымъ, неподвижнымъ, стекляннымъ взглядомъ; носы ихъ загнуты, какъ у хищной птицы; уши мясистыя и вмѣстѣ съ тѣмъ длинныя; растительность чрезвычайно обильная, но не на лицѣ; скулы большія, зубы длинные, иногда съ выдающимися клыками, а губы часто тонкія. Преступники-воры имѣютъ быстро бѣгающіе глаза, рѣдкую бородку и подвижное лицо. Преступники по половому побуду имѣютъ толстыя губы, большія челюсти, педерасты—длинные волосы, мягкую кожу.

Критики уголовно-антропологической школы считаютъ недоказаннымъ существованіе типа преступника и указываютъ на методологическія ошибки уголовно-антропологовъ и на противорѣчіе ихъ выводовъ. Несмотря на значеніе, придаваемое этою школою объему черепа, различные уголовно-антропологи производили эти измѣренія не одинаково. Какъ устанавливаетъ Ферри, одни изъ сторонниковъ защищаемой имъ школы при опредѣленіи вмѣстимости черепа не принимали во вниманіе ростъ и возрастъ измѣряемаго лица. Точно такъ же при измѣреніи челюсти не было обращено иногда вниманіе на головной показатель. Наиболѣе тщательную провѣрку выводовъ Ломброзо о преступномъ типѣ сдѣлалъ въ недавнее время (1913) англійскій изслѣдователь Герингъ. Имъ въ сотрудничествѣ съ другими лицами было предпринято и закончено обслѣдованіе 3000 преступниковъ, приговоренныхъ къ наказанію лишеніемъ свободы съ принудительнымъ трудомъ. Программа обслѣдованія содержала 96 вопросовъ о ростѣ, вѣсѣ тѣла, размѣрахъ головы и т. п. Преступники были разбиты, по совершеннымъ ими преступленіямъ, на пять группъ, но никакихъ внѣшнихъ особенностей ни у одной изъ группъ не оказалось. Этимъ, однако, былъ разрѣшенъ вопросъ лишь объ отсутствіи специфическихъ внѣшнихъ чертъ у каждой изъ группъ, но не было доказано отсутствіе преступнаго типа вообще. Вторая часть труда Геринга сравниваетъ измѣренія преступниковъ съ итогами обслѣдованія различныхъ группъ населенія (студентовъ кембриджскаго университета, пациентовъ больницъ Лондона, солдатъ и пр.) и констатируетъ отсутствіе различія и здѣсь. Это даетъ изслѣдователямъ право отрицать существованіе преступнаго типа вообще. Татуировка у моряковъ

оказалась даже болѣе распространенной, чѣмъ у преступниковъ, а среди самихъ осужденныхъ татуировка у служившихъ ранѣе въ арміи встрѣчалась чаще, чѣмъ у неслужившихъ. Но душевныя болѣзни, слабоуміе и особенно эпилепсія оказались особенно распространенными среди преступниковъ.

При сравненіи преступныхъ и непреступныхъ людей не всегда обращалось должное вниманіе на основное правило метода сравненія: на необходимость, чтобы обѣ сравниваемыя группы были однородны во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ признака преступности, т.е. чтобы нормальный и преступный человѣкъ происходили изъ одного и того же класса, были одинаковаго воспитанія, одного и того же возраста и пр. При этихъ недостаткахъ методовъ изслѣдованія уголовно-антропологи пришли въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ существеннымъ разногласіямъ по вопросамъ, какіе признаки являются характерными для типа преступника и насколько часто они у него встрѣчаются. Колаяни отмѣчаетъ слѣдующія изъ этихъ противорѣчій, называемыхъ имъ качественными и количественными. Такъ, надбровныя дуги и лобныя пазухи выдаются у преступниковъ, по Ломброзо, въ 66,9 случаевъ на сто, по Бордье 60%, Егеру и Дальеманю въ 13%, а по Бенедикту, Тенкату, Павловскому и Флешу—0. Аномаліи въ развитіи зуба мудрости: по Ломброзо въ 57% случаевъ, Ленносекъ—8%, другіе—0. Частичное или полное сращеніе швовъ: по Ломброзо—37%, Бенедикту—53,8, Тенкату и Павловскому 3,7%, Корре—22,2%.

Эттингеръ приводитъ слѣдующую таблицу объемовъ череповъ нормальныхъ и преступныхъ по вычисленіямъ различныхъ авторовъ:

У непреступныхъ:		У преступныхъ:	
По Ломброзо . .	1551 (итальянцы).	1466	} убійцы. } воры.
„ Монти		1321	
„ Марро	1573 (итальянцы).	1374	
„ Росси		1565	
„ Бенедикту. .	1500 (нѣмцы).	1548	
„ Ранке	1503 (старо-баварцы).	1386	
„ Рюдингеру .	1524 (баварцы).	1502	
„ Бордье	1529 (парижане).	1508	
„ Мажито . . .	1560 (парижане).	1531 (убійцы).	
„ Манувріе. . .	1665	1571 (убійцы).	
„ Манувріе. . .	1560 (парижане).	1573 (убійцы).	
„ Хегеру	1490 (бельгійцы).	1478 (убійцы изъ Люттиха).	
		1538 (убійцы изъ Брюсселя).	
		1555 (убійцы изъ Гента).	

То же самое отмѣчается и относительно выводовъ Ломброзо о вѣсѣ и строеніи мозга преступниковъ. Съ особою тщательностью эта часть ученія уголовно-антропологической школы была провѣрена русскимъ анатомомъ проф. З е р н о в ы м ъ. Даже по отношенію къ такому объективному признаку мозга, какъ его вѣсъ, наблюдается большое разнообразіе мнѣній и изслѣдованіями установлены слу-

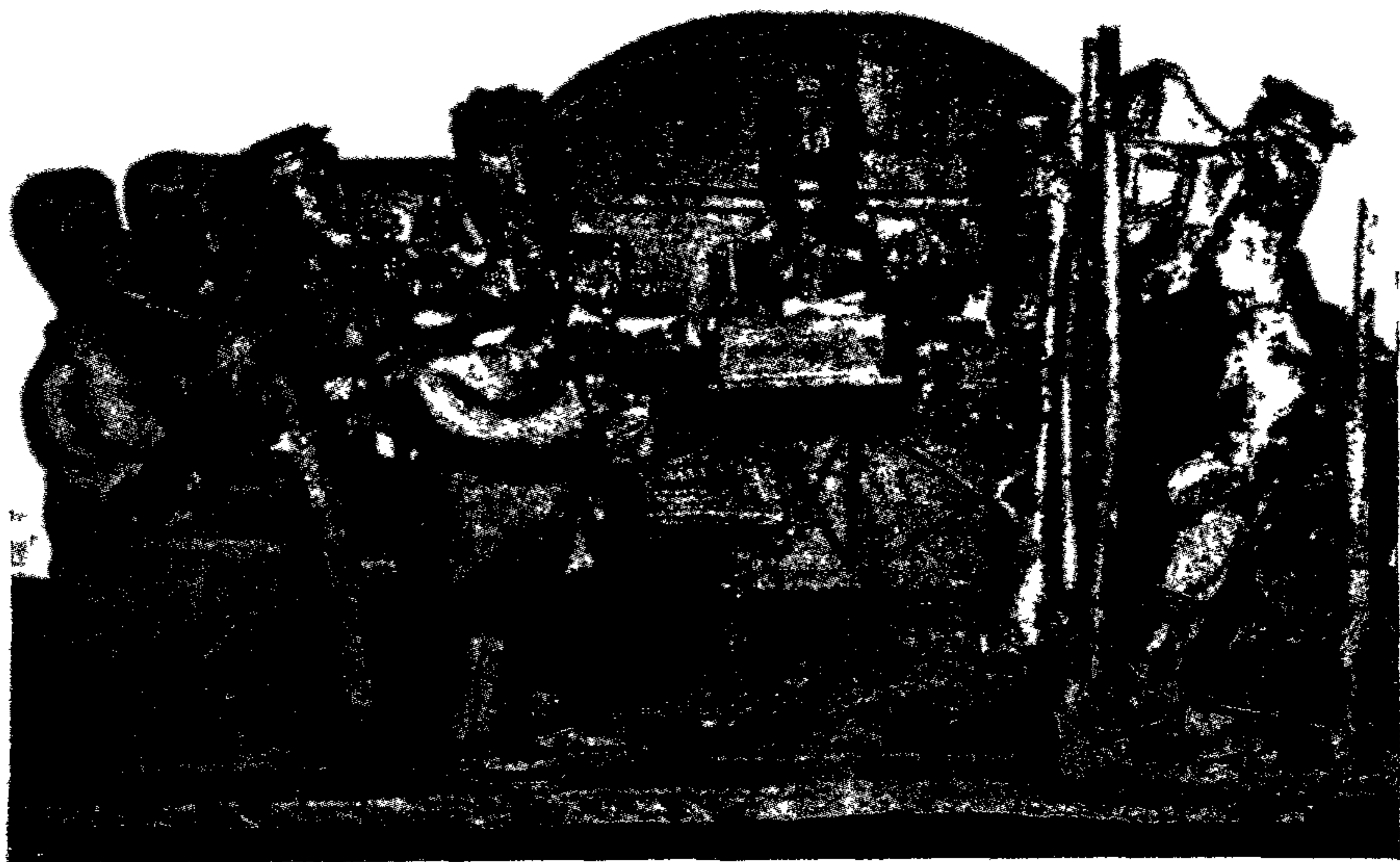
чаи обладанія выдающимися людьми болѣе тяжелымъ мозгомъ (Байронъ, Кромвель, Тургеневъ, Шиллеръ, Гельмгольцъ) и, наоборотъ, также и болѣе легкимъ (Гамбетта, Данте, Либихъ). Что же касается самаго строенія мозга, то безупречное строеніе извилинъ мозга еще не доказываетъ его здороваго состоянія и часто при вскрытіи тяжело душевно-болѣвшихъ не находятъ ни макроскопическихъ, ни микроскопическихъ нарушеній (Ашаффенбургъ). Зерновъ, признающій, что лобная кость у преступника меньшаго размѣра, отрицаетъ, однако, связь между величиною лобной кости и величиною лобныхъ долей и даже указываетъ, что при очень малой величинѣ лба величина лобнаго мозга превышаетъ средніе размѣры. Приведенныя критическія возраженія школѣ уголовно-антропологовъ идутъ далѣе указаній на „количественныя“ противорѣчія и уже переходятъ въ указанія на противорѣчія „качественныя“. Къ числу ихъ же относятся отмѣчаемыя Коляни и слѣдующія, между прочимъ, разногласія антропологовъ. Ломброзо считаетъ распространенною особенностью преступниковъ ассиметрію черепа, а Топинаръ считаетъ ее нормальнымъ для человѣка явленіемъ. Варнотъ полагаетъ, что у преступниковъ лѣвая рука развита болѣе, чѣмъ правая, но другіе не склонны признавать эту особенность характерною для преступника. На шестомъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ вопросу о лѣвшахъ былъ посвященъ спеціальныи докладъ Ауденино, который отмѣчалъ рядъ противорѣчій въ изысканіяхъ по этому предмету. Такъ, относительно человѣкообразныхъ животныхъ Ролле указывалъ, что лѣвшей среди нихъ—64%, Брайтонъ считаетъ, что большинство среди этихъ животныхъ одинаково хорошо владѣютъ правыми и лѣвыми конечностями, а Осава на международномъ конгрессѣ фізіологіи въ Туринѣ 1901 г. отмѣчалъ, что обезьяны лишь въ рѣдкихъ случаяхъ—лѣвши. Брайтонъ на основаніи изученія древнѣйшихъ инструментовъ филадельфійскаго музея опредѣлилъ, что среди древнихъ туземцевъ на каждаго трехъ лучше владѣвшихъ правою рукою приходился одинъ лѣвша. Ломброзо и Марро находили лѣвшей чаще среди преступниковъ и считали это новымъ доказательствомъ атавистическаго происхожденія преступности. Наоборотъ, Ауденино полагаетъ, что не лѣвша, а одинаково хорошо владѣющій обѣими руками является болѣе, чѣмъ лѣвша, выразителемъ атавизма.

Ломброзо видитъ доказательства атавистическаго происхожденія преступности также и въ психологіи преступниковъ. Они мстительны, свирѣпы въ своей жестокости. Въ женщинѣ они видятъ только самку; ихъ любовь—только чувственная; они находятъ радость больше всего въ необузданныхъ оргіяхъ. У нихъ нѣтъ нравственнаго чувства, понятія о долгѣ. Они не религіозны, но суевѣрны. Ихъ характеръ отражается въ ихъ пѣсняхъ, въ томъ ихъ ваяніи изъ мякиша, которымъ они любятъ заниматься въ тюрьмѣ: здѣсь вездѣ преобладаютъ, по словамъ Ломброзо, мотивы мести и половой разнуздан-

ности; если они вспоминаютъ о тюрьмѣ и судѣ, то только для того, чтобы выразить свое презрѣніе къ нимъ и насмѣшку.

Такая характеристика душевныхъ качествъ преступника была съ полнымъ основаніемъ признана критикою слишкомъ одностороннею, а поскольку Ломброзо сравнивалъ психологію преступника съ психологіей дикаря, также и ошибочною. По указанію русскаго сторонника уголовно-антропологической школы Д. А. Дриля, нѣждаго увлеченія крайностями этой школы, воръ, убійца, нищій-бродяга, изнасилователь и пр. представляютъ различные психологическіе типы. Позднѣйшія работы по особенной части уголовного права и выяснили эти различія психологіи убійцы, вора, мошенника и пр.

Всѣ указанныя особенности прирожденныхъ преступниковъ были найдены главою антропологической школы также у нѣкоего

8 Издѣлія преступниковъ—„Судъ“. Музей Ломброзо.

солдата Мисдеа, сдѣлавшаго во время ссоры съ товарищами по казармѣ 52 выстрѣла въ нихъ и убившаго 7 и ранившаго 13 чело-вѣкъ изъ нихъ. Ломброзо и Бьянки, выступавшіе экспертами по этому дѣлу, признали Мисдеа эпилептикомъ скрытой формы. Этотъ частный случай имѣлъ большое вліяніе на направленіе научной мысли Ломброзо: теорію атавистическаго происхожденія преступности онъ дополнилъ ученіемъ о преступности, какъ эпилепсіи. Еще ранѣе онъ доказывалъ связь между преступностью и нравственнымъ помѣшательствомъ. Такимъ образомъ, происхожденіе преступности объяснялось теперь болѣе сложно, но все же подчеркивалось рѣшающее значеніе за индивидуальными факторами.

Дальнѣйшая эволюція ученія Ломброзо свелась къ признанію отчасти значенія и за соціальною средою. Съ особою ясностью онъ

высказался по этому вопросу въ своей работѣ объ анархистѣ Луккени, въ которой, принимая всю совокупность причинъ преступленія этого анархиста за единицу, относитъ на долю особенностей организаціи лишь одну треть. Считая Луккени эпилептикомъ, авторъ отмѣчаетъ, что есть эпилептики въ Швеціи и Норвегіи, въ Швейцаріи и Англіи, дающей пріютъ анархистамъ, однако эти страны не знаютъ анархистскихъ покушеній. Это даетъ возможность автору подчеркнуть значеніе соціальныхъ причинъ въ Италіи, гдѣ, по его словамъ, по крайней мѣрѣ пятая часть населенія находится какъ будто бы въ состояніи дикости, проживая въ лачугахъ хуже, чѣмъ у папуасовъ, питаясь хуже, чѣмъ бушмены, и не отличаясь по міросозерцанію отъ кафровъ. Въ послѣднемъ изданіи „Преступнаго человѣка“ Ломброзо въ III томѣ уже весьма подробно обслѣдовалъ вопросъ о вліяніи различныхъ соціальныхъ факторовъ. Тѣмъ временемъ на происходившихъ международныхъ уголовно-антропологическихъ конгрессахъ въ Римѣ въ 1885 г., въ Парижѣ въ 1889, въ Брюсселѣ въ 1892 г. вопросъ о прирожденномъ преступникѣ подвергся всестороннему обсужденію. Самъ Ломброзо въ докладѣ, который былъ послѣднимъ въ его жизни (прочитанъ имъ на шестомъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ 1906 г.), „о связи между гомосексуализмомъ и преступностью“ говоритъ уже какъ объ установленномъ фактѣ, что среди такъ называемыхъ прирожденныхъ преступниковъ имѣется около 60% безъ какого-либо спеціальнаго типа и лишь съ отдѣльными характерными чертами и что они не родились преступниками, а сдѣлались таковыми вслѣдствіе постигшихъ ихъ болѣзней, алкоголизма, сифилиса. Но при этой эволюціи своихъ взглядовъ Ломброзо оставался всегда вѣрнымъ своему основному воззрѣнію какъ на преобладающее значеніе антропологическихъ особенностей въ развитіи преступности, такъ и относительно сближенія преступника съ дикаремъ.

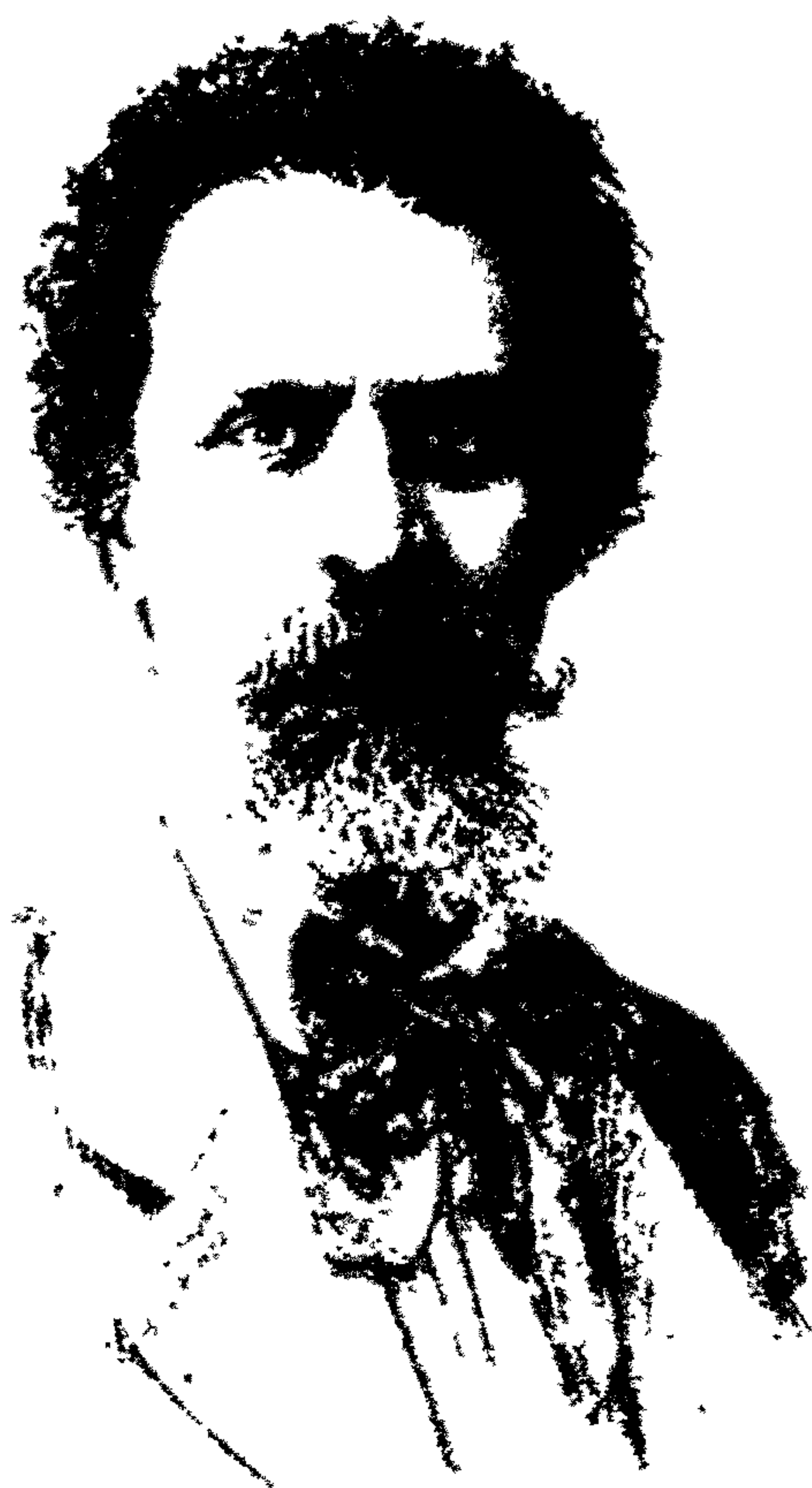
Вліяніе Ломброзо на научную мысль криминалистовъ было громадно и сильнѣе всего сказалось въ Италіи, гдѣ онъ нашель себѣ послѣдователей болѣе, нежели во всѣхъ другихъ странахъ. Но и эти послѣдователи далеко не во всемъ согласились со своимъ учителемъ. Ихъ объединило всѣхъ въ одну школу признаніе, что причины преступности лежатъ въ особенностяхъ физической природы отдѣльныхъ личностей или въ связанныхъ и несвязанныхъ съ этими особенностями внутреннихъ качествахъ людей, становящихся преступниками.

Ближе другихъ по своему направленію къ Ломброзо всталъ Гарофало съ его работами „Позитивный критерій наказуемости“, „Индивидуумъ и соціальный организмъ“ и особенно „Криминологія или ученіе о преступленіи, его причинахъ и мѣрахъ репрессіи“. Не признавая существованія антропологическаго типа преступника, Гарофало, однако, призналъ существованіе трехъ различныхъ фізіономическихъ типовъ: убійцы, насилвателя и вора. Ано-

маліи преступника лежать въ области психики. Считаю невозможнымъ отрицать черты сходства между преступникомъ и дикаремъ даже при несогласіи съ теоріей атавистическаго происхожденія преступности, Гарофало видитъ въ преступникѣ нравственнаго урода, продуктъ вырожденія, имѣющаго черты, общія съ дикаремъ и другія черты, низводящія человѣка до положенія низшаго животнаго. Съ точки зрѣнія Гарофало типическимъ преступникомъ является тотъ, кто совершенно лишенъ чувства альтруизма. Такое опредѣленіе автора вытекаетъ изъ его изслѣдованія понятія естественнаго преступленія, противопоставляемаго имъ юридическимъ формуламъ старой школы. Въ своихъ поискахъ опредѣленія преступленія Гарофало пошелъ новою дорогою. Онъ сталъ искать его не въ анализѣ дѣйствій, а въ анализѣ чувствъ, оскорбляемыхъ преступникомъ, и именно моральнаго чувства человѣческаго общества. Какъ солнечный лучъ преломляется различно въ зависимости отъ плотности среды сосуда съ жидкостью, такъ различны правила поведенія въ различныхъ слояхъ общества, но въ нихъ все же есть нѣчто общее. Въ этихъ правилахъ, называемыхъ собственно моралью, время производитъ измѣненія лишь очень медленно. Они диктуются чувствомъ альтруизма. Проявленіе такого чувства авторъ сводитъ къ двумъ формамъ: благорасположенію и справедливости. Въ свою очередь благорасположеніе проявляется въ двухъ формахъ: 1) въ отвращеніи причинять другимъ физическія и моральныя страданія и 2) въ стремленіи облегчать страданія другихъ. Только первая форма—достояніе общее, а вторая—достояніе лишь рѣдкихъ личностей. Жалость, являясь чувствомъ общимъ всѣмъ народамъ, удерживала отъ жестокихъ дѣйствій, и общество всегда рассматривало оскорбленіе этого чувства, какъ вредный поступокъ. При изслѣдованіи жалости не надо забывать исторіи ея развитія и постепеннаго расширенія понятія „ближняго“: отцеубійство у дикихъ народовъ является не оскорбленіемъ чувства жалости, а ея проявленіемъ; еретиковъ жгли не потому, что не было въ то время жалости, а потому, что она не распространялась на нихъ. Чувству жалости отвѣчаетъ по своей важности и общепризнанному значенію честность. Гарофало полагаетъ, что вредный актъ рассматривается общественнымъ мнѣніемъ какъ преступный въ томъ случаѣ, если онъ оскорбляетъ моральное чувство въ основныхъ формахъ его альтруизма—жалости и честности. Преступленіе, однако, оскорбляетъ эти чувства не въ ихъ наивысшемъ развитіи, а лишь въ томъ ихъ среднемъ размѣрѣ, въ которомъ владѣетъ ими данное общество. Такое понятіе естественнаго преступленія не совпадаетъ съ преступленіемъ по закону: оно въ однихъ случаяхъ шире его, а въ другихъ является болѣе узкимъ. Подъ понятіе естественнаго преступленія не подходятъ, напримѣръ, съ точки зрѣнія Гарофало, чисто политическія преступленія и прелюбодѣянія, такъ какъ они не оскорбляютъ ни чувства жалости, ни честности. Наоборотъ, отсут-

вымъ вслѣдствіе благопріятныхъ для него внѣшнихъ обстоятельствъ. Онъ можетъ вмѣсто грабежа на дорогѣ наживаться сомнительными биржевыми спекуляціями; вмѣсто изнасилованія женщинъ соблазнять ихъ и т. п. Каждое преступленіе обѣусловливается антропологическими и соціальными факторами, но, въ то время какъ соціальная среда опредѣляетъ форму преступленія, основой его служить біологическій факторъ. По мнѣнію Ферри, вліяніе различныхъ факторовъ не одинаково въ различныхъ случаяхъ и у различныхъ категорій преступниковъ, которыхъ Ферри и дѣлитъ на пять группъ: 1) прирожденные, совершающіе преступленіе вслѣдствіе наслѣдственныхъ аномалій или невроза; 2) безумные, страдающіе душевными болѣзнями; 3) по страсти, являющіеся жертвой своего сильного психическаго возбужденія; 4) случайные съ малозамѣтными психофізіологическими ненормальностями и дѣйствующіе подѣ вліяніемъ соціальной среды, и 5) привычные, схожіе съ прирожденными тѣмъ, что они также живутъ преступленіями, но отличающіеся отъ нихъ меньшими аномаліями.

Эта классификація Ферри не является общепринятою даже и среди криминалистовъ-антропологовъ. Разграниченіе между отдѣльными группами въ ней проведено недостаточно опредѣленно. Такъ, близки между собою группы прирожденныхъ и привычныхъ преступниковъ, случайныхъ и по страсти. Мало выяснена психологія представителей этихъ пяти преступныхъ категорій. Авторъ не исправилъ этихъ недостатковъ своей классификаціи и въ позднѣйшихъ своихъ работахъ. Такъ какъ классификація построена на принципѣ различнаго соотношенія антропологическаго и соціального фактора у представителей каждой изъ пяти группъ, то возникаетъ вопросъ: каковы же размѣры вліянія соціальной среды въ различныхъ случаяхъ? На этотъ вопросъ авторъ не далъ достаточно яснаго отвѣта. Съ наибольшею подробностью онъ остановился на вопросѣ въ своей статьѣ о „Соотношеніи между уголовной антропологіей и социализмомъ“. Почти исключительно продуктомъ соціальной среды онъ считаетъ случайныхъ и привычныхъ преступниковъ, къ которымъ относится по обѣмъ группамъ около трехъ четвертей общаго числа преступниковъ. Обѣ группы должны исчезать по мѣрѣ исчезновенія экономическаго неравенства, а съ водвореніемъ соціалистическаго общества совсѣмъ исчезнуть. Ферри предсказываетъ „почти полное исчезновеніе въ соціалистическомъ обществѣ и преступленій изъ страсти“, потому что чувство солидарности найдетъ тамъ полное развитіе. Но вліяніе соціальныхъ условій сказывается также и на категоріи прирожденныхъ и безумныхъ преступниковъ; они являются косвеннымъ порожденіемъ соціального строя. Безуміе и неврозъ всегда будутъ вызывать преступленіе, но, являясь порожденіемъ соціальныхъ условій, они теряютъ свою силу, когда будетъ положенъ конецъ вырожденію, вызываемому матеріальными и моральными бѣдствіями рабочаго класса и излишествами немногочис-

Э. Ферри (Enrico Ferri).

ленного состоятельнаго класса. Вновь возвращаясь къ этимъ мыслямъ въ своемъ докладѣ на уголовно-антропологическомъ конгрессѣ 1911 г., Ферри отмѣчалъ, что самъ Ломброзо, первоначально настаивавшій почти исключительно на значеніи антропологическихъ факторовъ, въ послѣдствіи принялъ эту же точку зрѣнія.

Ученіе Ферри о развитіи преступности, съ его характерною особенностью признанія зависимости антропологическихъ факторовъ отъ соціальныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ утвержденіемъ, что всякое преступленіе вызывается причинами антропологическаго характера, является тѣмъ центромъ, около котораго можетъ быть сгруппированъ цѣлый рядъ сходныхъ теорій. Еще въ 1892 г. на третьемъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ наиболѣе видный сторонникъ антропологической школы Д. А. Дриль въ докладѣ, привлеченъ къ себѣ общее вниманіе, доказывалъ, что только соціально-органическая теорія преступности можетъ быть признана правильною. Значительно ранѣе въ 1886 г. германскій ученый Бенедиктъ также стоялъ на этой точкѣ зрѣнія и считалъ, что подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ соціальныхъ условій и дурной наслѣдственности развивается толкающая на преступленіе, по крайней мѣрѣ професіональныхъ преступниковъ, неврастенія. Она характеризуется не столько дѣйствительною слабостью, сколько тягостнымъ чувствомъ слабости при физической дѣятельности и въ нравственной и въ умственной областяхъ. Неврастенія, являясь то прирожденной, то приобрѣтенной, то физической, то нравственной, приводитъ къ различнымъ формамъ преступности: подъ вліяніемъ физической неврастеніи развивается страсть къ бродяжничеству, при отсутствіи же чувства состраданія, нечувствительности къ физической боли и при нравственной неврастеніи становятся возможными жестокія преступленія.

Очень сходныя мысли развивалъ Максъ Нордау, также говорящій о слабости, тѣлесной анестезіи, моральной тупости, отсутствіи способности бороться со своими страстями и неспособностью къ сколько-нибудь продолжительной и постоянной работѣ преступника. Соглашаясь съ Ломброзо относительно роли вырожденія, онъ въ противовѣсъ теоріи атавизма развиваетъ теорію паразитическаго происхожденія преступности. Истощеніе нервныхъ центровъ преступника дѣлаетъ изъ него паразита въ видѣ привычнаго преступника. Какъ и вообще во всѣхъ біологическихъ явленіяхъ, въ паразитизмѣ есть градаціи и онъ можетъ быть признанъ и тамъ, гдѣ съ формальной стороны нѣтъ преступленія, но есть эксплоатація.

Дриль отмѣчалъ особую склонность къ вырожденію бѣдныхъ классовъ. Ничефоро въ своихъ трудахъ („Антропологія неимущихъ классовъ“ 1910, „Бѣдные классы“ 1905 и пр.) привелъ рядъ таблицъ сравнительнаго роста, вѣса, окружности головы и груди, физической силы и пр. дѣтей состоятельныхъ и бѣдныхъ классовъ и выяснилъ превосходство въ этихъ отношеніяхъ дѣтей состоятельныхъ классовъ. Одинъ изъ первыхъ по времени послѣдователей Лом-

брозо итальянецъ Марро такъ же, какъ Нордау, указывалъ на истощеніе центральной нервной системы у преступниковъ и, въ согласіи съ Ферри, подчеркивалъ значеніе соціальныхъ причинъ.

Эволюція уголовно-антропологической школы въ смыслѣ постепеннаго отказа отъ признанія рѣшающаго значенія за внѣшними особенностями преступниковъ можетъ быть прослѣжена также и по трудамъ уголовно-антропологическихъ конгрессовъ. Въ то время какъ на первыхъ конгрессахъ наибольшее вліяніе удѣлялось вопросамъ о существованіи типа преступника, о внѣшнихъ аномаліяхъ его, въ трудахъ болѣе позднихъ конгрессовъ вниманіе докладчиковъ сосредоточивается на уголовной психологіи и соціологіи. Такъ, на примѣръ, на шестомъ конгрессѣ 1906 г. были представлены соціологическіе доклады Альбанеля о дѣтской преступности, Риккера о преступности служанокъ, Слинггенберга о преступности и борьбѣ классовъ въ Голландіи, Герца преступность и рабочий классъ, Маріани и Бруза по психологіи свидѣтелей. Засѣданія же VII конгресса въ значительной ихъ части были посвящены обсужденію докладовъ психологическаго содержанія. Таковы были доклады Зоммера и В. Миттермайера о современномъ состояніи криминальной психологіи, Ферри о психологіи криминальной и о психологіи судебной. Съ другой стороны, такіе сторонники Ломброзо, какъ Ронкорони, раздѣлявшій его теорію объ эпилептическомъ происхожденіи преступности, заявляли о необходимости дальнѣйшей провѣрки основныхъ положеній оригинальныхъ утвержденій Ломброзо. Однако высказанныя Ломброзо мысли о преступленіи, какъ явленіи атавизма, о сходствѣ нравственно-помѣшанныхъ и преступниковъ и пр. продолжали, хотя и въ неизмѣримо меньшей степени, интересовать представителей ученой мысли (напримѣръ, докладъ проф. Клааша о морфологіи и психологіи низшихъ человѣческихъ расъ въ ихъ соотношеніи съ проблемой криминалистики, Леви-Девеали о сравненіи почерковъ преступниковъ и душевнобольныхъ и др.).

Обращеніе изслѣдователей отъ изученія внѣшности преступниковъ къ выясненію ихъ психическихъ особенностей и вообще характеровъ привело къ цѣннымъ результатамъ и способствовало появленію и развитію такъ называемой криминальной психологіи. Она сдѣлала объектомъ своего изученія преступника, стремясь выяснить общія психологическія черты различныхъ категорій преступниковъ. Новая дисциплина наиболѣе развилась въ Германіи, гдѣ, несмотря на короткое время, появились цѣнные труды Зоммера, Вульфена, Липпмана, Кауфмана, Ганса Гросса, Ветцеля и др. Чуждая крайностей Ломброзо и его ближайшихъ по времени послѣдователей, уголовная психологія представляетъ собою тотъ этапъ, къ которому пришла уголовная антропологія. Примѣненіе научныхъ методовъ общей психологіи въ изслѣдованіи преступниковъ, несомнѣнно, приведетъ къ цѣннымъ результатамъ.

Соціологіческія теоріи преступности.

Уже первыя работы Ломброзо съ его оригинальными теоріями о развитіи преступности вызвали непосредственно за своимъ появленіемъ критическія изслѣдованія прежде всего въ Италіи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ. Авторы этихъ изслѣдованій, иногда очень рѣзко расходясь между собою по своимъ основнымъ взглядамъ, однако единогласно сходились въ общемъ признаніи ошибкою со стороны Ломброзо и его школы игнорированіе соціальныхъ факторовъ преступности или обращеніе на нихъ незаслуженно малаго вниманія. Такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ послѣ обнародованія труда Ломброзо усилія его критиковъ были направлены болѣе всего на доказательства его ошибокъ и односторонности нѣкоторыхъ его положеній относительно внѣшнихъ аномалій преступника, то въ то время еще не могло произойти рѣзкаго раздѣленія между самими критиками. Конечно, зачатки новыхъ соціологическихъ воззрѣній на преступленіе и на борьбу съ нимъ не могли не быть замѣченными и въ эти годы общей критической борьбы съ уголовно-антропологическою школою. Но эти различія пока не разъединяли критиковъ.

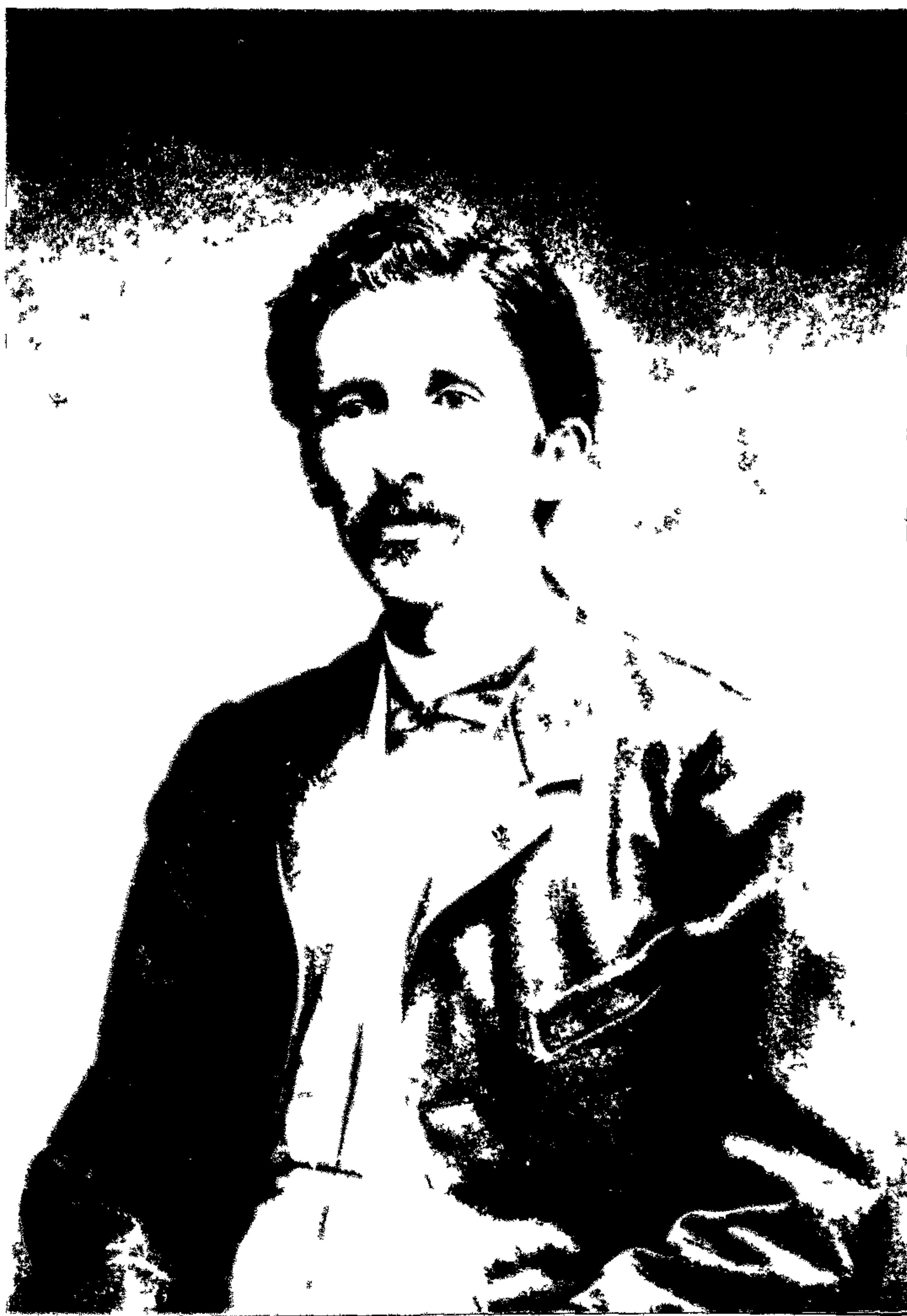
Среди первыхъ по времени ихъ появленія работъ, направленныхъ противъ ученія криминалистовъ-антропологовъ, выдающееся мѣсто принадлежитъ работѣ миланскаго адвоката Филиппа Турати (1883 г.). Ломброзо искалъ причины въ самомъ индивидѣ, Турати ищетъ ихъ въ политическомъ и общественномъ строѣ. Для Гарофало преступникъ—безчестный человѣкъ, для Турати органически и необходимо порочно само современное общество. Преступность разлита въ жилахъ всего соціальнаго организма, и, такимъ образомъ, вопросъ о преступности является, по словамъ Турати, прежде всего вопросомъ общественной трансформации того строя, гдѣ эксплуатація—краеугольный камень сожителства людей.

Уже на первомъ конгрессѣ уголовно-антропологовъ въ Римѣ 1885 г. раздались возраженія противъ ученія Ломброзо, но лишь со стороны отдѣльныхъ представителей ученой мысли. Однако на второмъ конгрессѣ въ Парижѣ эти возраженія принимаютъ такую форму общаго протеста, что самому Ломброзо пришлось припомнить старую римскую пословицу: „отъ тріумфа до Тарпейской скалы всего одинъ шагъ“. При обсужденіи доклада Ферри на тему „о сравнительной цѣнности личныхъ физическихъ и соціальныхъ условій въ развитіи преступности“ возраженія проф. Пулья, Алимены, Манувріе, Тарда, Дриля и др. сводились или къ указаніямъ, что преступленіе въ равной мѣрѣ есть продуктъ органическихъ аномалій и соціальной среды, или къ утвержденіямъ, что конечную причину преступности надо искать въ соціальной средѣ. На этотъ разъ даже такому антропологу, какъ Ферри, настаивавшему болѣе другихъ итальянскихъ антропологовъ на значеніи соціальной среды, сторонникъ школы

Ломброзо проф. Дриль высказывалъ удивленіе, что онъ не въ достаточной степени признаетъ значеніе соціального фактора. Проф. Манувріе подчеркивалъ, что если дефекты фізіологическаго характера находятся въ соотношеніи съ анатомическимъ строеніемъ, то нельзя того же сказать относительно преступленій: они—явленія соціального порядка, непосредственно не связанныя съ анатоміей. На этомъ же конгрессѣ состоялось выступленіе Габріеля Тарда какъ въ качествѣ оппонента, такъ и докладчика. Идеи, развитыя имъ здѣсь и въ его трудахъ („Философія уголовного права“, „Сравнительная преступность“, „Сборникъ статей—этюды по соціологіи и уголовному праву“ и др.), принадлежатъ къ наиболее оригинальнымъ въ уголовной соціологіи.

По основному вопросу о происхожденіи преступности и о законахъ, управляющихъ ея ростомъ, Тардъ создалъ теорію подражанія. Сущность ея сводится къ слѣдующему. Живыя существа склонны къ подражанію. Подражанію принадлежитъ громадная роль во всей соціальной жизни. Оно распространяется повсюду и захватываетъ все встрѣчное, какъ потокъ, стекающій съ горы. Всякое открытіе въ области права, религіи, политики, промышленности и пр. распространяется, подобно свѣтовой волнѣ, посредствомъ сознательнаго или безсознательнаго подражанія. Чтобы судить о могуществѣ подражанія, авторъ прослѣживаетъ формы его проявленія у идіотовъ, у которыхъ подражаніе не встрѣчаетъ никакихъ препятствій для своего проявленія. Онъ разсматриваетъ его роль также въ толпѣ, въ которой подражаніе превращаетъ „безсвязность въ связь, шумъ въ голосъ, тысячи сошедшихся людей—въ одно животное, въ безымяннаго и чудовищнаго звѣря“. Примѣръ человѣка можетъ быть сравненъ со способностью тѣлѣ къ притяженію, и онъ тѣмъ заразительнѣе, чѣмъ болѣе интенсивна связь между людьми.

Распространенію примѣровъ особенно благопріятствуетъ соціальная іерархія. Въ этомъ отношеніи Тардъ называетъ аристократію водоемомъ, изъ котораго послѣдовательно распредѣляются, падая одинъ за другимъ, каскады подражанія. Въ эпоху демократіи эта роль аристократіи переходитъ къ столицамъ и городамъ. Таковъ законъ распространенія также пороковъ и преступленій: гнѣздящіеся теперь въ низшихъ слояхъ общества, они проникли туда съ верховъ его. Пьянство сначала бываетъ лишь королевскою роскошью, а потомъ привилегіей аристократовъ. Привычка курить, такъ распространенная въ народѣ, также прежде всего развивалась на верхахъ. Предшественниками современныхъ бродягъ-плебеевъ и бродячихъ музыкантовъ были благородные пилигримы и менестрели среднихъ вѣковъ. Первыми отравителями были короли и сеньоры, среди которыхъ вспыхивали настоящія эпидеміи этого преступленія. Возможность убивать, изъ которой впослѣдствіи было выведено право убивать, была въ первыхъ обществахъ привилегіей высшихъ классовъ. Такова же судьба политическихъ убійствъ;

Г. Тардъ (Gabriel Tarde).

отцеубійство, женоубійство, убійство дѣтей совершались собственноручно меровингами; позднѣе они совершаютъ эти преступленія черезъ наемныхъ убійцъ, наконецъ, цареубійство совершается уже людьми изъ народа и самимъ демосомъ. Поджогъ въ настоящее время—преступленіе низшихъ слоевъ, ранѣе онъ совершался феодалами. Фальшивый монетчикъ, прежде чѣмъ появиться въ вертепахъ и городскихъ подвалахъ, появился на тронѣ въ лицѣ королей, выпускавшихъ малоцѣнныя монеты. Такъ же было и съ дуэлями. Эта роль аристократіи въ распространеніи преступности перешла теперь къ городамъ и столицамъ: они передаютъ провинціи вмѣстѣ съ моднымъ покроемъ платья и новымъ фасономъ шляпы также и свои пороки и преступленія.

На ряду съ выясненіемъ законовъ развитія преступности Тардъ интересуется также и самимъ преступникомъ. Группа преступниковъ для него настолько же пестра, насколько и многочисленна; члены этой группы не объединены между собою ни органическою связью, ни родствомъ происхожденія отъ дикаря, но связаны тою общностью, которая порождается занятіемъ одною и тою же профессіею. Сходство въ соціальныхъ условіяхъ жизни, работа мускуловъ въ одномъ и томъ же направленіи способствуютъ выработкѣ профессиональных типовъ. Такіе типы интернаціональны въ томъ отношеніи, что встрѣчаются и легко распознаются въ разныхъ странахъ. Гипотеза профессиональнаго типа объясняетъ даже анатомическія, фізіологическія, а тѣмъ болѣе психологическія особенности преступниковъ, такъ какъ всякая профессія подбираетъ своихъ членовъ изъ людей наиболѣе отвѣчающихъ ея требованіямъ и развиваетъ у нихъ нѣкоторыя качества путемъ наслѣдственной передачи. Существованіе профессиональнаго типа даетъ возможность легко распознавать священника, рабочаго, купца и пр. Занятіе преступностью, какъ профессіей, приводитъ къ образованію профессиональнаго типа преступника, внѣшнія особенности котораго, однако, весьма трудно поддаются описанію. Какъ типъ профессиональный, преступникъ не рождается таковымъ, а дѣлается имъ подъ вліяніемъ соціальныхъ условій.

Мы останавливаемся на теоріи Тарда о значеніи подражанія, лишь поскольку она относится къ объясненію развитія преступности. Нельзя не признать, что приведенные имъ примѣры иногда совсѣмъ не относятся къ затронутымъ вопросамъ, иногда не могутъ быть признаны доказательствами вѣрности основной идеи автора, потому что въ нихъ нѣтъ внутренняго сходства. Такъ только чисто внѣшнее сходство, и притомъ крайне ограниченное, имѣется между менестрелемъ среднихъ вѣковъ и современнымъ бродячимъ музыкантомъ, между пилигримомъ-рыцаремъ и современнымъ бродягою; но различна ихъ психологія, различны мотивы ихъ странствованій и цѣли, къ которымъ они идутъ. Если политическія преступленія составляли ранѣе привилегію самихъ носителей

высшей власти и лицъ близкихъ къ нимъ по своему положенію и если теперь эти преступленія стали достояніемъ массы, то законъ подражанія оказывается безсильнымъ объяснить участіе въ совершеніи этихъ преступленій въ различное время различныхъ классовъ населенія, одинаково не принадлежащихъ къ верхнимъ слоямъ общества. Теорія Тарда не даетъ отвѣта на вопросъ, почему жакерія и крестьянскія волненія смѣняются преступленіями фабричныхъ рабочихъ, почему дуэли, скосившія безчисленныя жертвы среди аристократіи, не нашли сколько-нибудь широкаго распространенія въ другихъ сословіяхъ и почему онѣ встрѣчаются почти исключительно лишь среди журналистовъ и политическихъ дѣятелей. Теорія подражательнаго распространенія преступности съ верховъ общества на низы и изъ столицъ въ деревню не объясняетъ процесса вымиранія преступленія. Если высшіе слои общества заражаютъ своими примѣрами низшіе, то казалось бы, что зараженіе преступностью должно совершаться въ еще большей степени среди самихъ представителей высшаго класса. Но мы не наблюдаемъ этого. Наоборотъ, примѣры Тарда какъ будто показываютъ, что посредствомъ сообщенія заразы низшему слою верхній слой общества излѣчивается отъ своей преступности.

Среди криминалистовъ теорія подражательнаго распространенія преступности не нашла себѣ сторонниковъ, но это не помѣшало общему признанію глубокаго значенія за попытками Тарда дать соціологическое объясненіе роста преступности. Тарду должно принадлежать среди криминалистовъ-соціологовъ такое же выдающееся мѣсто, какое занимаетъ Ломброзо среди криминалистовъ-антропологовъ. Оба они были наиболѣе оригинальными мыслителями, оба обладали удивительною способностью остроумныхъ обобщеній, оба рѣзко порывали въ своихъ трудахъ связь съ классическою школою. Но, въ то время какъ Ломброзо совершалъ свои открытія въ области криминологіи почти случайно, по наитію, благодаря своей зоркой научной наблюдательности, Тардъ всегда оставался искателемъ-философомъ, теоріи котораго были продуктомъ тщательной и всесторонне-продуманной работы его мысли.

Если изложенная нами соціологическая концепція Тарда, пытавшаяся опредѣлить законъ распространенія преступности, не нашла себѣ сторонниковъ, то значительная часть соціологовъ-криминалистовъ объединилась въ международный союзъ вокругъ идей, которыя были развиты основателями этого союза проф. амстердамскаго университета Ванъ-Гамелемъ, проф. берлинскаго университета Листомъ и проф. брюссельскаго университета Принсомъ. Международный союзъ криминалистовъ, образованный въ 1889 г., поставилъ своею задачею борьбу съ классическою школою, замкнувшеюся въ рамки юридическихъ изслѣдованій, и съ антропологами, сосредоточившими свое вниманіе на изученіи только антропологическихъ факторовъ. Въ противовѣсъ послѣдней школѣ союзъ долженъ

**Г.-А. Гамель (Genard-
Anton van Hamel).**

**А. Прѣнсъ (Adolphe
Prins).**

былъ изучать преступленіе, какъ продуктъ не только внутреннихъ (антропологическихъ) факторовъ, но и соціальныхъ. Принятіе такого тезиса въ программу дѣятельности этого перваго среди криминалистовъ общества должно было привести къ рѣзкому раздѣленію криминалистовъ на сочувствующихъ и несочувствующихъ идеямъ союза. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Меркель, Луккени, Хагштремеръ, Гейнце и др., отказались вступить въ союзъ. Чтобы избѣжать упрековъ въ игнорированіи изученія юридической стороны преступленія и наказанія, союзъ, по предложенію Листа, на восьмой годъ своего существованія нѣсколько измѣнилъ свою программу, дополнивъ ее указаніемъ, что юридическому моменту въ наукѣ уголовного права должно быть отведено такое же мѣсто, какъ соціологическимъ и антропологическимъ изслѣдованіямъ.

Объединеніе вокругъ основателей союза значительнаго числа криминалистовъ различныхъ странъ сдѣлалось возможнымъ не только вслѣдствіе широты программы, но также и вслѣдствіе особенностей научнаго сгедо членовъ новаго общества. Программа, чуждая крайностей, представляла возможность примиренія антропологовъ съ соціологами, а основатели союза, подчеркивая значеніе соціальныхъ факторовъ преступности, были далеки отъ созданія какихъ-либо оригинальныхъ теорій: они не пытались, въ противоположность Тарду и криминалистамъ, раздѣлившимъ позднѣе доктрину экономического матеріализма, свести вліяніе всѣхъ факторовъ къ какой-либо одной причинѣ.

Ванъ-Гамель, Листъ и Принсъ имѣли возможность развить свои взгляды на причины преступности, главнымъ образомъ, въ своихъ докладахъ съѣздамъ союза, а также въ своихъ статьяхъ и монографіяхъ. Однако послѣднія были не столько глубокими изслѣдованіями значенія той или другой причины преступности, сколько призывами къ такимъ изслѣдованіямъ и блестящими общими очерками соціальнаго происхожденія преступности. Они признаютъ, что преступность есть порожденіе и заброшенности ребенка, и дурного состоянія жилищъ, и развращающаго молоха-города, и темной деревни, и тяжелаго положенія рабочаго класса и многого другого. Всѣ трое названныхъ криминалистовъ придають большое значеніе экономическимъ факторамъ, но Ванъ-Гамель видитъ это вліяніе болѣе въ развратѣ, который несетъ за собою страсть къ обогащенію, чѣмъ въ тягостяхъ бѣдности, а Листъ и Принсъ признають преимущественное значеніе за бѣдностью. Такъ, Листъ считалъ, что важнѣйшую группу неблагоприятно дѣйствующихъ на преступность факторовъ составляютъ: неспособность къ работѣ вслѣдствіе возраста, болѣзни, инвалидности, безработица по своей винѣ или безъ вины, заработная плата и рабочее время, не обеспечивающія ни сохраненія силъ, ни дальнѣйшаго развитія индивидуума; состояніе жилищъ, которое губитъ живущихъ въ нихъ; работа малолѣтнихъ на фабрикахъ и т. п. Также и Принсъ говорилъ въ своей получив-

шей большое распространение книгъ „Преступность и репрессія“: „Человѣкъ принадлежитъ человѣчеству, какъ атомъ принадлежитъ матеріи; и преступный и честный человѣкъ оба одинаково связаны со своей средой. Существуетъ соціальная среда, благопріятная нравственному здоровью: склонность къ преступленію въ ней ничтожна; но существуетъ и другая соціальная среда, гдѣ атмосфера испорчена, гдѣ скапливаются нездоровые элементы, гдѣ самые сильные гибнутъ, куда преступность обрушивается, какъ плѣсень на навозъ: склонность къ преступленію здѣсь громадна... Контрастъ между большимъ богатствомъ и крайней нищетой; грубая необходимость борьбы за существованіе рядомъ со сосредоточеніемъ собственности и капитала; несовершенство промышленной организаціи, предоставляющей пролетаріатъ игрѣ одного случая, не наблюдающей за обученіемъ ребенка рабочаго и подвергающей его возбужденіямъ уличной жизни и сомнительному вліянію смѣшаннаго общества мастерской, всюду, наконецъ, обостряющей темные животные инстинкты,— все это съ прискорбною неизбѣжностью отражается и на преступности“.

На брюссельскомъ конгрессѣ уголовной антропологии въ 1892 г., т.-е. на третьемъ году существованія международнаго союза криминалистовъ, три его основателя согласно выступали съ критикою ученія Ломброзо и съ пропагандою идей союза. При обсужденіи на этомъ конгрессѣ доклада проф. Гоклера о сравнительномъ значеніи антропологическихъ и соціальныхъ факторовъ преступности Листъ опредѣленно настаивалъ на преимущественномъ значеніи послѣднихъ факторовъ. Дѣйствіе соціальныхъ причинъ онъ называлъ тройнымъ, такъ какъ полагалъ, что ихъ вліяніе сказывается въ трехъ направленіяхъ. Во-первыхъ, борьба противъ преступности возможна лишь при условіи воздѣйствія на внѣшнія соціальныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ совершено данное преступленіе. Во-вторыхъ, соціальныя причины опредѣляютъ индивидуальность преступника со дня его рожденія (его питаніе, воспитаніе и пр.). Въ-третьихъ, эти же факторы оказываютъ свое вліяніе на отдѣльныя личности иногда задолго до ихъ рожденія, такъ какъ опредѣляютъ содержаніе наслѣдственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Листъ протестовалъ противъ высказывавшаго сходныя мысли докладчика Гоклера относительно наименованія борющейся съ Ломброзо школы „третьей школою“ (первая—„классическая“, вторая—„антропологическая“). Листъ, а вмѣстѣ съ нимъ также проф. Принсъ и Ванъ-Гамель говорили, что рѣчь можетъ итти только о двухъ школахъ—юридической и позитивной, такъ какъ школа Ломброзо, освободившись отъ своихъ крайностей, уже слилась съ соціологическимъ изученіемъ преступленія. Однако попытки обосновать право на существованіе „третьей школы“ были дѣлаемы неоднократно. Такъ, Карневале характеризовалъ эту школу какъ посредствующее мнѣніе, признающее, что уголовное право должно, вопреки словамъ

Ломброзо, сохранить свое значение самостоятельной и независимой науки, что если причины преступности могут быть раздѣлены на органическія, физическія и соціальныя, то ихъ первыя двѣ группы лишь предрасполагають къ преступленію, а послѣднія—соціальныя—опредѣляютъ къ нему. Вторая попытка въ этомъ же направленіи была сдѣлана А л и м е н о ю (ст. „Критическій натурализмъ и уголовное право“), но также не встрѣтила сочувствія.

Занявъ посредствующее мѣсто среди криминалистовъ-классиковъ и антропологовъ, члены международного союза криминалистовъ скоро заняли среднюю же позицію и среди самихъ криминалистовъ-соціологовъ. Среди послѣднихъ должны быть отмѣчены два крайнихъ теченія. Представителемъ одного изъ нихъ является членъ французской академіи наукъ Жолли, авторъ большихъ работъ „Преступленіе“ 1888 г., „Преступная Франція“ 1889 г., „Виновная дѣтвора“ 1904 г., „Преступная Бельгія“ 1907 г. и др. Жоли считаетъ причиною преступленій деклассацию: „человѣкъ имѣетъ потребность въ сдерживаніи и въ поддержкѣ окружающей его среды, онъ находитъ это въ семьѣ, общинѣ, школѣ, корпораціи, отечествѣ, въ этихъ прочно организовавшихся группахъ, включающихъ насъ въ свои ряды. Все, что съ какой-либо стороны разбиваетъ эти группы и отрываетъ отъ нихъ человѣка, тѣмъ самымъ порождаетъ деклассированнаго, „почти неизбежно преступника“. Для того, чтобы подтвердить громадное значеніе деклассации, Жоли указываетъ на повышенную преступность иностранцевъ во Франціи, французовъ, покинувшихъ родину, жителей Парижа и большихъ городовъ, прибывшихъ сюда изъ провинціи. Давая высокій процентъ преступности, иностранцы во Франціи, если они нашли въ этой странѣ новое отечество, получаютъ тѣмъ самымъ новую поддержку и становятся въ болѣе благопріятное положеніе по отношенію преступности; ихъ преступность еще болѣе уменьшается, если они становятся членами какой-нибудь соціальной группы, какой-либо корпораціи. Въ такомъ же положеніи находятся и французы, покинувшіе родной департаментъ: ихъ преступность тѣмъ выше; чѣмъ менѣе они прикрѣплены къ опредѣленному мѣсту, чѣмъ болѣе они становятся странниками. Преступность большихъ городовъ, ужасающая насъ своими размѣрами, есть порожденіе той же деклассации, которая здѣсь находитъ для себя особенно благопріятныя условія. Преступность, самоубійства, проституція дѣтей есть также результатъ деклассации въ видѣ потери ребенкомъ семьи или ослабленія узъ съ нею: изъ 400 дѣтей парижскаго патроната, борющагося съ дѣтскою заброшенностью, только у 14,25% семейное положеніе оказалось относительно нормальнымъ, у остальныхъ же 84,75% оно было болѣе или менѣе тягостно: дѣти были лишены обоихъ родителей или имѣли только одного изъ нихъ. При разсмотрѣніи преступности лицъ, занимающихся различными профессіями, авторъ отмѣчаетъ высокую преступность бродягъ; въ предѣлахъ же каждой профессіи преступни-

ками являются тѣ, кто лишь числится занимающимся трудомъ, а на самомъ дѣлѣ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ паразитомъ этой профессіи. Деклассация—явленіе соціального порядка. Но порождается она причинами морального порядка: атеизмомъ, развратомъ, алчностью, лѣнью, эгоизмомъ, расточительностью, непредусмотрительностью и пр. Для Жоли такія полныя глубокаго значенія соціальныя явленія, какъ эмиграція, стачки рабочихъ, уменьшеніе рождаемости, увеличеніе внѣбрачныхъ рожденій, вызываются моральными причинами: отвращеніемъ къ труду, алчностью, эгоистическими желаніями не обременять себя новыми тягостями, какъ бы ни были онѣ достойны уваженія. Въ своей работѣ „Преступная Бельгія“ онъ особенно темными красками рисуетъ, въ частности, отрицательныя качества бельгійскаго рабочаго съ большимъ заработкомъ, но, по его утвержденію, съ неразвитымъ нравственнымъ чувствомъ, со склонностью къ кутежамъ, пьянству, разврату. Такая нелестная характеристика дается авторомъ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ имъ анкетнымъ путемъ крайне односторонне (лишь среди представителей имущаго класса: хозяевъ фабрикъ и торговыхъ предпріятій, чиновъ полиціи, судей и пр.). Съ точки зрѣнія Жоли деклассированный становится воромъ не потому, что его толкаетъ на это бѣдность, а потому, что у него нѣтъ нравственныхъ устоевъ, такъ же какъ и соціальная язва—проституція—вызывается мужчинами, обманывающими женщинъ, и дурными инстинктами самой женщины, разложеніемъ семьи. Въ этой части своихъ взглядовъ Жоли сходится съ Гарофало и такъ же, какъ и онъ, не представляетъ доказательствъ въ подтвержденіе вліянія нравственныхъ качествъ на развитіе преступности. Различіе между Жоли и криминалистами-антропологами однако остается глубокимъ, такъ какъ Жоли не признаетъ антропологическаго типа преступности, хотя соглашается, что имѣется типъ преступника, но это не прирожденный типъ, какъ утверждали уголовно-антропологи, и не профессиональный типъ, согласно доктрины Тарда, а приобрѣтенный безнравственною жизнью: порокъ, развратъ, пьянство клеймятъ отдавшихъ имъ своею особою печатью и дѣлаютъ ихъ легко распознаваемыми. Наконецъ, Гарофало далекъ отъ объясненія преступности соціальнымъ факторомъ, а Жоли, наоборотъ, все объясняетъ соціальнымъ факторомъ, деклассацией, хотя и считаетъ эту причину производною, зависящею отъ моральныхъ условій индивида. Теорія Жоли не безъ успѣха была названа въ русской литературѣ проф. Синицкимъ моралистическою.

Признаніе тѣсной причинной зависимости между безнравственностью и преступностью мы находимъ и у другихъ авторовъ—у Карла Крауса въ его сборникѣ статей: „Нравственность и преступность“ 1908 г., у Проалья въ его книгѣ „Преступленіе и наказаніе“ и въ работахъ бельгійскаго священника Де-Бетса.

На противоположной точкѣ зрѣнія стоятъ въ уголовной соціології тѣ, которые объясняютъ преступность причинами экономи-

ческаго характера. Они образуютъ соціалистическое крыло въ наукѣ уголовного права. Въ качествѣ ихъ предшественниковъ могутъ быть названы представители утопическаго и научнаго соціализма. Что касается различія между криминалистами-соціалистами и другими сторонниками соціологической школы, то оно сводится прежде всего къ признанію криминалистами-соціалистами громаднаго значенія въ жизни человѣческаго общества за экономическимъ факторомъ, институтомъ частной собственности со всѣми его послѣдствіями, принципомъ классоваго устройства и классовой борьбы. Оставляя въ сторонѣ авторовъ, развивавшихъ эти мысли въ своихъ работахъ, не принадлежащихъ непосредственно къ области криминологіи, мы можемъ отнести къ соціалистическому крылу, кромѣ уже названнаго Турати, также голландца Бонгера („Экономическія причины преступности“ 1905 г.), итальянца Карла Манеса („Капитализмъ и преступность“ 1912 г.), француза Лафарга („Преступность во Франціи 1840—1886 г.“), профессора неаполитанскаго университета Наполеона Колаянни, съ его многими статьями и „Уголовной соціологіей“ 1880 года.

Въ то время какъ работа Турати явилась какъ бы катехизисомъ новаго направленія, работы остальныхъ авторовъ поставили своею задачею доказать исключительное по своей величинѣ значеніе экономическихъ факторовъ въ развитіи преступности. Бонгеръ сопровождаетъ разсмотрѣніе этихъ факторовъ характеристикой современнаго соціальнаго строя, брака, семьи, милитаризма и пр. Онъ, а также Манесъ, являясь сторонниками экономического матеріализма, подчеркиваютъ значеніе экономического фактора при разсмотрѣніи преступности дѣтей и взрослыхъ, женщинъ и мужчинъ противъ собственности и личности, бродяжничества, а также и политическихъ преступленій. Съ установленіемъ общественнаго строя, основаннаго на общности средствъ производства, исчезнетъ, по ихъ мнѣнію, вмѣстѣ съ нищетою величайшій источникъ деморализаціи и интеллектуальной нищеты, такъ какъ цивилизація не будетъ привилегіей лишь нѣкоторыхъ. Исчезнетъ экономическая зависимость женщины, а вмѣстѣ съ нею и ея приниженность въ соціальномъ отношеніи и особенности ея преступности. Во всѣхъ этихъ случаяхъ экономическій факторъ дѣйствуетъ непосредственно или посредственно. Онъ дѣйствуетъ непосредственно, какъ скоро имѣется налицо прямое вліяніе нищеты и вообще борьбы за существованіе. Онъ дѣйствуетъ посредственно, поскольку преступленіе совершено подъ вліяніемъ условій соціальнаго или политическаго строя, основаннаго на частной собственности. Изъ названныхъ авторовъ только Колаянни представляетъ нѣкоторую особенность. Объясняя преступность экономическимъ факторомъ, онъ допускаетъ возможность нравственнаго атавизма. Подъ нравственнымъ или психическимъ атавизмомъ авторъ понимаетъ возвратъ человѣка какой-либо расы въ отношеніи его характера къ уже пройденной эпохѣ эволюціи.

Сторонники уголовно-антропологической школы не безъ основанія указывали Колаянни на то противорѣчіе, въ которое впадаетъ онъ, отрицая физическій атавизмъ (сближеніе внѣшностей преступника и дикаря) и признавая психическій.

Экономическій факторъ объясняетъ не только статику преступности, но и ея динамику, какъ это можно было видѣть изъ нашего общаго очерка объ эволюціи преступности. Но этимъ же факторомъ объясняется содержаніе и характеръ современныхъ нормъ уголовного права и его исторія. Оно до сихъ поръ еще не даетъ одинаковой всѣмъ защиты и по настоящее время не одинаково относится къ нарушителямъ его запретовъ и приказовъ. Съ этой точки зрѣнія сторонники социалистическаго крыла признаютъ вмѣстѣ съ Менгеромъ, что по уголовнымъ уложеніямъ можно судить о соотношеніи силъ даннаго времени съ большею правильностью, чѣмъ по законамъ конституціоннымъ, гражданскимъ и административнымъ, полнымъ правъ лишь номинальныхъ.

Значеніе экономическихъ факторовъ преступности съ особенною подробностью было обслѣдовано въ русской литературѣ. Несмотря на трудности, которыя представляетъ для изслѣдователя русская уголовная статистика, въ общей и спеціально-юридической литературѣ появилось много работъ, посвященныхъ этому вопросу.

III.

Факторы преступности.

Разнообразные факторы преступности раздѣляются современными криминалистами, независимо отъ ихъ принадлежности къ той или другой школѣ въ наукѣ уголовного права, на три группы — антропологическіе,* физическіе и соціальные. Сдѣланная проф. Листомъ попытка исключить изъ этой группы категорію физическихъ факторовъ, не имѣла успѣха. Къ нему примкнули только проф. Ашаффенбургъ въ нѣмецкой литературѣ и Х. М. Чарыховъ — въ русской. Наоборотъ, трехчленная классификація, предложенная Ферри, принятая въ болѣе раннихъ работахъ по уголовной антропологии и социологии, проведена также и въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ (напримѣръ, Андронаки, Манеса и др.).

Къ числу антропологическихъ причинъ, т.-е. тѣхъ, которыя лежатъ въ свойствахъ самой природы человѣка, какъ одного изъ представителей животнаго царства, въ его тѣлесной и психической организаціи, относятся возрастъ, полъ, раса, наслѣдственность и пр. При изслѣдованіи этихъ причинъ сторонниками антропологической и социологической школы рѣзко обнаруживаются слѣды ихъ принципиальнаго разногласія. Антропологи склонны объяснять качественныя и количественныя различія преступности лицъ того или другого возраста, пола или расы особенностями, присущими данному полу, возрасту или расѣ. Соціологи и въ этомъ случаѣ учитываютъ вліяніе соціальныхъ условій и подчеркиваютъ большое ихъ значеніе въ образованіи преступности.

Вліяніе возраста. Значеніе возраста для преступности изслѣдовано далеко не съ исчерпывающею полнотою. Впервые на этотъ вопросъ вниманіе было обращено моральными статистиками Кетле и Герри, а въ русской литературѣ Н е к л ю д о в ы мъ. Названные авторы пытались установить законъ распредѣленія преступности по возрастамъ. Такъ, Кетле рисовалъ приблизительно такую картину постепеннаго нарастанія преступности съ возрастомъ и ея уменьшенія и измѣненія вмѣстѣ съ приближеніемъ къ старости. Ребенокъ начинаетъ съ кражи въ родной семьѣ и вообще съ домашнихъ кражъ, позднѣе онъ идетъ на кражи внѣ своего дома. Въ юношѣ развивается половое влеченіе, и онъ совершаетъ плотскія преступленія. Набравшись силъ, молодой человѣкъ со-

вершаетъ преступленія, требующія физической силы — нанесеніе ранъ, убійства. Зрѣлый возрастъ съ его разсудочною дѣятельностью ведетъ къ обманамъ. Старость съ угасающимъ половымъ влеченіемъ оказывается склонною къ половымъ преступленіямъ надъ дѣтьми, не могущими оказать сопротивленія. Неклюдовъ заявилъ, что возрастъ— „космополитическая причина преступности“, что „вліяніе возрастовъ на количество преступниковъ одинаково для всѣхъ государствъ“. Наконецъ, Ломброзо доказывалъ, что ребенокъ долженъ быть преступнымъ по самой своей природѣ, такъ какъ между нимъ и дикаремъ наблюдаются черты внѣшняго и внутренняго сходства, особенно въ отношеніи сильно развитого эгоизма и вообще отсутствія нравственнаго чувства.

Если съ опредѣленными возрастными періодами необходимо связывается опредѣленное состояніе физическихъ, духовныхъ и умственныхъ силъ, то все же является ошибкою видѣть въ возрастѣ причину преступленій. Болѣе или менѣе сходное распредѣленіе преступленій по возрастамъ въ различныхъ странахъ можетъ быть наблюдаемо лишь въ томъ случаѣ, если эти страны находятся приблизительно въ однихъ и тѣхъ же культурныхъ условіяхъ. Если бы возрастъ былъ причиною преступленій, то слѣдовало бы ждать, что каждая возрастная группа будетъ давать изъ года въ годъ одно и то же число осужденныхъ, что каждый классъ или сословіе, каждая профессія одной и той же возрастной группы будутъ поставлять одинаковое число преступниковъ. Этого совершенно не наблюдается. Такъ, напримѣръ, женщины одного и того же возраста обнаруживаютъ прямо противоположныя наклонности къ дѣтоубійству и истребленію плода въ зависимости отъ того, живутъ ли онѣ въ городѣ или въ деревнѣ, принадлежатъ ли онѣ къ обеспеченному или неимущему классу: дѣтоубійство—столько же преступленіе деревни и сельскохозяйственной работницы и прислуги, сколько истребленіе плода—преступленіе города и женщинъ, стоящихъ нѣсколько выше на іерархической соціальной лѣстницѣ. Женщина, состоящая въ бракѣ, и женщина, въ немъ не состоящая, проявляютъ совершенно неодинаковую наклонность къ дѣтоубійству: первая этого преступленія почти не знаетъ, а вторая заполняетъ густые ряды осужденныхъ за него. Мѣняются не только тѣ числа осужденныхъ, которыя даются ежегодно однѣми и тѣми же возрастными группами населенія, но также и средній возрастъ осуждаемыхъ за нѣкоторыя преступленія. Такъ, напримѣръ, въ Россіи наблюдается значительное повышеніе средняго возраста политическаго преступника. Онъ былъ еще въ 1884—1890 гг. въ 52 случаяхъ изъ ста 21—30 лѣтъ, возрастъ же политическихъ преступницъ былъ еще моложе, такъ какъ 82% изъ нихъ не достигли 30 лѣтъ. Въ 1909 г. въ возрастѣ 21—30 лѣтъ было уже лишь 38% государственныхъ преступниковъ. Наоборотъ, вмѣсто прежнихъ 14% въ возрастѣ 30—40 лѣтъ ихъ стало теперь 22%.

Изъ различныхъ возрастныхъ эпохъ спеціально и болѣе подробно были обследованы въ уголовной соціологіи только двѣ — юный и старческій возрасты.

Преступность дѣтей и юнцовъ уже давно обнаруживала склонность къ значительному возрастанію въ различныхъ государствахъ. Такъ, въ Германіи число осужденныхъ за преступленія и проступки въ возрастѣ отъ 12 до 18 лѣтъ поднялось съ 30.719 въ 1882 г. до 51.315 въ 1910 г.; въ первый изъ названныхъ годовъ на 100 тысячъ юнаго населенія того же возраста приходилось 568 такихъ осужденныхъ, а въ 1910 г. — 659. Въ Австріи 11—14-лѣтніе давали въ 1881 г. 531 осужденнаго, а въ 1909 г. — 1101, а число осужденныхъ въ возрастѣ 14—20 лѣтъ превысило приведенную цифру почти въ семь разъ и достигло 7844. Въ Италіи число малолѣтнихъ осужденныхъ было въ 1890 г. — 30.108, а въ 1905 г. — 67.944.

Объясненіе дѣтской преступности особенностями дѣтской психологіи (Ломброзо отстаивалъ это воззрѣніе и на конгрессѣ учителей въ 1895 г.), подчеркиваніе преобладанія и въ нормальномъ ребенкѣ отрицательныхъ качествъ нашло себѣ нѣкоторую поддержку въ лицѣ англійскаго изслѣдователя Гавелока Эллиса. Онъ также говорилъ о лжи, хитрости, цинизмѣ, дурныхъ половыхъ привычкахъ, какъ общихъ дѣтскихъ качествахъ, которыя въ преступникѣ-ребенкѣ лишь рѣзче выражены. Относительно своего мнѣнія о нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ качествъ, будто бы присущихъ ребенку, Ломброзо находитъ себѣ больше единомышленниковъ, нежели относительно общаго своего взгляда на преступность дѣтей. Такъ, свойственность ребенку лживости устанавливается Стэнли Холломъ, Ферріани, Гюйо и др. Первый изъ названныхъ авторовъ въ своей спеціальной работѣ „О дѣтской лжи“ пытается классифицировать проявленіе лжи (патологическая, фантастическая, эгоистическая, героическая ложь и пр.) и даже думаетъ, что правдивость устанавливается лишь съ трудомъ и поздно (см. А. Ф. Чемберлена: „Дитя“. „Очерки по эволюціи человѣка“ II ч.). Ферріани соглашается съ Ломброзо и относительно лѣни преступника-ребенка и юнаго преступника. Въ нижеслѣдующей таблицѣ онъ сообщаетъ результаты своего изслѣдованія 2000 юныхъ осужденныхъ.

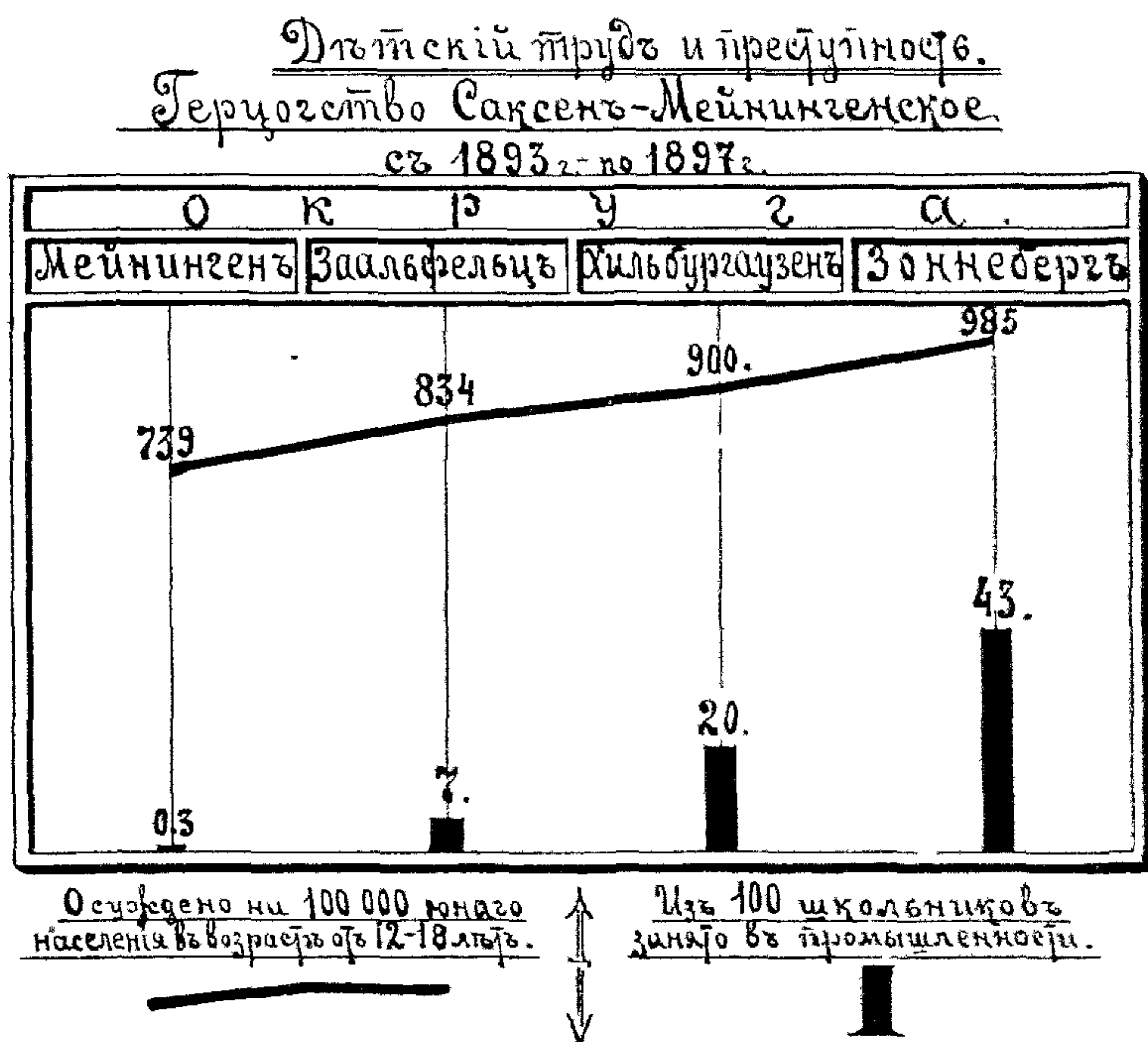
Возрастъ.	Вполнѣ лѣнивые.	Полулѣнивые.	Дѣятельные, но труда не любятъ,	Любятъ трудъ, боясь наказанія.	Работаютъ,
8—10 лѣтъ	217	100	15	3	19
10—14 „	380	175	25	12	8
14—18 „	283	75	40	20	4
18—20 „	232	195	152	44	1
	1112	545	232	79	32

Однако согласіе нѣкоторыхъ авторовъ съ Ломброзо относительно тѣхъ или другихъ, характерныхъ для юнаго преступника,

психологических особенностей, еще не знаменуетъ признанія ими правильности основныхъ воззрѣній главы уголовно-антропологической школы. Въ большинствѣ случаевъ они ищутъ причину дѣтской преступности и причины особенностей юнаго преступника въ социальныхъ условіяхъ его жизни. Такъ, въ объясненіе лживости ребенка они указываютъ, что борьба за существованіе вызываетъ ложь слабыхъ, какъ средство самозащиты. Лѣнь юнаго преступника становится вполне понятною при знакомствѣ съ такими условіями его происхожденія, которыя не могли дать ему сколько-нибудь значительнаго запаса силъ и энергіи.

Несомнѣнно, что значеніе дурной наслѣдственности, какъ фактора преступности, съ наибольшею обстоятельностью было выяснено по отношенію къ дѣтской преступности. Начатое сравнительно уже давно собираніе свѣдѣній о родителяхъ юныхъ преступниковъ устанавливаетъ значительный процентъ случаевъ дурной наслѣдственности. Дѣти алкоголиковъ, душевнобольныхъ, эпилептиковъ, сифилитиковъ поставлены въ силу такого происхожденія въ очень неблагопріятное положеніе. Ихъ коллизія съ уголовнымъ закономъ становится весьма возможною. Среди заключенныхъ Эльмирской реформаторіи было найдено за 1881—1896 гг. въ 37 случаяхъ изъ ста несомнѣнное происхожденіе отъ родителей-алкоголиковъ и въ 13 случаяхъ вѣроятное такое же происхожденіе. По сообщенію Дриля, изъ 514 заключенныхъ Невшательскаго исправительнаго заведенія у 241 родители были пьяницы, у 5 — душевнобольные, эпилептики — у 1, преступники — у 20. Во Франціи Гросмоляръ нашелъ, что въ 1898 г. изъ 734 юныхъ преступниковъ 16,4% имѣли преступныхъ родителей. Несмотря на эту значительную цифру, названный авторъ считаетъ главнѣйшимъ факторомъ дѣтской преступности социальную среду. Несомнѣнно, что условія семейной обстановки дѣтей, ставшихъ преступниками, большею частью весьма неблагопріятны. Среди юныхъ преступниковъ встрѣчается большое число сиротъ, внѣбрачно-рожденныхъ, а также вообще лишенныхъ должнаго присмотра. По вычисленіямъ Ро въ Ліонѣ только у 13% юныхъ преступниковъ семейная обстановка могла быть признана нормальною, у 41% она была неблагопріятна, у 38% дурная, а у 8% отвратительная и преступленіе было совершено дѣтьми въ участіи съ родителями или по ихъ подстрекательству. Также и въ Эльмирской реформаторіи за періодъ въ 14 лѣтъ хорошая семейная обстановка была найдена только у 7,6—11,7% осужденныхъ. Въ Москвѣ въ 1908—1909 гг. юные преступники въ возрастѣ 10—18 лѣтъ только 39,3% имѣли обоихъ родителей, 57,2% изъ нихъ имѣли только отца или мать и 3,5% были круглыя сироты. Сиротство или неимѣніе одного изъ родителей являются показателями не только неблагопріятнаго семейнаго положенія, но часто также и экономическаго. Передъ ребенкомъ, лишеннымъ возможности добывать себѣ средства къ жизни трудомъ, открывается необходимость

жить нищенствомъ или преступленіемъ. Характернымъ является, что на сто тысячъ 12—18-лѣтнихъ приходится осужденныхъ за кражи 317 чел., а на 100 тыс. взрослыхъ значительно меньше — 229 чел. (Германія), т.-е. воровство—преступленіе дѣтей въ большей степени, чѣмъ преступленіе взрослыхъ. Изнасилованіе дѣтей, порча вещей и поджогъ совершаются юными преступниками также чаще, нежели взрослыми. Преступленія противъ половой нравственности чаще совершаются подростками 14—18 лѣтъ, что объясняется Ашаффенбургомъ наступленіемъ періода половой зрѣлости. Истребленіе же и порча имущества вызываются часто, какъ это отмѣтилъ Ашаффенбургъ, чувствомъ мести подростка къ собственнику имущества. Преступленія мошенничества совершаются дѣтьми значительно

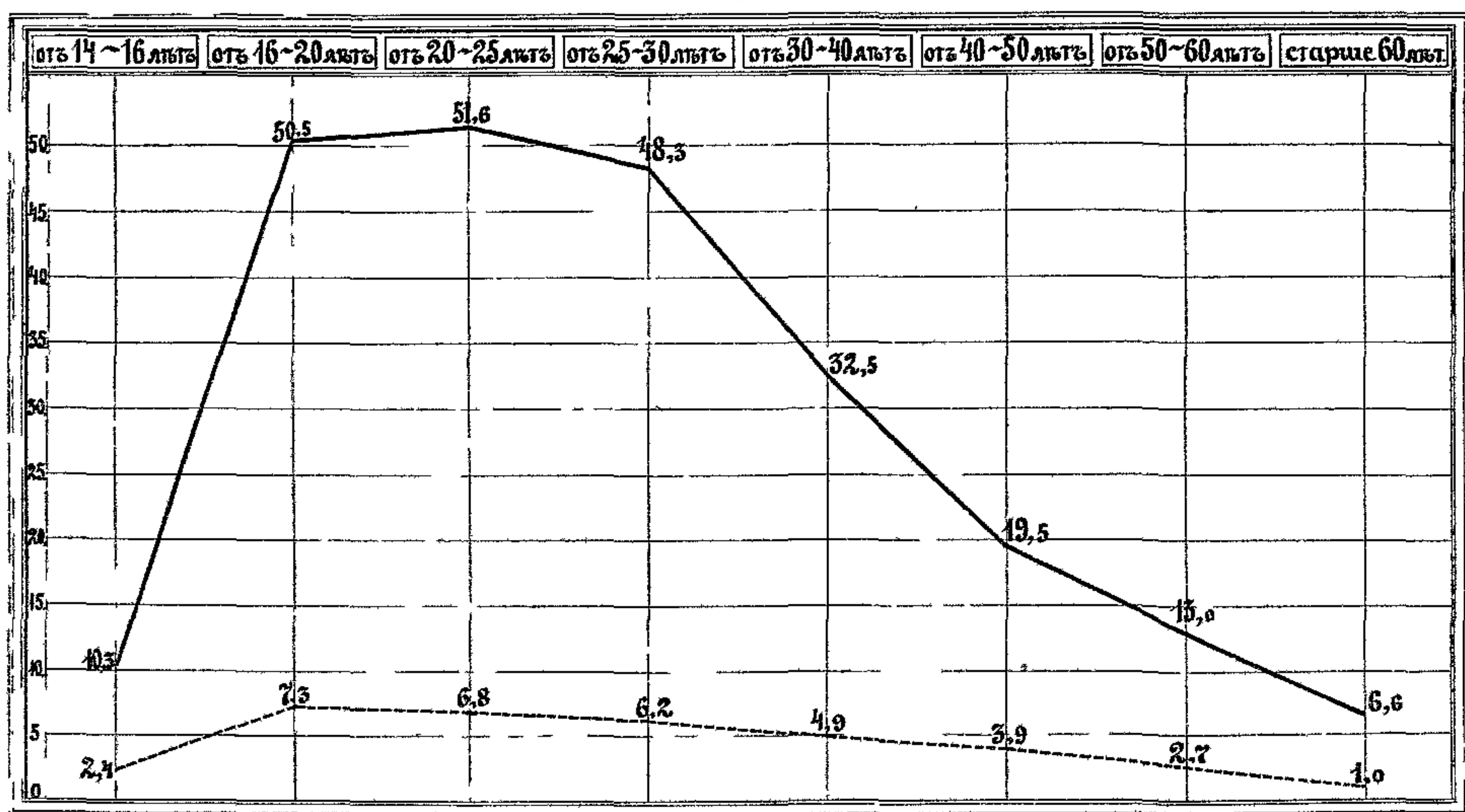

рѣже взрослыхъ. Экономическій факторъ не остается и здѣсь безъ вліянія: мошенничество, т.-е. пріобрѣтеніе чужого имущества посредствомъ обмана, предполагаетъ если не наличность нѣкотораго имущества у преступника, то нѣкоторое довѣріе къ его имущественной состоятельности. Подростокъ такъ мало внушаетъ довѣрія въ этомъ отношеніи, что мошенничество можетъ ему удаться только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Относительно преступности и занятія дѣтей въ промышленномъ трудѣ существуютъ рѣзко противоположныя мнѣнія. Проф. Листъ полагалъ, что участіе подростковъ въ промышленности скорѣе задерживаетъ ихъ преступность, нежели ее развиваетъ. Но при кризисахъ расчетъ рабочихъ съ фабрикъ начинается прежде

всего съ подростковъ. Выброшенные на улицу, они попадаютъ въ болѣе тяжелое положеніе, нежели до ихъ поступленія на фабрику. Наоборотъ, криминалисты-соціалисты Манесъ и Бонгеръ видятъ въ ненормальномъ положеніи дѣтскаго труда показатель такого тяжелаго положенія ребенка, которое должно неминуемо отразиться и на его преступности. Выброшенная нуждою слишкомъ рано на рынокъ-труда, дѣти-работники, не созрѣвшія для непосредственного участія въ борьбѣ за существованіе, пріобрѣтаютъ сознаніе своей экономической независимости, на самомъ дѣлѣ совершенно ея не имѣя, и тѣмъ легче выходятъ изъ возникающихъ въ ихъ жизни затрудненій путемъ преступленія. Вейдеманный нашель, что тамъ, гдѣ большее число дѣтей школьнаго возраста занято въ промышленности, тамъ и преступность ихъ выше (см. діаграмму на стр. 363).

Извѣстія
Распределеніе осужденныхъ
по возрасту и полу.
Мужчины ^{52,5} * ^{7,3} Женщины.

Неблагопріятное вліяніе занятія дѣтей трудомъ было отмѣчено также и въ Москвѣ Маковскимъ. Здѣсь изъ числа юныхъ обвиняемыхъ въ 1908—1909 гг. при совершеніи преступленія были заняты 27,9% ремесленнымъ трудомъ, 15,9 служили въ торговыхъ заведеніяхъ, 15,8 были безъ занятій, 8,9 торговали въ разность, 9,6 служили на фабрикахъ и заводахъ, 6,3 были чернорабочими, 3,03 нищенствовали и бродяжничали, 2,7 учились въ школахъ, 0,3 занимались проституціей, 2,7 служили прислугою и 6,7 были заняты прочими видами труда. Болѣе половины этихъ дѣтей были принуждены жить не у родителей. Жестокое или грубое обращеніе хозяевъ и мастеровъ, своеобразное обученіе, сводящееся къ постоянному

битью, развращающая обстановка мастерской съ безстыдными разговорами старшихъ и съ ихъ пьянствомъ создаютъ атмосферу, въ которой задыхается юный труженикъ, становящійся преступникомъ. Такія картины, впечатлѣнія дѣтства, по образному выраженію А. О. Кони производятъ въ волѣ человѣка, въ его характерѣ „девіацію, подобную той, которая заставляетъ стрѣлку компаса отклоняться въ сторону отъ вѣрнаго направленія. Въ самой сокровенной глубинѣ души человѣка лежатъ вынесенныя изъ дѣтства симпатіи и антипатіи; въ туманной дали воспоминаній таятся поразившія его ужасомъ или отвращеніемъ картины, уязвившіе его сердце слова или взгляды и первыя зерна горькаго житейскаго опыта, съ болью вошедшія въ безжалостно взбороненную, беззащитную ниву дѣтской души. И если въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ нѣтъ ничего свѣтлаго, теплаго, добраго, если они не даютъ мысли и чувству вырваться изъ круга порочныхъ и тягостныхъ представленій, то и отъ взрослого трудно ждать чистыхъ побужденій...”

Переходя къ распредѣленію преступности по другимъ возрастнымъ группамъ, мы встрѣчаемся съ закономъ, установленнымъ Герцемъ: „Преступность слѣдуетъ за трудоспособностью отдѣльныхъ возрастныхъ группъ“ (см. діаграмму на стр. 364). На основаніи приводимыхъ названнымъ авторомъ данныхъ представляется возможнымъ сдѣлать выводъ о склонности различныхъ возрастовъ къ совершенію различныхъ преступленій.

Движеніе преступности по возрастамъ въ общемъ совершается одинаково, но большія особенности замѣчаются при разсмотрѣніи преступности стариковъ старше 50 лѣтъ и особенно старше 60 лѣтъ. Эти возрасты платятъ почти одинаковую дань всѣмъ видамъ преступности. Выдѣляется своими размѣрами только ихъ имущественная преступность, но и она только въ два или три раза превышаетъ наименьшія цифры ихъ преступности, въ то время какъ по другимъ возрастамъ эта разность въ тринадцать разъ выше.

Вопросъ о преступности стариковъ привлекъ къ себѣ вниманіе въ иностранной литературѣ Бреслера, Цингерле и въ русской Заменгофа. Послѣдній авторъ, оперирующій съ данными русской уголовной статистики, исходитъ изъ правильнаго положенія, что каждому возрасту соотвѣтствуютъ въ данной странѣ и за данный періодъ времени особые соціальныя и съ меньшею измѣнчивостью во времени особые психо-физическіе признаки. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ выясненію преступности стариковъ (лица отъ 60 лѣтъ и старше), авторъ разсматриваетъ ихъ профессиональный составъ и опредѣляетъ, что старики преобладаютъ въ группахъ 1) сельское хозяйство, 2) жизнь на пенсію и при помощи благотворительныхъ учрежденій, 3) неопредѣленныя занятія и 4) религіозно-обрядовая служба. Второй соціальный признакъ—мѣсто проживанія стариковъ: чѣмъ больше поселеніе (городъ или селеніе), тѣмъ меньшій процентъ составляютъ въ его населеніи старики. Третья черта,

характеризующая старость,—большой процент вдовыхъ (въ десять разъ болѣе, чѣмъ у молодыхъ). Наконецъ, не должна быть опущена изъ вниманія наивысшая склонность стариковъ къ душевнымъ заболѣваніямъ (такъ, въ Шотландіи 1901—1912 г. на десять тысячъ соотвѣтствующаго возраста приходилось душевнобольныхъ старше 60 лѣтъ 26,7, по остальнымъ же возрастнымъ группамъ не болѣе 14,6). Заменгофъ нашелъ, что старики преобладаютъ въ растлѣніи, кровосмѣшеніи, отравленіи, убійствѣ съ непрямымъ умысломъ, оскорбленіи чести, религіозныхъ преступленіяхъ, противъ порядка управленія, лжесвидѣтельствѣ, противъ общественнаго спокойствія, покупокъ краденаго, истребленіи имущества. Характерно, что только по двумъ категоріямъ имущественныхъ преступленій преступность стариковъ повышена. Но это объясняется меньшимъ участіемъ стариковъ въ экономической жизни страны и въ замкнутости его въ семьѣ. Покупка краденаго и укрывательство стариками похищеннаго при значительномъ преобладаніи молодыхъ въ грабежахъ, разбояхъ, кражахъ показываютъ какъ бы пассивную роль стариковъ, ихъ подсобное значеніе какъ и въ экономической и семейной жизни вообще. Что же касается осужденныхъ за истребленіе имущества, то мотивъ мести при физической слабости стариковъ толкаетъ ихъ на это преступленіе тамъ, гдѣ молодые совершаютъ преступленія противъ личности.

Понятнымъ является особое участіе стариковъ въ совершеніи религіозныхъ преступленій. Приближеніе смерти заставляетъ все чаще задумываться о загробной жизни и, при отсутствіи религіозной свободы, съ одной стороны, и при общемъ неразвитіи, съ другой, дѣлаетъ изъ старика, помышляющаго о смерти и о Богѣ, преступника противъ того закона, который ограждаетъ опредѣленный культъ уголовными карами, для котораго до сего времени остается важнымъ: „какъ вѣруешь?“

Преступленія противъ порядка управленія, большею частью деревенскія, совершаются на почвѣ всякихъ недоразумѣній мірскихъ сходовъ стариковъ, какъ главъ дворовъ, съ сельскими властями. Въ группѣ преступленій противъ общественнаго спокойствія нищенство и бродяжничество—печальная привилегія стариковъ, легко объяснимая ихъ общимъ экономическимъ положеніемъ.

Повышенное участіе стариковъ въ кровосмѣшеніи находитъ себѣ вполне пріемлемое объясненіе послѣ выясненія, что въ городѣ оно составляетъ лишь 0,06% всѣхъ преступленій, а въ деревнѣ 0,17%. Кровосмѣшеніе въ деревнѣ, чаще всего въ формѣ такъ называемаго „снохачества“, находитъ себѣ благопріятныя условія для развитія тамъ, гдѣ сыновья уходятъ на заработки, а ихъ жены остаются въ полной зависимости при главѣ семьи—старикѣ-отцѣ.

Значительное участіе стариковъ въ растлѣніи и высокій процентъ молодыхъ среди изнасилователей показываютъ, что обезсиленнѣвшій старикъ съ его большею склонностью къ душевнымъ забо-

лѣваніямъ посягаетъ, можетъ быть патологически, на дѣвочекъ слабыхъ физически, тамъ, гдѣ молодой совершаетъ насиліе надъ взрослой.

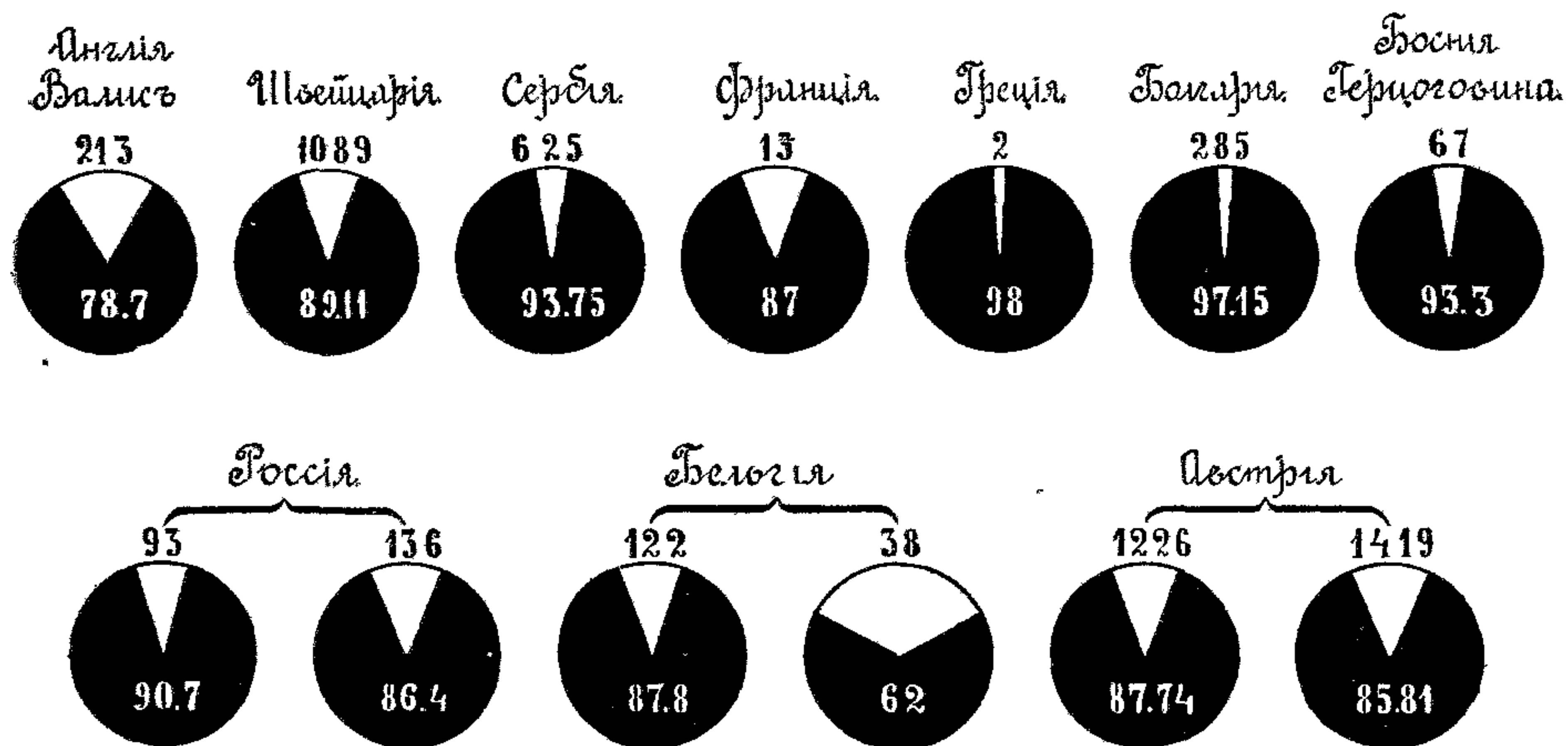
Также и въ преступленіяхъ противъ жизни старикъ чаще молодого совершаетъ отравленіе. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ женщину: оба они замкнуты въ семью, а отравленіе—преступленіе, чаще всего совершающееся въ нѣдрахъ семьи. Впрочемъ, цифры осужденныхъ за отравленіе теперь такъ незначительны, что нельзя дѣлать на основаніи ихъ твердыхъ выводовъ.

Вліяніе пола. Участіе мужчины и женщины въ совершеніи преступленій не одинаково по различнымъ государствамъ, но среди нихъ нѣтъ такого, гдѣ бы преступность женщины была выше мужской или равнялась бы ей. Такъ, въ Германіи (1907 г.) на сто осужденныхъ обоюго пола приходилось 84,6 осужденныхъ мужчинъ и всего 15,4 осужденныхъ женскаго пола. Въ Россіи 1903—1906 гг. было осуждено въ общихъ судебныхъ установленіяхъ 90,7 муж. и 9,3 жен., а въ мировыхъ установленіяхъ 86,4 муж. и 13,6 жен. Въ Бельгіи 1904—1908 гг. въ среднемъ было осуждено къ исправительнымъ наказаніямъ 87,8 муж. и 12,2 жен., а къ полицейскимъ 62 муж. и 38 жен. Это составитъ въ общемъ 74,9 муж. и 25,1 жен. Во Франціи на 100 обвиняемыхъ за проступки приходится 87 муж. и 13 жен. Еще менѣе значителенъ процентъ женской преступности въ Балканскихъ государствахъ. Такъ, въ Сербіи 1890—1905 гг. было осуждено 3,71—6,25% женщинъ; въ Греціи 1899—1902 гг. приходилось всего 2% осужденныхъ женщинъ; въ Болгаріи 1899—1906 гг. процентъ женской преступности колеблется между 2,59 и 3,91; въ Босніи и Герцеговинѣ 1893—1904 гг. онъ не превышаетъ 6,69, въ Румыніи въ 1899 г.—3,4. Въ Швейцаріи въ 1906 г. было осуждено 12,22% женщ. и 87,78% муж. Въ Австріи 1907 г. 12,26 жен. и 87,74 обвиняемыхъ въ преступленіяхъ и 14,19 жен. и 85,81 муж., обвиняемыхъ въ проступкахъ. Въ Англіи и Валлисѣ 1905 г. осуждено 78,7 муж. и 21,3 жен. Въ Италіи 1896—1900 гг. осуждается 20,7 жен. и 79,3 муж.

Приведенныя цифры и діаграмма (см. 368 стр.) показываютъ, что армія преступниковъ составляетъ въ наибольшей ея части изъ мужчинъ. При выясненіи сравнительной наклонности каждаго пола къ совершенію дѣяній, запрещенныхъ уголовными законами, надо имѣть въ виду, что распредѣленіе населенія по полу въ различныхъ государствахъ болѣе или менѣе одинаково и даетъ приблизительно одинаковое число мужчинъ и женщинъ въ каждой странѣ. Такимъ образомъ число осужденныхъ мужчинъ сравнительно съ общимъ числомъ мужскаго населенія весьма велико (напримѣръ, въ 1900 г. на сто тыс. населенія во Франціи приходилось 1611 муж. и только 179 жен., обвиняемыхъ въ исправительныхъ судахъ, въ Италіи 1168 муж. и лишь 248 женщ., осужденныхъ на сто тыс. населенія каждаго пола въ 1896—1900 г.).

Существующія школы дали различныя объясненія зависимость преступности отъ пола. Теоріи по настоящему вопросу могутъ быть сведены къ тремъ группамъ: уголовно-антропологическимъ, моралистическимъ и соціологическимъ.

Въ специальной работѣ Ломброзо, написанной имъ въ сотрудничествѣ съ Ферреро, о женщинѣ-преступницѣ и проституткѣ глава уголовно-антропологической школы исходитъ изъ утвержденія, что при связи моральныхъ наукъ съ естественными преступная женщина не можетъ быть изучена безъ предварительнаго ознакомленія съ нормальною женщиною и съ самкою животныхъ. Авторы подчеркиваютъ, что чѣмъ выше стоитъ животное на зоологической лѣстницѣ, тѣмъ самецъ больше сравнивается съ самкой и превосходитъ ее, и даже тамъ, гдѣ самка превосходитъ самца величиною и силою, она часто уступаетъ ему по совершенству строенія своего организма. Изучая анатомію и біологію женщины, Ломброзо подчеркиваетъ и здѣсь черты, приближающія ее къ организмамъ болѣе

низкаго развитія (напримѣръ, раннее созрѣваніе, меньшее количество красныхъ шариковъ въ крови, нежели у мужчины, болѣе слабое въ общемъ развитіе многихъ органовъ, меньшій вѣсъ мозга, обладаніе большимъ количествомъ дегенеративныхъ признаковъ, слабость физическихъ силъ, менѣе, чѣмъ у мужчины, развитыя ея слухъ, вкусъ, обоняніе и пр.). Въ полномъ согласіи со своими взглядами на значеніе антропологическихъ факторовъ и вообще анатомическихъ особенностей Ломброзо сдѣлалъ выводъ изъ своего изученія нормальной женщины, что она должна быть болѣе преступна, нежели мужчина. При такомъ утвержденіи становились непонятными цифры уголовной статистики, доказывавшія обратное. Ломброзо объяснилъ это очевидное противорѣчіе тѣмъ, что отрицательныя качества женщины, проявляющіяся въ ея преступности, находятъ себѣ и другой выходъ—въ проституціи. Антропологическое изученіе женщины-преступницы и таковое же женщины-проститутки

привело Ломброзо къ выводу о полномъ сходствѣ и родственности обоихъ явленій. Онъ нашелъ у нихъ слѣдующія чаще встрѣчавшіяся особенности: ненормально развитые крыловидные отростки, вдавленія въ черепномъ сводѣ, чрезмѣрно развитая нижняя челюсть, плагиоцефалія, сращеніе атланта съ затылочной костью, громадный носовой шипъ (*spina nasalis*), развитыя лобныя пазухи, сращеніе швовъ и ворміевы косточки.

Критика справедливо указывала, что уподобленіе женщинъ-преступницъ женщины, занимающейся проституціей, не можетъ быть признано правильнымъ. При сложеніи цифръ женской преступности и проституціи послѣдовательность требовала бы соотвѣтствующаго увеличенія числа осужденныхъ мужчинъ прибавкою къ нему мужчинъ, ведущихъ разгульную жизнь. Такимъ образомъ, армія преступныхъ мужчинъ все же превышала бы соотвѣтствующую армію женщинъ.

На противоположную точку зрѣнія встала моралистическая теорія. Зеландъ пытался доказать, что меньшая преступность женщины объясняется исключительно высокимъ уровнемъ ея нравственности. Авторъ утверждалъ, что даже въ такихъ возрастныхъ періодахъ, какъ дѣтскій и старческій, когда условія жизни обоихъ половъ, по его мнѣнію, одинаковы, женщина совершаетъ преступленія несравненно рѣже мужчины.

Однако въ настоящее время въ криминологіи господствуетъ третья точка зрѣнія. Она отказывается отъ поисковъ причинъ преступности женщины въ особенностяхъ ея анатомическаго строенія, но она вмѣстѣ съ тѣмъ не соглашается также и съ тѣмъ, что въ природѣ женщины заложены основанія, отталкивающія ее отъ порочнаго и преступнаго болѣе, нежели мужчину. Такъ, напримѣръ, Тардъ, отказываясь отъ такихъ обобщеній, не безъ остроумія указывалъ на статистику смертныхъ случаевъ мужчинъ и женщинъ отъ ударовъ молніи: число умершихъ такимъ образомъ женщинъ значительно менѣе мужчинъ. Было бы странно, конечно, думать, что мужчина и женщина носятъ въ самихъ себѣ различное предрасположеніе къ такой смерти. Причина этого лежитъ въ соціальныхъ условіяхъ: мужчина бываетъ внѣ дома чаще женщины, а смертельные случаи отъ молніи чаще происходятъ внѣ строеній. Соціологическая теорія женской преступности объясняетъ меньшій процентъ осужденныхъ женщинъ исключительно условіями жизни женщины. Ея жизнь менѣе кипуча и менѣе разнообразна, нежели у мужчины, не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ. Женщина остается прикованной къ семейному очагу. Она менѣе участвуетъ въ борьбѣ за существованіе. Многія сферы труда остаются для нея до сихъ поръ закрытыми. Правильность такого объясненія подтверждается разсмотрѣніемъ распределенія женской преступности по различнымъ государствамъ и въ предѣлахъ одного и того же государства. Наиболѣе низкая преступность женщины встрѣчается въ тѣхъ государ-

ствахъ, гдѣ положеніе ея особенно замкнуто (Болгарія, Сербія, Черногорія, Боснія, Герцеговина, см. діаграмму на стр. 368).

Наоборотъ, такія страны, какъ, напримѣръ, Англія и Бельгія, гдѣ женщина уже успѣла завоевать себѣ больше правъ и гдѣ она принимаетъ участіе въ разнообразныхъ сферахъ труда, даютъ повышенную женскую преступность. То же самое повторяется и въ предѣлахъ одного и того же государства. Тарновскій указываетъ, что наименьшее число обвиняемыхъ женщинъ въ Россіи приходится на губерніи Таврическую, Уфимскую, Оренбургскую, Казанскую, т.-е. на тѣ, гдѣ значителенъ процентъ мусульманскаго населенія и гдѣ женщина ведетъ особенно замкнутый образъ жизни. Наоборотъ, наивысшій процентъ приходится на уѣзды Варшавскій, Петроковскій, Калишскій, Радомскій, Кѣлецкій, т.-е. на тѣ, гдѣ положеніе женщины значительно приближается къ положенію мужчины, гдѣ она принимаетъ участіе въ торговлѣ и въ фабричной промышленности. То же самое установилъ Герцъ относительно различныхъ частей Австріи: преступность женщины здѣсь наименьшая въ областяхъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, гдѣ женщина „прикована къ дому“, и наивысшая въ восточныхъ и нижне—австрійскихъ областяхъ, гдѣ женщина занята трудомъ внѣ дома. Если отъ разсмотрѣнія женской преступности по различнымъ государствамъ и по отдѣльнымъ областямъ государствъ обратиться къ ея изслѣдованію въ предѣлахъ одной и той же области, то можно увидѣть, что и здѣсь каждый городъ даетъ тѣмъ болѣе осужденныхъ женщинъ, чѣмъ онъ значителнѣе, чѣмъ онъ болѣе втянутъ въ промышленную жизнь. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе жизнь женщины приближается по своимъ условіямъ къ жизни мужчины, тѣмъ болѣе приближается и ея преступность своими размѣрами къ мужской. Мы находимъ новое подтвержденіе этого въ фактѣ большей преступности женщины, занятой трудомъ. Герцъ установилъ, что на сто тысячъ женщинъ, занятыхъ трудомъ, въ Австріи приходилось 55,5 осужденныхъ за преступленія, а на такое же число незанятыхъ трудомъ—только 12,5, т.-е. приблизительно $\frac{1}{5}$. Другими словами, „преступность женщины, занятой трудомъ, относится къ преступности женщины, имъ не занимающейся, такъ же какъ преступность мужчины относится вообще къ преступности женщины“.

Однако слѣдуетъ отмѣтить, что Ашаффенбургъ относительно Германіи и Герцъ относительно Австріи отмѣчаютъ уменьшеніе преступности женщинъ, занятыхъ въ промышленности. Это явленіе ставится проф. Колаянни въ связь съ ростомъ среди рабочихъ социалистическихъ организацій (см. объ этомъ ниже).

Преступность женщины отличается отъ мужской преступности не только своими размѣрами, но и своимъ характеромъ. Такъ, въ 1900—1901 г. въ Австріи, по вычисленіямъ Герца, на 10.000 уголовно-зрѣлаго населенія приходилось осужденныхъ:

Австрія. 1900—1901 г. На 10.000 населенія.

Преступленія.	Муж.	Женщ.
Оскорбленіе Величества	0,33	0,03
Сопротивлен., насиліе власти	3,36	0,34
Злостное истреблен. чужого имущ.	0,88	0,03
Вымогательство	0,48	0,04
Половыея преступленія	1,67	0,03
Предумыш. убійство	0,10	0,02
Дѣтоубійство	—	0,07
Плодоистребленіе	0,02	0,07
Убійство непредумышл.	0,28	0,04
Тяжкія тѣлесн. поврежд.	6,56	0,27
Поджогъ	0,13	0,63
Кража и участіе въ ней	14,67	3,22
Нарушеніе довѣрія	0,88	0,07
Грабежъ	0,13	—
Мошенничество	3,57	0,79
Клевета	0,20	0,05

Значеніе экономического фактора сказывается и въ преступности женщинъ: за кражу и за соучастіе въ кражѣ ихъ осуждается болѣе, чѣмъ за всѣ остальные преступленія. Сходное явленіе наблюдается и въ мужской преступности. Но вліяніе пола сказывается на чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ совершенія тѣхъ преступленій противъ личности и собственности, въ которыхъ нужна нѣкоторая физическая сила (напримѣръ, грабежи, тяжкія тѣлесныя поврежденія). Мало втянутая въ политическую и общественную жизнь, женщина даетъ очень малое число осужденныхъ за политическія преступленія. Въ отношеніи половыхъ преступленій она, въ силу занимаемаго ею положенія, является по преимуществу лишь жертвою половыхъ посягательствъ и идетъ торною тропою проституціи. Въ неразрывной связи съ современнымъ состояніемъ такъ называемаго полового вопроса стоитъ совершеніе женщинами дѣтоубійства и истребленія плода. Боязнь позора внѣбрачнаго рожденія, страхъ передъ экономической нуждою, боязнь потерять мѣсто своего труда служатъ почти единственными мотивами этихъ преступленій, совершаемыхъ значительно чаще, нежели это показываетъ уголовная статистика. Значеніе замкнутости женщины въ кругъ семейныхъ обязанностей обнаруживается также и въ большомъ ея участіи въ совершеніи родственныхъ убійствъ и супругоубійства. Послѣднія раздѣляются поровну между обоими полами. Въ убійствахъ посредствомъ отравленія женщина оказывается виновною даже чаще мужчины. Въ настоящее время это преступленіе, впрочемъ, чрезвычайно рѣдкое, и даже въ такихъ государствахъ, какъ Россія, Франція, Германія, число осужденныхъ въ годъ обыкновенно не достигаетъ 10. Но ранѣе, въ древнемъ Римѣ, въ средніе вѣка и даже позднѣе вплоть до XVIII вѣка оно совершалось въ громаднѣхъ размѣрахъ, и постоянно женщинѣ принадлежало здѣсь первое мѣсто. Уменьшеніе этого преступленія объясняется тѣми мѣрами предупредительнаго харак-

тера, которыя теперь установлены повсюду относительно ограниченій права продажи и даже храненія ядовитыхъ веществъ. Большое же участіе женщины въ отравленіяхъ связывается, по всей вѣроятности, также съ условіями ея жизни: приготовленіе пищи, завѣдываніе въ домѣ хозяйствомъ должны облегчать совершеніе убійства этимъ способомъ.

Соціологическое объясненіе женской преступности, данное Колаянни, Бонгеромъ, Манесомъ, Сигеле, Тардомъ, Гранье, Риккеромъ и др., конечно, отнюдь не связывается съ требованіемъ замкнутости женщины въ кругъ семейственныхъ обязанностей, какъ средства удержать развитіе ея преступности. Проповѣдь такой борьбы съ преступностью должна была бы привести и къ требованію суженія области дѣятельности мужчины, такъ какъ и его преступность тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ разнообразнѣе его участіе въ жизни страны. Въ данномъ случаѣ болѣе могущественнымъ средствомъ оказалось бы воздѣйствіе на общія и глубокія условія преступности, независимо отъ того, мужская ли она или женская.

Вліяніе расы. Уголовно-антропологическая школа объясняетъ расовыми особенностями развитіе кровавой преступности въ Италіи и Испаніи, она же въ лицѣ своего основателя Ломброзо и Ляски настаиваетъ на наибольшей склонности долихоцефаловъ и блондиновъ къ совершенію политическихъ преступленій. Наконецъ, также наклонность и къ самоубійству, по мнѣнію Морзели, автора спеціальной работы на эту тему, различна у представителей различныхъ расъ: на первомъ мѣстѣ стоитъ по высотѣ самоубійства германская раса, на второмъ кельто-романская и на третьемъ славянская. Говоря о политической преступности, Ломброзо полагаетъ, что длинноголовые и блондины въ меньшей степени, чѣмъ брахицефалы и брюнеты, заражены мизонеизмомъ, т.-е. отвращеніемъ ихъ къ новизнѣ. Законъ мизонеизма, какъ пытается доказать Ломброзо, господствуетъ въ разнообразныхъ сферахъ жизни: въ политикѣ, наукѣ, религіи и пр. Но попыткѣ доказать господство такого закона примѣрами Тардъ противопоставилъ рядъ остроумныхъ примѣровъ противоположнаго характера, доказывающихъ съ „такимъ же успѣхомъ, что филонеизмъ—любовь къ новизнѣ—съ неменьшими основаніями можетъ претендовать на значеніе закона развитія, чѣмъ мизонеизмъ“. Антропологическая же теорія о прогрессивности долихоцефаловъ, заимствованная Ломброзо у Лапужа, была опровергнута критикой соціологовъ и въ томъ числѣ М. М. Ковалевскимъ.

Въ криминалистической литературѣ вопросъ о значеніи расовыхъ особенностей представляется спорнымъ. На ряду съ категорически утвердительнымъ отвѣтомъ Ломброзо, признающимъ, что раса накладываетъ свой отпечатокъ на преступленія противъ личности, собственности и противъ государства, встрѣчаются менѣе рѣшительные отвѣты врача Ашаффенбурга, психіатра Чижа, Ком-

панейца, а отрицательные отвѣты даются Колаянни, Анри Жоли, Вассерманомъ и др.

Выясненіе значенія расовыхъ особенностей для преступности представляетъ большія методологическія трудности. Для установленія, вліяетъ ли раса на преступность, надо имѣть не только полное совпаденіе экономическихъ, политическихъ, юридическихъ условій жизни изучаемыхъ народностей, но и одинаковый составъ ихъ по полу, возрасту, вѣроисповѣданію, профессіямъ и пр. Проф. Чиждъ полагаетъ, что въ такомъ исключительно сходномъ положеніи находятся въ Россіи двѣ народности—латыши и эстонцы. Они живутъ въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ въ предѣлахъ Лифляндской губ., почти въ одинаковомъ числѣ—42,72% латыши и 41,99% эстонцы, въ почти одинаковомъ климатѣ, безъ видимыхъ различій почвы для земледѣлія. Ихъ исторія, по словамъ автора, одинакова. Въ одно и то же время они были покорены нѣмцами, въ одно и то же время перешли въ протестантство, управлялись одними и тѣми же законами, въ 1819 г. были освобождены отъ крѣпостного права, образованіе существуетъ у нихъ на одинаковыхъ условіяхъ. Несмотря на это сходство, авторъ констатируетъ болѣе высокую преступность эстонцевъ. Они даютъ большія цифры осужденныхъ по преступленіямъ противъ личности (дѣтоубійства, убійства, легкія раны) и противъ собственности. Однако выводы автора основываются на слишкомъ небольшомъ числѣ наблюденій (263 преступленій латышей и 408 эстонцевъ). Къ тому же и самъ авторъ признаетъ нѣкоторое различіе въ занятіяхъ обѣихъ народностей, такъ какъ латышей, работающихъ на фабрикахъ, больше, чѣмъ эстонцевъ, и, кромѣ того, существуетъ предположеніе (считаемое авторомъ бездоказательнымъ), что эстонцы богаче латышей. Отсутствіе точныхъ свѣдѣній о профессіи латышей и эстонцевъ дѣлаетъ спорнымъ выводъ автора, что различіе преступности сравниваемыхъ народностей объясняется расовыми особенностями.

Такія же попытки объяснить преступность вліяніемъ расы были сдѣланы относительно жителей о. Корсики, относительно крымскихъ татаръ и повсемѣстно относительно евреевъ. Что касается преступности корсиканцевъ, будто бы особенно склонныхъ къ кровавой преступности, то Анри Жоли указывалъ на совершенно различную преступность корсиканца на о. Корсикѣ, гдѣ онъ даетъ большое число осужденій, и въ предѣлахъ французскихъ департаментовъ на континентѣ, гдѣ его преступность значительно понижается. Этотъ фактъ заставляетъ предполагать, что преступность корсиканца не можетъ быть объяснена его расою. Компанейцъ, указывающій на присущую крымскимъ татарамъ въ нѣкоторой степени дикость, на большее ихъ участіе въ тяжкихъ преступленіяхъ, подчеркиваетъ, однако, то или другое значеніе такихъ причинъ, какъ отсутствіе образованія, многоженство, меньшее потребленіе алкоголя и пр. Болѣе высокая преступность противъ жизни у крымскихъ

татаръ, можетъ быть, объясняется также тѣми условіями, на которыя указываетъ при изслѣдованіи кровавой преступности кавказскихъ горцевъ: здѣсь до сихъ поръ еще не вымеръ обычай кровавой мести. Соблюденіе его представляется горцу святою обязанностью, и угроза наказаніемъ оказывается безсильною удержать отъ кровавой мести.

Болѣе подробно изучена преступность евреевъ. Она становилась въ связь то съ ихъ вѣроисповѣданіемъ, то съ расою. Несомнѣнно, что господствующей теперь является соціологическая точка зрѣнія, развитая Листомъ, Вассерманомъ, Гуго Герцемъ, Бруно Блау и др.

Общая преступность евреевъ ниже, чѣмъ во всемъ остальномъ населеніи. Такъ, въ Германіи на сто тыс. населенія соотвѣтствующаго вѣроисповѣданія приходилось осужденныхъ за преступленія и проступки (въ 1901 г.) 1117 евангелическаго вѣроисповѣданія, 1412 католическаго и 1053 іудейскаго. Въ Австріи было осуждено (только за преступленія) на сто тыс. всего населенія 124, а евреевъ на то же число всего 99, въ Голландіи соотвѣтствующія числа были 199 евреевъ и 305 всего населенія. Наоборотъ, въ Кроаціи, Славоніи преступность евреевъ была сравнительно выше, чѣмъ во всемъ населеніи. Уже эти различія въ размѣрахъ общей преступности и еврейской преступности заставляютъ искать ихъ объясненія внѣ ихъ расовыхъ или вѣроисповѣдныхъ особенностей.

Преступность евреевъ носитъ особыя черты, рѣзко отличающія ее отъ преступности всего населенія, но эти особенности объясняются соціальными условіями жизни еврея. Такъ, на примѣръ, Тарновскимъ было установлено, что въ Россіи политическая преступность евреевъ въ шесть разъ выше ихъ общей преступности, а по различнымъ судебнымъ округамъ она превосходитъ процентъ еврейскаго населенія въ округѣ даже въ десять и болѣе разъ (см. табл., прилож. къ стр. 318).

Г. Тарновскій, приводя эти данныя, однако далекъ отъ предположенія выдвигать здѣсь значеніе расы или вѣроисповѣданія, такъ какъ на Западѣ евреи не обнаруживаютъ склонности къ политической преступности. Бруно Блау и Листъ констатируютъ, что за десять лѣтъ въ Германіи не было ни одного осужденія еврея за преступленіе государственной измѣны.

Это заставляетъ предполагать, что значительное привлеченіе евреевъ къ дознаніямъ за политическія преступленія находится въ связи съ особенностями ихъ общаго положенія въ Россіи.

Сравнительное участіе евреевъ въ совершеніи различныхъ преступленій изслѣдовалъ въ Австріи Hugo Herz. Оно было изучено другими авторами также и въ другихъ государствахъ. Такъ, Листъ опредѣляетъ, что на сто осужденныхъ христіанъ въ Германіи 1892—1901 гг. приходилось евреевъ, осужденныхъ за ростов-

щичество — 1300, злостное банкротство — 890, повторное мошенничество — 490, опасныя тѣлесныя поврежденія — 33, кровосмѣшеніе — 21, насиліе и угрозы чиновникамъ — 30, тяжкія тѣлесныя поврежденія — 16; еще меньшія цифры даютъ осужденія за убійства. Такимъ образомъ непомѣрно велика преступность еврея въ однихъ случаяхъ и удивительно низка въ другихъ: велико участіе въ мошенничествахъ, банкротствѣ, ростовщичествѣ и, наоборотъ, очень мало въ кровавой преступности, кражахъ, тѣлесныхъ поврежденіяхъ и т. п. Вассерманъ доказалъ, что эти особенности преступности еврея связаны съ его профессіей. Банкирскимъ дѣломъ евреи занимаются сиздавна въ очень большомъ числѣ. Такъ же обстоитъ и съ занятіемъ торговлею. Напримѣръ, въ Германіи среди всего населенія занимались торговлею 9,64%, а среди евреевъ 54,16%. Но преступность лицъ, занятыхъ торговлею, носитъ именно тѣ же самыя черты, которыя преобладаютъ въ преступности еврея. Линденау констатировалъ большую склонность купцовъ къ мошенничествамъ, ростовщичеству и малую склонность къ кражамъ, посягательствамъ на представителей власти, тѣлеснымъ поврежденіямъ. Такія же особенности отмѣтилъ Тарновскій относительно купцовъ въ Россіи. Среди тысячи крупныхъ купцовъ, осужденныхъ за различныя преступленія, процентъ осужденныхъ за мошенничество былъ въ десять разъ выше, нежели среди всего населенія Россіи. Связь торговли съ мошенничествомъ была подмѣчена еще въ древнемъ Римѣ, гдѣ богъ торговли Меркурій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ покровителемъ плутовъ и мошенниковъ. Это приводитъ къ выводу, что преступность еврея не есть преступность особой расы или вѣроисповѣданія, а связывается съ профессіей промышленника и торговца.

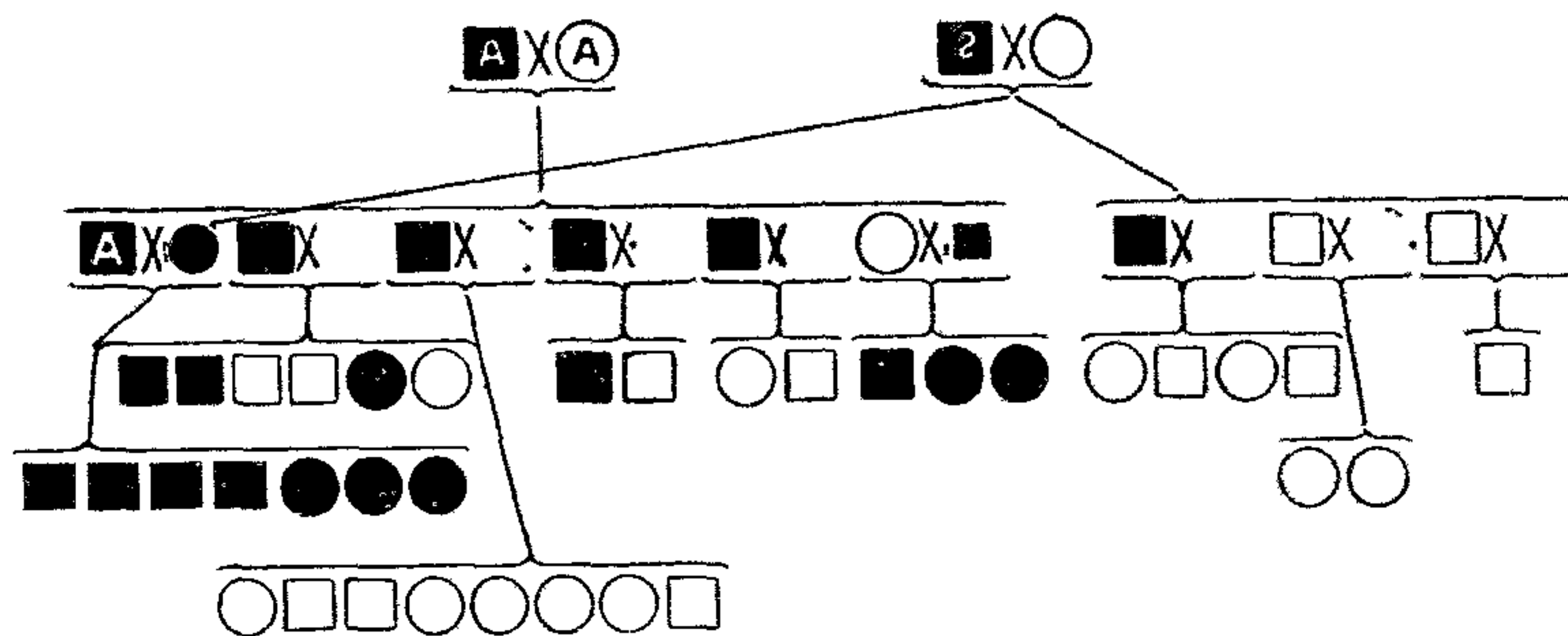
Значеніе расы было выдвинуто, какъ мы видѣли, также и при объясненіи самоубійствъ въ различныхъ государствахъ. Но Дюркгеймъ опровергаетъ эту теорію Морзелли въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи о самоубійствѣ слѣдующими соображеніями: народы одной и той же расы обнаруживаютъ совершенно различную наклонность къ самоубійствамъ. Если бы расѣ принадлежало приписываемое ей значеніе, то являлось бы необъяснимымъ различіе въ цифрахъ самоубійствъ по полу (женщины кончаютъ жизнь самоубійствомъ и покушаются на него несравненно рѣже мужчины), по возрастамъ и пр.

Наслѣдственность. Значеніе наслѣдственности въ развитіи преступности было выдвинуто сторонниками уголовно-антропологической школы на одно изъ первыхъ мѣстъ. Однако нельзя не признать, что самое понятіе наслѣдственности давалось различными изслѣдователями не всегда одинаково: въ однихъ случаяхъ шла рѣчь о душевныхъ разстройствахъ лишь родителей, въ другихъ также и родственниковъ боковыхъ линій. Одни, говоря о значеніи наслѣдственности въ развитіи преступленія, понимали подъ нею душевныя болѣзни родителей, другіе — ихъ алкоголизмъ, третьи гово-

рили о передачѣ по наслѣдству также и преступности. Произведенныя въ этомъ направленіи изслѣдованія Ломброзо, Марро, Пента, Зихарта дали весьма различные цифровые итоги, хотя авторы и согласны между собою въ признаніи преобладающаго значенія за наслѣдственностью, какъ факторомъ преступности. Такъ, Ломброзо въ XII главѣ третьяго тома своего труда о преступномъ человѣкѣ опредѣлилъ процентъ наслѣдственной передачи преступности преступниками-родителями своимъ дѣтямъ цифрою всего 9, но самъ же указывалъ, что докторъ Виргилій исчислилъ процентъ родственниковъ-преступниковъ въ 26,8%, Пента—въ 17%. Еще болѣе рѣзкое различіе мы видимъ въ итогахъ изслѣдованія Зихарта, который нашелъ, что среди 1714 преступниковъ (исключая преступниковъ противъ жизни) 43,7% имѣли преступныхъ родителей, а Марро нашелъ среди 507 преступниковъ только 4% имѣвшихъ осужденныхъ родителей.

Послѣднею по времени попыткою пролить свѣтъ на значеніе наслѣдственности въ развитіи преступности является трудъ д-ра Рата, опубликованный въ 1914 г. въ серіи „Мюнхенскихъ изслѣдованій по психологіи и философіи, издаваемой проф. Освальдомъ, Кюльпе и Бюлеромъ“. Изслѣдованіе было произведено надъ 500 заключенными каторжной тюрьмы Зигбурга-Михаельсберга. Программа индивидуальнаго обслѣдованія заключала въ себѣ 125 различныхъ вопросовъ, отвѣты на которые получались авторомъ посредствомъ изученія офиціальныхъ документовъ, разспросовъ самихъ заключенныхъ, изъ ихъ автобіографій, переписки и пр. Авторъ, имѣя въ виду изслѣдованія о наслѣдственности Менделя, статистическую работу голландскихъ изслѣдователей Геймана и Вирзма о наслѣдственной передачѣ психическихъ особенностей, полагаетъ, что преступность передается по наслѣдству. Результатъ своей работы, въ которой сообщается о значеніи для преступности наслѣдственности, въ 98 случаяхъ, Ратъ опредѣляетъ формулою: „въ комплексѣ склонностей, приведшихъ изслѣдованныхъ арестантовъ къ преступленію, основныя передаются наслѣдственно согласно закона Менделя и притомъ такъ, что нормальныя наслѣдственныя качества берутъ верхъ надъ тѣми, кои опредѣляютъ субъекта къ преступленію“, Авторъ иллюстрируетъ свой выводъ графическими изображеніями родословнаго дерева. Онъ разбилъ эти 98 случаевъ на нѣсколько группъ и въ первую изъ нихъ отнесъ 7 случаевъ, когда отецъ и мать преступника были также преступниками. Какъ у двухъ голубоглазыхъ людей рождаются дѣти только съ голубыми глазами, такъ слѣдовало бы ожидать, что у обоихъ преступныхъ родителей всѣ дѣти должны быть преступники. Ратъ полагаетъ, что полученные имъ свѣдѣнія подтверждаютъ наслѣдственную передачу преступности. Среди обслѣдованныхъ имъ случаевъ онъ нашелъ 7 семей, въ которыхъ отецъ и мать были преступниками. Въ пяти изъ нихъ, дѣйствительно, всѣ 15 сыновей оказались присужденными къ каторжной

тюрьмѣ, въ шестой семьѣ изъ 5 братьевъ было трое преступниковъ, а въ седьмой семьѣ изъ 4 братьевъ преступниками были двое. Когда Ратъ бралъ сыновей, не только имѣвшихъ обоихъ родителей-преступниковъ, но также и тѣхъ, у которыхъ былъ осужденъ отецъ, а мать лишь „вѣроятно“ имѣла наслѣдственные преступныя наклонности, то процентъ преступной наслѣдственности опредѣлялся имъ въ 87,5 (изъ 32 сыновей, было 28 осужденныхъ). Этотъ процентъ понижался до 50,5 въ случаяхъ, когда осужденнымъ оказывался лишь одинъ изъ родителей. Въ нижепомѣщаемыхъ двухъ родословныхъ квадраты изображаютъ мужчинъ, круги женщинъ, крестъ брачную пару, зачерненные круги и квадраты—преступниковъ, буква А—алкоголика, Р—психозъ (см. діаграммы А и В).

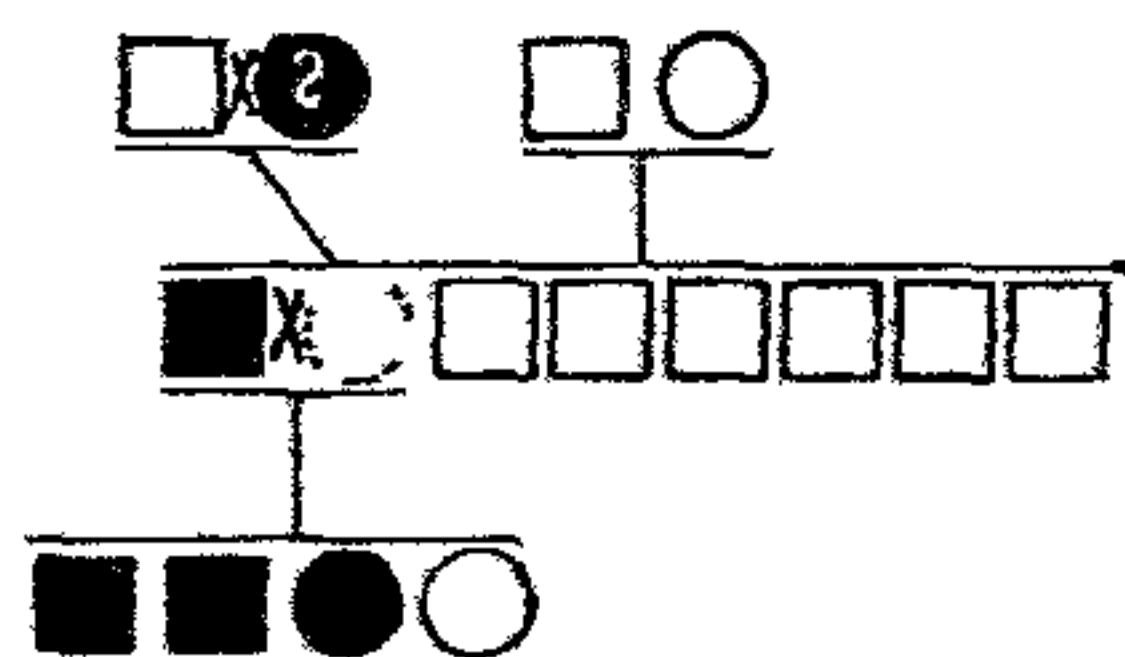
А. Вліяніе наслѣдственности на преступность.

Идя такимъ же путемъ, авторъ выясняетъ значеніе для преступности дурной наслѣдственности въ видѣ алкоголизма и психоза. Онъ суммируетъ результаты своего изслѣдованія въ таблицѣ:

У восходящихъ родственниковъ преступниковъ установлено

		Число случаевъ	%.
Не преступники	и не алког. и нѣтъ психоза	23	13,5
	но алког. или психозъ . . .	38	22,3
		61	35,8
Преступники. . .	но не алког и нѣтъ психоза	59	34,7
	и алкоголь. или психозъ . .	50	29,4
		109	64,1

Значеніе дурной наслѣдственности въ видѣ алкоголизма родителей авторъ выясняетъ сравнительнымъ изслѣдованіемъ мѣсяца зачатія преступниковъ и всего населенія. На мѣсяцы наибольшаго потребленія алкоголя—январь, февраль, апрѣль, октябрь и ноябрь—пришлось 52 зачатія среди преступниковъ, а среди всего населенія на эти же мѣсяцы только 39,9%. Отсюда Ратъ дѣлаетъ предположеніе, что вѣроятность зачатія преступниковъ родителями, находившимися въ состояніи опьянѣнія, болѣе значительна, нежели

В. Наслѣдственность и преступность.

лицами, въ такомъ состояніи не находившимися. Помимо роли алкоголизма и психическихъ болѣзней въ наслѣдственной передачѣ потомству преступныхъ наклонностей, Ломброзо и его школа выясняли такое же, по ихъ мнѣнію, значеніе чахотки, пеллагры, истеріи, хронической маляріи, престарѣлаго возраста родителей, зачавшихъ ребенка, и пр. Пагубное и роковое значеніе наслѣдственности доказывается криминалистами-антропологами статистическими обслѣдованіями и указаніями на нѣкоторыя преступныя семьи, получившія большую извѣстность какъ поставщики въ продолженіе ряда поколѣній преступниковъ для тюрьмы и эшафота, проститутокъ для домовъ разврата, всякихъ больныхъ для лѣчебницъ.

Если значеніе дурной наслѣдственности вообще и вырожденія въ частности въ области физическаго и душевнаго здоровья не вызываетъ спора, то не приходится того же сказать относительно ихъ значенія для преступности. Если бы даже не было отмѣченнаго нами разнообразія въ итогахъ статистическихъ изслѣдованій о наслѣдственности и если принять во вниманіе индивидуальныя обслѣдованія родословной различныхъ преступниковъ, то все же остается мѣсто сомнѣніямъ, что слѣдуетъ отнести на долю наслѣдственности и что должно быть объяснено вліяніемъ окружающей среды. Есть всѣ основанія предполагать, что въ семьяхъ, гдѣ оба или даже одинъ изъ родителей были преступниками, алкоголиками, развратниками, душевнобольными, воспитаніе ихъ дѣтей лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могло быть нормальнымъ. Дурные примѣры здѣсь были постоянно передъ глазами дѣтей и должны были съ раннихъ лѣтъ оставлять свои тяжелыя послѣдствія въ сердцѣ ребенка, загрязняя его душу и направляя его умъ въ превратную сторону. Чрезвычайно неблагоприятная семейная обстановка дѣтей, ставшихъ преступниками, тяжелыя экономическія условія ихъ существованія должны быть всегда учтены тамъ, гдѣ сторонники уголовно-антропологической школы говорятъ только о роли наслѣдственности.

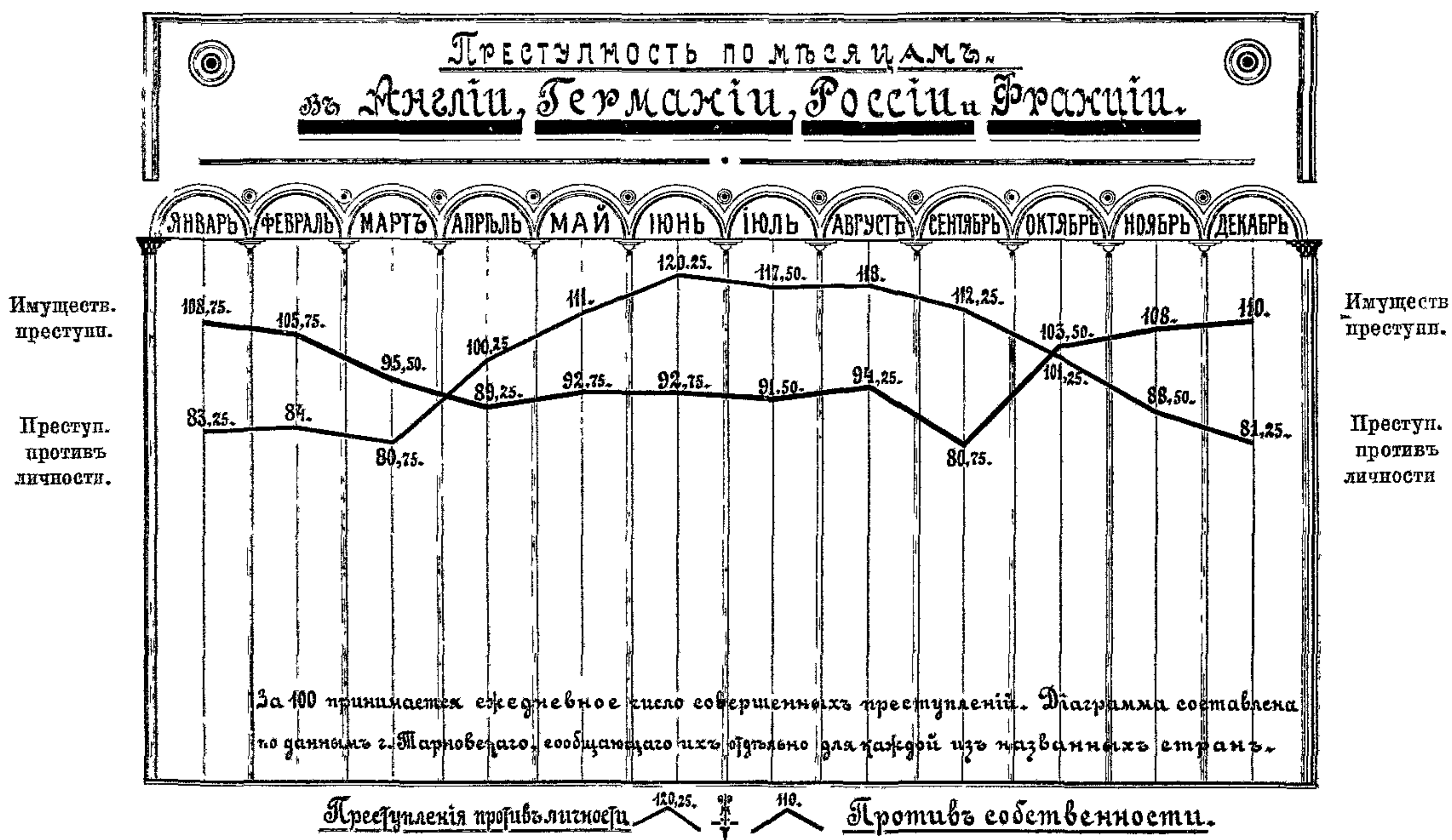
Физическіе факторы. Въ группу физическихъ факторовъ преступности входятъ различныя космическія явленія, вліяніе температуры, времени года, строенія почвы, фазы луны, т.-е. вліяніе внѣшней окружающей человѣка природы. Какъ и по вопросу о факторахъ, антропологическихъ, между представителями существующихъ въ наукѣ уголовного права школъ нѣтъ согласія о значеніи физическихъ факторовъ. По мнѣнію антропологовъ, физическія причины опредѣляютъ не только количество совершаемыхъ преступленій, но и самый характеръ преступленій. Такое же мнѣніе было высказано и относительно значенія физическихъ факторовъ въ распредѣленіи самоубійствъ по различнымъ государствамъ.

Первыя по времени ихъ появленія изслѣдованія значенія физическихъ факторовъ относятся къ первой четверти XIX вѣка, когда собраніе французскою уголовною статистикою свѣдѣній о мѣсяцѣ совершенія преступленія дало возможность Кетле и Герри устано-

вить закономерность въ распредѣленіи преступности по мѣсяцамъ. Этому вопросу еще въ 1873 г. была посвящена обширная работа проф. И. Я. Фойницкаго. Появленіе труда Ломброзо вновь выдвинуло впередъ вопросъ о значеніи для преступности температуры, а также и другихъ физическихъ факторовъ. Впрочемъ, самъ Ломброзо съ опредѣленностью, исключавшею у него и его сторонниковъ какія бы то ни было колебанія, высказался лишь о вліяніи температуры. Наоборотъ, онъ дѣлаетъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе существенныхъ оговорокъ относительно нѣкоторыхъ метеорическихъ вліяній, значенія горъ и долинъ, болотъ, свойства почвы и т. п. Такъ, онъ признаетъ, что геологическія условія имѣютъ весьма мало вліянія на политическія преступленія, а преступленія противъ личности и собственности почти одинаково распредѣляются за 54-лѣтній періодъ во Франціи въ департаментахъ съ почвою глинистою, мѣловой формаціи и пр. Онъ также отмѣтилъ, что крупные центры распространенія въ Италіи зоба и кретинизма почти нисколько не вліяютъ на количество преступленій, но можетъ быть вліяютъ на свойство преступленій. Онъ признаетъ, что не имѣетъ достаточныхъ данныхъ, чтобы судить, насколько правильно замѣчаніе начальниковъ тюремъ объ особенномъ возбужденіи арестантовъ передъ наступленіемъ грозъ и въ періодъ первой четверти луны. Говоря о вліяніи на преступность горъ, равнинъ холмистой мѣстности, онъ подчеркиваетъ, что въ Италіи оно выступаетъ менѣе рѣзко, нежели во Франціи. При этомъ большее количество нападеній въ горахъ имъ объясняется большею возможностью тамъ устраивать засады, а большее число изнасилованій въ равнинахъ—болѣе скученнымъ и многочисленнымъ населеніемъ въ большихъ городахъ, т.-е. факторами соціального порядка. Признавая, что экономическія и политическія условія послѣдняго времени совершенно ослабили и отодвинули на задній планъ метеорическія вліянія, Ломброзо полагаетъ, что термическій факторъ имѣетъ преобладающее, но не исключительное вліяніе на географическое распредѣленіе политическихъ и общеуголовныхъ преступленій. Въ своей работѣ о политической преступности онъ далъ географическую карту распредѣленія политическихъ преступленій по различнымъ государствамъ Европы въ связи съ географическою широтою и долготою. Россія должна была представлять доказательство сдерживающаго вліянія въ ней климата относительно политическихъ преступленій. Немногіе прошедшіе со времени опубликованія этого труда годы, однако, совершенно должны были измѣнить распредѣленіе красокъ различнаго обозначенія на этой картѣ. Это не мѣшаетъ автору утверждать, что чрезмѣрная теплота тропическихъ странъ является причиною неправильнаго распредѣленія богатствъ, опредѣленнаго политическаго строя, при которомъ народъ оказывается лишеннымъ политическихъ правъ. Вообще крайнія температуры оказываютъ, по мнѣнію Ломброзо, свое вліяніе на поведеніе, характеръ и преступность человѣка.

Считая жителей полярныхъ странъ замѣчательно спокойными и кроткими, Ломброзо объясняетъ это вліяніемъ холода на нервныя центры этого жителя; наоборотъ, южанинъ чувствуетъ себя пьянымъ отъ рожденія: солнце и воздухъ—для него естественный алкоголь. Этимъ авторъ объясняетъ преобладаніе въ теплые и жаркіе мѣсяцы преступленій противъ личности.

Слишкомъ неопредѣленные выводы Ломброзо о вліяніи метеорическихъ и геологическихъ условій на преступность не могли остановить на себѣ вниманія критики, тѣмъ болѣе что, какъ они ни были нерѣшительны, они находились въ очевидномъ противорѣчій съ общественной эволюціей. Какъ указывалъ Колаянни, контрастъ между непрестаннымъ движеніемъ исторіи и неподвижностью,

(Составлена по даннымъ Е. Н. Тарновскаго.)

неизмѣнностью физическихъ факторовъ такъ безспоренъ, что на немъ не приходится останавливаться; на сѣверѣ и югѣ, въ самомъ жаркомъ и самомъ холодномъ климатѣ живутъ народы и трибы высокой честности; порокъ и добродѣтель появляются и исчезаютъ при всякой географической широтѣ и долготѣ и при самыхъ различныхъ условіяхъ физической среды; воровство, убійство, нанесеніе ранъ, плотскія преступленія не являются исключительнымъ или преимущественнымъ продуктомъ какой-нибудь страны и не служатъ показателями характерной моральной флоры или фауны; импульсивность, живость страсти зависятъ не отъ физической среды, а отъ степени соціальной эволюціи.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ распредѣленіемъ преступ-

ности по мѣсяцамъ. Постоянство въ однообразномъ распредѣленіи съ одной стороны преступленій противъ личности, а съ другой противъ собственности наблюдается во всѣхъ государствахъ, собиравшихъ матеріалы о мѣсяцѣ совершенія преступленія. Изъ помѣщаемой на стр. 380 діаграммы видно, что распредѣленіе по мѣсяцамъ преступленій противъ собственности прямо обратно распредѣленію преступленій противъ личности.

Увеличеніе преступленій противъ собственности въ холодные мѣсяцы и соотвѣтствующее ихъ значительное уменьшеніе лѣтомъ и вообще въ теплые мѣсяцы находитъ себѣ объясненіе въ обостреніи экономической нужды зимою и въ уменьшеніи ея тягостей лѣтомъ. Въ холодные мѣсяцы требуются лишнія траты на освѣщеніе, отопленіе, болѣе теплую одежду. Въ этомъ отношеніи положеніе немущихъ классовъ въ наиболѣе развитыхъ, промышленныхъ странахъ и наиболѣе отсталыхъ въ экономическомъ отношеніи оказывается одинаковымъ, и максимумъ имущественныхъ преступленій одинаково выпадаетъ на декабрь, январь, ноябрь и февраль въ Англіи, Франціи, Германіи, Россіи, Сербіи, Бельгіи. Вадлеръ въ его трудѣ о преступности въ Балканскихъ государствахъ приводитъ свѣдѣнія о распредѣленіи по мѣсяцамъ специально лѣсныхъ нарушеній: нужда въ топливѣ въ холодные мѣсяцы приводитъ къ тому, что съ октября по февраль ихъ совершается двѣ трети общаго ихъ числа, между тѣмъ какъ на остальные семь мѣсяцевъ приходится только одна ихъ треть.

Изъ числа имущественныхъ преступленій конокрадство въ Россіи распредѣляется по мѣсяцамъ нѣсколько иначе, нежели вообще преступленія противъ собственности: максимумъ конокрадства выпадаетъ на май и сентябрь. Но это преступленіе идетъ особнякомъ сравнительно съ другими имущественными преступленіями также и по различнымъ годамъ: оно, на примѣръ, уменьшается въ годы неурожаевъ и увеличивается въ годы лучшаго экономического состоянія населенія. Объясненіе этому надо искать въ томъ, что оно не вызывается нуждою и обыкновенно совершается профессионалами, для которыхъ падающая въ цѣнѣ тощая лошадь голодающаго въ неурожайный годъ крестьянина не представляется достаточно соблазнительнымъ объектомъ похищенія.

Преступленія противъ личности, взятая въ ихъ совокупности, даютъ максимумъ въ лѣтніе мѣсяцы, а минимумъ въ зимніе. Еще въ 1873 г. Фойницкій установилъ, что при распредѣленіи преступленій противъ личности по четыремъ временамъ года на первомъ по высотѣ преступности мѣстѣ оказывается лѣто, на второмъ—весна, на третьемъ—осень и на послѣднемъ—зима. Въ Россіи, по изслѣдованію Тарновскаго, минимумъ преступности противъ личности выпалъ (онъ бралъ 1892—1898 гг.) сверхъ ожиданія на мартъ. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что на этотъ мѣсяцъ обыкновенно приходится большая часть великаго поста: великопостное настроеніе

должно сказываться на уменьшеніи потребленія алкоголя и поэтому особенно понижаются такіа связанная съ пьянствомъ преступленія, противъ женской чести и т. п. Аналогично объясняетъ авторъ тотъ фактъ, что во Франціи хотя всѣ зимніе мѣсяцы и отличаются меньшею преступностью противъ личности, но февраль даетъ такихъ преступленій противъ личности больше, чѣмъ какой-нибудь другой зимній мѣсяць: именно на февраль приходится празднованіе карнавала, съ его уличными шествіями, танцами на площадяхъ, широкимъ общеніемъ и съ интенсивнымъ потребленіемъ алкоголя.

Работы Лаккасаня, Ферри, Фойницкаго, Тарновскаго и др. установили существованіе календаря преступности. На основаніи ихъ изысканій представляется возможнымъ заранѣе почти безошибочно распредѣлить по двѣнадцати мѣсяцамъ отдѣльныя группы преступныхъ дѣяній, которыя будутъ совершены въ теченіе предстоящаго года. Объясненія такого календаря были даны различныя. Криминалисты-антропологи придавали рѣшающее значеніе дѣйствию температуры на человѣческой организмъ, а криминалисты социологической школы и здѣсь подчеркивали значеніе социальныхъ условій и полагали, что холодъ прибавляетъ новыя тягости къ положенію неимущаго и такимъ образомъ лишь косвенно приводитъ къ увеличенію имущественной преступности, а въ лѣтніе мѣсяцы съ ихъ интенсивнымъ общеніемъ, общественными гуляніями, наружными работами становятся болѣе возможными разнообразныя столкновенія. Подтвержденіе правильности этого утвержденія о значеніи факторовъ социального порядка можно видѣть въ томъ, что различныя преступленія изъ группы имущественныхъ преступныхъ дѣяній и изъ группы преступленій противъ личности распредѣляются по мѣсяцамъ въ различныхъ государствахъ неодинаково. Это замѣчается, между прочимъ, по отношенію даже такого преступленія, какъ изнасилованіе, которое, по указаніямъ антропологической школы, особенно сильно подчинено климатическимъ вліяніямъ. Тарновскій высказываетъ убѣжденіе, что помѣсячное распредѣленіе преступности не вездѣ и не во всѣхъ слояхъ населенія совершенно одинаково; по его мнѣнію, оно несомнѣнно подвержено значительнымъ измѣненіямъ при переходѣ изъ одной среды въ другую, въ связи съ измѣненіемъ рода занятій, мѣста жительства, степени достатка и пр. Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ въ Россіи позволили г. Тарновскому установить, что помѣсячное распредѣленіе преступленій мужчины и женщины не одинаково, что въ теплое время года относительный уровень числа женщинъ-преступницъ выше, а въ холодное—ниже числа мужчинъ-преступниковъ, т.-е. разница между максимумъ и минимумъ помѣсячной преступности женщины значительнѣе, нежели у мужчины. Авторъ объясняетъ это большею чувствительностью женщины къ переменамъ температуры, такъ какъ ея психофизическая организація болѣе впечатлительна. Но вѣрнѣе искать объясненіе въ социальныхъ условіяхъ жизни жен-

щины: ей приходится вести зимою болѣе затворническую жизнь, а лѣтомъ сталкиваться съ народомъ на полевыхъ работахъ; въ жизни женщины зимою и лѣтомъ болѣе яркое различіе, нежели въ жизни мужчины въ эти же времена года. Болѣе же рѣзкое различіе въ этой жизни приводитъ и къ болѣе рѣзкой разницѣ въ лѣтней и зимней преступности.

Такъ же какъ преступленія противъ личности, распредѣляются и самоубійства. Если разбить годъ на холодное и теплое полугодіе, то преобладающее число самоубійствъ всегда падаетъ на теплые мѣсяцы и нѣтъ ни одной страны, которая бы составляла исключеніе изъ этого правила. При распредѣленіи самоубійствъ по четыремъ временамъ года на первомъ по высотѣ мѣстѣ оказывается лѣто, на второмъ весна, на третьемъ осень и на послѣднемъ зима. Самоубійства въ Бельгіи, Даніи, Пруссіи, Австріи, Швейцаріи, Италіи, Испаніи, Франціи, Саксоніи, Баваріи, Вюртембергѣ вполнѣ подчиняются этому закону. Ферри и Морзелли объяснили это явленіе чисто механическимъ дѣйствіемъ жары на мозговыя функціи человѣка. Лѣтомъ въ человѣкѣ происходитъ накопленіе силъ, которыя ищутъ себѣ выхода и находятъ его въ преступленіяхъ противъ личности и въ самоубійствахъ. Къ тому же лѣтомъ чаще бываютъ случаи психическихъ разстройствъ, а они находятся, по утверженію названныхъ авторовъ, въ связи съ самоубійствами. Дюркгеймъ опровергаетъ эту теорію указаніемъ, что ошибочно предполагать необходимость запаса силъ для самоубійства; оно, наоборотъ, часто является результатомъ крайней подавленности. Если бы температура была причиною самоубійствъ, то число послѣднихъ измѣнялось бы параллельно съ измѣненіемъ температуры, но весною лишаютъ себя жизни чаще, чѣмъ осенью, хотя погода весною нѣсколько холоднѣе, нежели осенью (см. Дюркгеймъ, Самоубійство, стр. 113). Въ противовѣсъ антропологической теоріи Дюркгеймъ развиваетъ свою—соціологическую. Число самоубійствъ измѣняется соотвѣтственно съ долгою дня въ прямомъ отношеніи: на мѣсяцы съ большею продолжительностью дня выпадаетъ большее число самоубійствъ и наоборотъ. Это подтверждается не только распредѣленіемъ самоубійствъ по временамъ года и по мѣсяцамъ, но также и по часамъ. Бріеръ де Буасмонъ установилъ, что въ Парижѣ $\frac{3}{5}$ общаго числа самоубійствъ было совершено днемъ, а ночью лишь $\frac{1}{5}$. То же самое выяснено и по отношенію къ Пруссіи. Такимъ образомъ, по отношенію къ самоубійствамъ устанавливается тотъ же законъ, который выясненъ уголовно-соціологическою школою по отношенію къ преступленіямъ противъ личности: днемъ совершается большее число самоубійствъ, по мнѣнію Дюркгейма, потому, что день—это время наибольшаго оживленія человѣческой дѣятельности, когда скрещиваются и перекрещиваются человѣческія отношенія, когда соціальная жизнь проявляется наиболѣе интенсивно. Правильность такого объясненія подтверждается также и тѣмъ, что наибольшее

шее количество самоубійствъ въ теченіе дня совершается и въ Парижѣ утромъ и послѣ полудня, а ихъ ослабленіе выпадаетъ въ Парижѣ на 11 часовъ, а въ провинціи на 12 час. Дюркгеймъ указываетъ, что утренніе и послѣполуденные часы какъ разъ характеризуются въ Парижѣ особенною интенсивностью дѣятельности, а въ 11 ч. и 12 ч. наступаетъ время пріостановки этой дѣятельности, такъ какъ это—часы обѣда дѣловаго люда.

Соціальные факторы. Въ группу соціальныхъ факторовъ относятся тѣ, которые лежатъ въ самомъ обществѣ, въ различныхъ его институтахъ. Проф. Фойницкій въ своей специальной работѣ о факторахъ преступности называлъ соціальными причинами общественныя вліянія, лежащія въ организаціи общественнаго строя и въ отношеніи его къ личности, воздѣйствіе, оказываемое обществомъ и государствомъ на личность путемъ разнообразныхъ мѣръ и учрежденій, споспѣшествующихъ ея нормальному существованію или затрудняющихъ его. Эти факторы чрезвычайно разнообразны по своему содержанію. Сюда различными изслѣдователями относятся политическій режимъ, классовая организація, сословія, профессиональный составъ населенія, вѣроисповѣданіе, алкоголизмъ, цѣны на продукты, жилища, наказанія, образованіе, семейная обстановка и пр. Уже изъ этого краткаго перечня видно, что между нѣкоторыми факторами соціального порядка какъ будто наблюдается глубокое различіе, заставляющее сомнѣваться, правильно ли они отнесены въ группу соціальныхъ. Дѣйствительно, полного согласія между изслѣдователями о принадлежности того или другого фактора къ группѣ соціальныхъ или къ какой-либо другой не имѣется. Въ своей работѣ о преступности во Франціи Ферри, на примѣръ, относилъ образованіе, воспитаніе, профессию къ группѣ антропологическихъ. Сомнѣнія возникали также относительно того, куда долженъ быть отнесенъ алкоголизмъ. Наконецъ, разнообразіе соціальныхъ факторовъ вызвало попытки дальнѣйшаго ихъ классифицированія. Такъ, на примѣръ, Массене подраздѣлялъ ихъ на четыре группы: 1) факторы интеллектуального порядка, 2) эстетическаго, 3) моральнаго и 4) промышленнаго. Ванъ-Канъ выдѣлялъ особо группу экономическихъ факторовъ, относящихся въ жизни общества и косвенно индивида къ матеріальному благосостоянію, а Колаянни подраздѣлялъ ихъ на экономическіе факторы прямого и непрямого, т.-е. посредственнаго воздѣйствія. Съ наибольшою подробностью на классификаціи соціальныхъ причинъ остановился Андонаки, давшій слѣдующую ихъ схему:

Среда физико-соці- альная.	{	Жизнь въ городѣ и въ деревнѣ.
		Плотность населенія. Питаніе. Нищета. Проституція.
		Сельскохозяйственная промышленность.
		Распространеніе образованія. Профилактика и гигиена.
		Пути сообщенія и средства перевозки.
Среда семейная.	{	Семейный строй (моногамія, полиандрія, полигамія).
		Общественное положеніе и занятіе семьи.
		Воспитаніе.

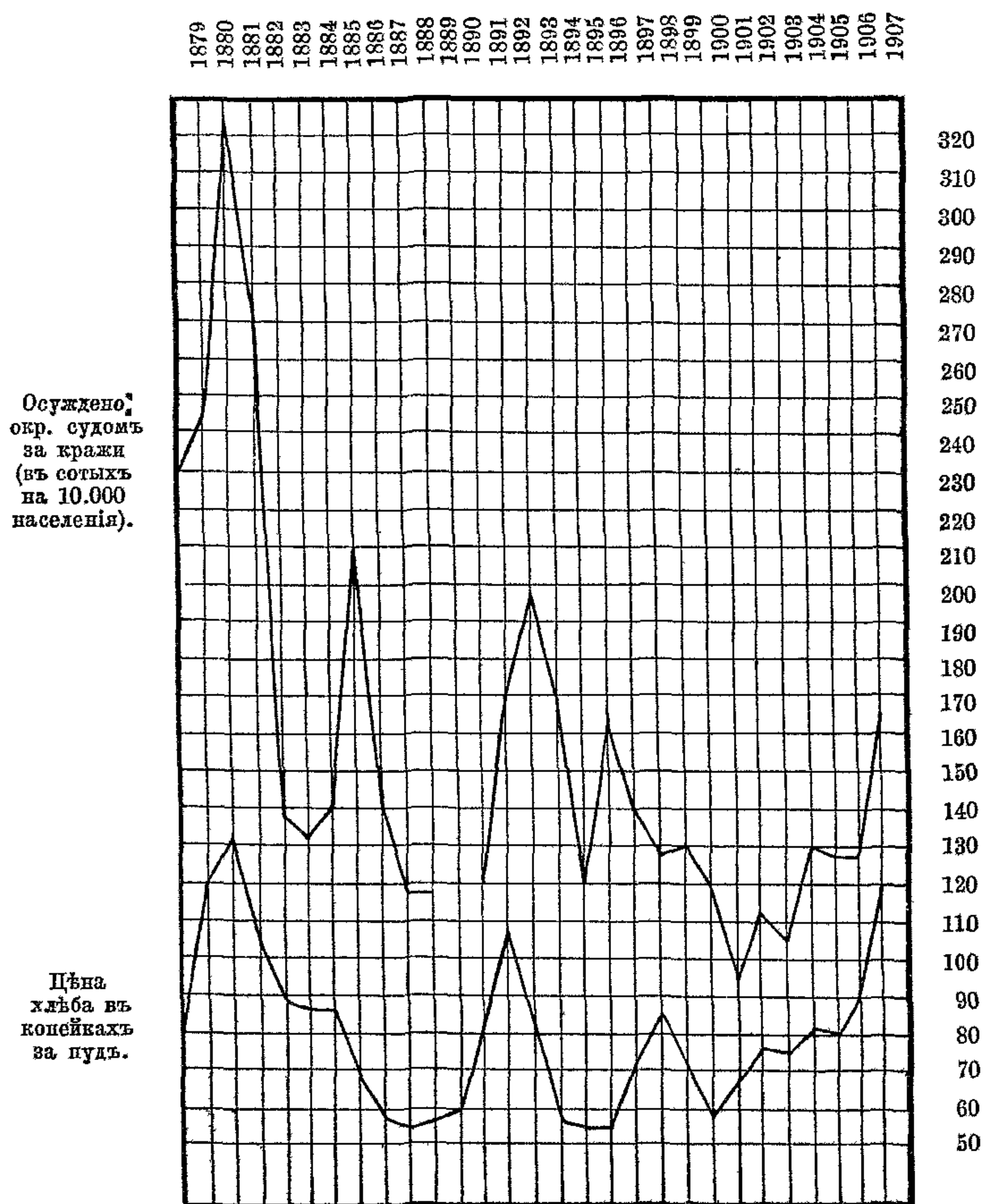
Среда экономическая.	{	Земельная собственность.
		Промышленное производство.
		Заработная плата и рабочий день.
		Стоимость квартиры и предмет. первой необходимости.
		Подати и налоги. Банковский кредитъ.
Среда политическая.	{	Политическій строй.
		Административный строй.
		Общественное мнѣніе.
		Политическія партіи.
		Печать.
		Законы (уголовные, гражданскіе, коммерческіе, избирательные).
		Право ассоціацій. Историческія вліянія. Цивилизація.

Относительно всѣхъ мелкихъ классификацій социальныхъ причинъ могутъ быть сдѣланы тѣ или другія возраженія. Такъ, въ детальной классификаціи Андронаки непонятнымъ и неправильнымъ является отнесеніе нищеты не въ группу экономическихъ факторовъ, а физико-социальныхъ. Точно такъ же право ассоціацій есть лишь одно изъ правъ, предоставляемыхъ законами, между тѣмъ оно выдѣлено изъ спеціальной подгруппы—„законы“. Мелкія классификаціи социальныхъ факторовъ, вызывающія сомнѣнія въ ихъ правильности, встрѣчаются, впрочемъ, лишь у очень немногихъ социологовъ. Значительное же большинство ихъ примыкаетъ къ трехчленной классификаціи (физическіе, антропологическіе и социальные) и не считаетъ нужнымъ создавать какія-либо новыя подгруппы.

Вліяніе частной собственности. Прямая зависимость между бѣдностью и преступностью была подмѣчена задолго до возникновенія науки уголовного права. Отдѣльныя болѣе или менѣе отрывочныя указанія на это встрѣчаются у многихъ древнѣйшихъ писателей языческаго міра, а также у писателей первыхъ вѣковъ христіанства. Въ началѣ XVI вѣка мы уже встрѣчаемся съ глубокими взглядами Томаса Мора, а въ XVII столѣтіи Томаса Компанеллы о прямой зависимости между институтомъ частной собственности и преступленіемъ. Эти и другіе сторонники утопическаго социализма не сомнѣвались, что преступленіе въ значительной части порождается бѣдностью. Уголовно-антропологическая школа особенно въ лицѣ Гарофало пыталась, но совершенно безуспѣшно, ослабить значеніе экономическаго фактора. Въ настоящее время уголовная этиологія имѣетъ рядъ отдѣльныхъ работъ о вліяніи на преступность бѣдности въ различныхъ странахъ, какъ земледѣльческихъ, такъ и фабричныхъ. Авторы изслѣдованій воспользовались въ своихъ изысканіяхъ различными методами. Въ однихъ случаяхъ погодныя цифры преступности сравнивались съ цѣнами на хлѣбъ, въ другихъ случаяхъ изучалось движеніе преступности въ годы урожаявъ и неурожаявъ, въ третьихъ—движеніе преступности сравнивалось съ движеніемъ не только хлѣбныхъ цѣнъ, но суммы большаго количества предметовъ первой необходимости. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что

въ то время, какъ вліяніе бѣдности изучено весьма полно, вопросъ объ изученіи вліянія богатства на преступность находится въ иномъ положеніи. Между тѣмъ богатство и бѣдность являются въ одинаковой степени полюсами одного и того же института частной собственности. Нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы лишь въ самое послѣднее время.

Хлѣбныя цѣны, урожаи и преступность въ Россіи были изслѣдованы за послѣдніе годы нѣсколькими авторами. Они со-

Кражи и цѣна хлѣба въ Калужской губ. 1879—1907 гг.

гласно пришли къ признанію за хлѣбными цѣнами и урожаями значенія факторовъ имущественной преступности. Такой выводъ былъ сдѣланъ и относительно отдѣльныхъ земледѣльческихъ и фабричныхъ губерній и относительно обширнаго пространства 33 губерній съ 67-милліоннымъ населеніемъ. Такъ, Модеровъ выяснилъ прямую зависимость преступности отъ интересующаго насъ экономического фактора въ Калужской губ. Громадное большинство населенія Калужской губерніи (около 90%) занимается земледѣліемъ. Такъ какъ почва мало плодородна, то даже въ урожайные годы

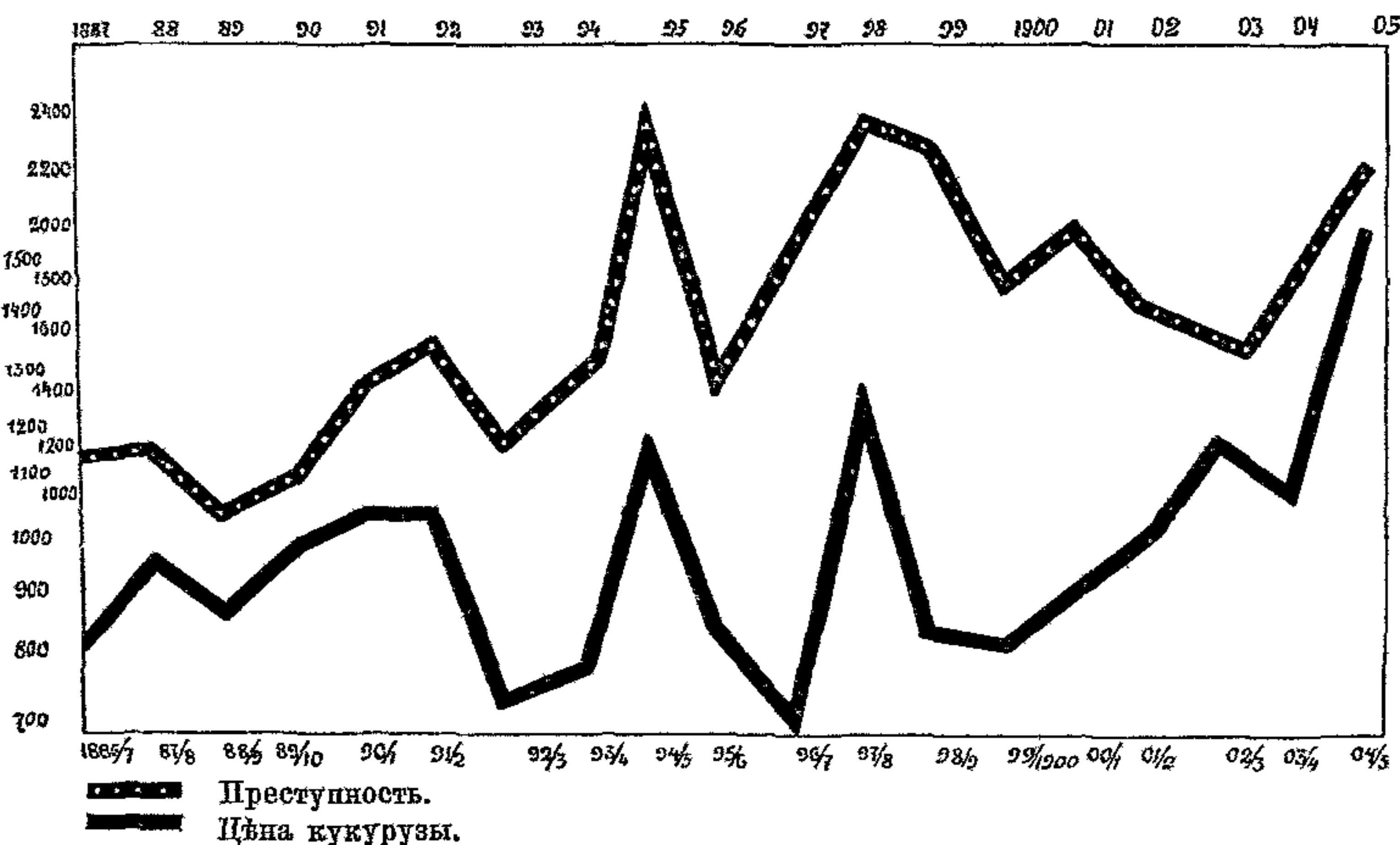
зерно доставляется сюда изъ другихъ губерній. Работой на фабрикахъ и заводахъ здѣсь занятъ очень небольшой процентъ—всего $1\frac{1}{2}\%$. За 29 лѣтъ (1879—1907) на голову населенія приходилось 14 пуд., включая сюда и картофель въ переводѣ на рожь. Такимъ образомъ на каждого ѣдока не хватало въ годъ, по формулѣ Марреса, 4 пудовъ, не считая зерна, необходимаго для посѣва. Дополнительные средства для существованія приходится добывать отхожими заработками (15% населенія) или кустарнымъ ремесломъ (3%). Калужская губ. принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ хлѣбъ составляетъ почти единственное средство питанія: здѣсь въ крестьянскомъ бюджетѣ стоимость зерновыхъ продуктовъ поглощала $59,9\%$ всего бюджета, мясо и сало— $20,3\%$, чай и сахаръ— $8,3$, овощи— $4,4$, масло постное— $3,6$, селедка— $2,4$ и соль $1,1\%$. Изъ зерновыхъ же продуктовъ $72,6\%$ приходилось на ржаную муку. Вышепомѣщенная діаграмма (см. стр. 386) показываетъ полную зависимость между цѣнами на хлѣбъ и числами осужденныхъ окружнымъ судомъ за кражи. Годы подъема цѣнъ 1881, 1892—93, 1907, такъ же какъ и паденія цѣнъ—1883, 1888—1894—1895, 1900—01 всегда сопровождались соотвѣтствующимъ измѣненіемъ въ томъ же или въ слѣдующемъ году кривой преступности. Непонятное повышение преступности въ 1886 г. при паденіи цѣнъ объясняется неурожаемъ 1885 г.: это былъ самый неурожайный годъ за десятилѣтіе 1879—1888 г.; недостатокъ хлѣба на ѣдока достигъ въ 1885 г. очень высокой цифры. Тяжелые неурожайные годы 1905—1906 г. съ высокими хлѣбными цѣнами рѣзко подняли преступность. По Калужской губ. числа осужденныхъ за кражи, за исключеніемъ одного не вполне выясненнаго года 1897—1898, параллельны съ цѣнами на хлѣбъ и нуждою населенія въ собственномъ хлѣбѣ, но вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ парализуется рѣзкими и болѣе продолжительными измѣненіями урожайности. Грабежи и разбои подчинены этому же закону: изъ 20 лѣтъ только по 3 годамъ не было соотвѣтствія между числами осужденныхъ за кражу, съ одной стороны, и за грабежъ и разбой—съ другой. Несомнѣнно установлена зависимость между рассматриваемыми факторами и числами осужденныхъ городскими судьями, земскими начальниками и уѣзд. член. окр. суда за преступленія противъ собственности (XII гл. Уст. о Нак.).

Значеніе хорошихъ мѣстныхъ урожаевъ было установлено даже и относительно такихъ губер. съ большимъ $\%$ фабричнаго населенія, какъ Петроградская (Тарновскій) и Московская (Траининъ). Въ голодный 1891 г. преступность въ Петроградской губ. была только средняя благодаря высокому мѣстному урожаю. Такъ, въ голодные для многихъ мѣстъ Россіи 1890 и 1892 годы въ Московской губ. при урожаѣ не ниже средняго, а мѣстами даже выше, преступность не повысилась соотвѣтственно.

Кромѣ того, по Московской губ. наблюдается совпаденіе годовъ неурожаевъ, болѣе высокой смертности и повышенной преступно-

сти. Въ Нижегородской губер. (Гуревичъ) также было установлено прямое соотношеніе между хлѣбными цѣнами и преступностью противъ собственности.

Наконецъ, г. Тарновскій нашелъ, что кражи и насильственные похищенія какъ во всѣхъ взятыхъ имъ 33 губерніяхъ, такъ и въ отдѣльных ихъ районахъ находятся въ прямой зависимости отъ хлѣбныхъ цѣнъ. Такъ, въ 1880—81 г. хлѣбъ сильно вздорожалъ и число возникшихъ дѣлъ о кражахъ и насильственныхъ похищеніяхъ поднялось на 20% выше средняго. Вмѣстѣ съ паденіемъ цѣнъ на рожь въ 1885—90 г. падала и преступность; на 1888 г. падаетъ наименьшая преступность и одна изъ наиболѣе дешевыхъ цѣнъ хлѣба; такая же преступность выпадаетъ на дешевый 1889 г., хотя въ 1890 г. число возникшихъ дѣлъ возросло, несмотря на удешевленіе хлѣба. Высшаго развитія преступность достигла въ голодные 1891 и 1892 гг.; она держалась на высокомъ уровнѣ въ 1893 и

Сербія. Преступность. Цѣна на кукурузу. 1887—1905 гг.

1894 гг. при очень низкихъ хлѣбныхъ цѣнахъ. Этотъ фактъ продолжительнаго вліянія неурожаяевъ на преступность объясняется, съ одной стороны, глубокимъ экономическимъ разстройствомъ крестьянина, отъ послѣдствій котораго онъ не можетъ избавиться сразу, даже и при урожаѣ послѣ голоднаго года, а съ другой—особенностями уголовного судопроизводства въ окружныхъ судахъ, гдѣ разборъ дѣлъ далеко не всегда завершается въ годъ содѣянія преступления.

Въ Сербіи цѣна на кукурузу и преступленія противъ собственности измѣняются, какъ это доказалъ Вадлеръ, также параллельно (см. діаграмму на этой стр.).

Во Франціи цѣна муки и преступность въ періодъ 1840—1886 гг., по изысканію Лафарга, измѣнялись также параллельно. Названный авторъ въ своей работѣ, напечатанной еще въ 1890 г., впрочемъ, обращалъ вниманіе не только на хлѣбныя цѣны, но и

вообще на экономическое положение Франціи и особенно много мѣста удѣлили разсмотрѣнію банкротствъ.

Въ Бельгіи политико-экономъ Гекторъ Дени въ докладѣ одному изъ уголовно-антропологическихъ конгрессовъ высказался въ томъ смыслѣ, что съ развитіемъ промышленности цѣна на хлѣбъ теряетъ свое значеніе фактора преступности. Изъ періода въ 50 лѣтъ (съ 1840—1890 г.) вліяніе неурожаевъ ржи, пшеницы и картофеля въ 1846—47 гг. было увеличено введеніемъ машинъ въ льняной промышленности и преступность достигла особой высоты. Авторъ беретъ цѣну 24 продуктовъ вывоза и сравниваетъ ее съ общею преступностью. Въ методѣ Дени ошибкою было невѣдѣніе особо имущественной преступности. Авторъ далекъ, однако, отъ отрицанія зависимости между экономическимъ факторомъ и преступностью. Напротивъ, онъ признаетъ вполне вѣрными слова своего предшественника и соотечественника, что само общество вкладываетъ оружіе въ руки преступника.

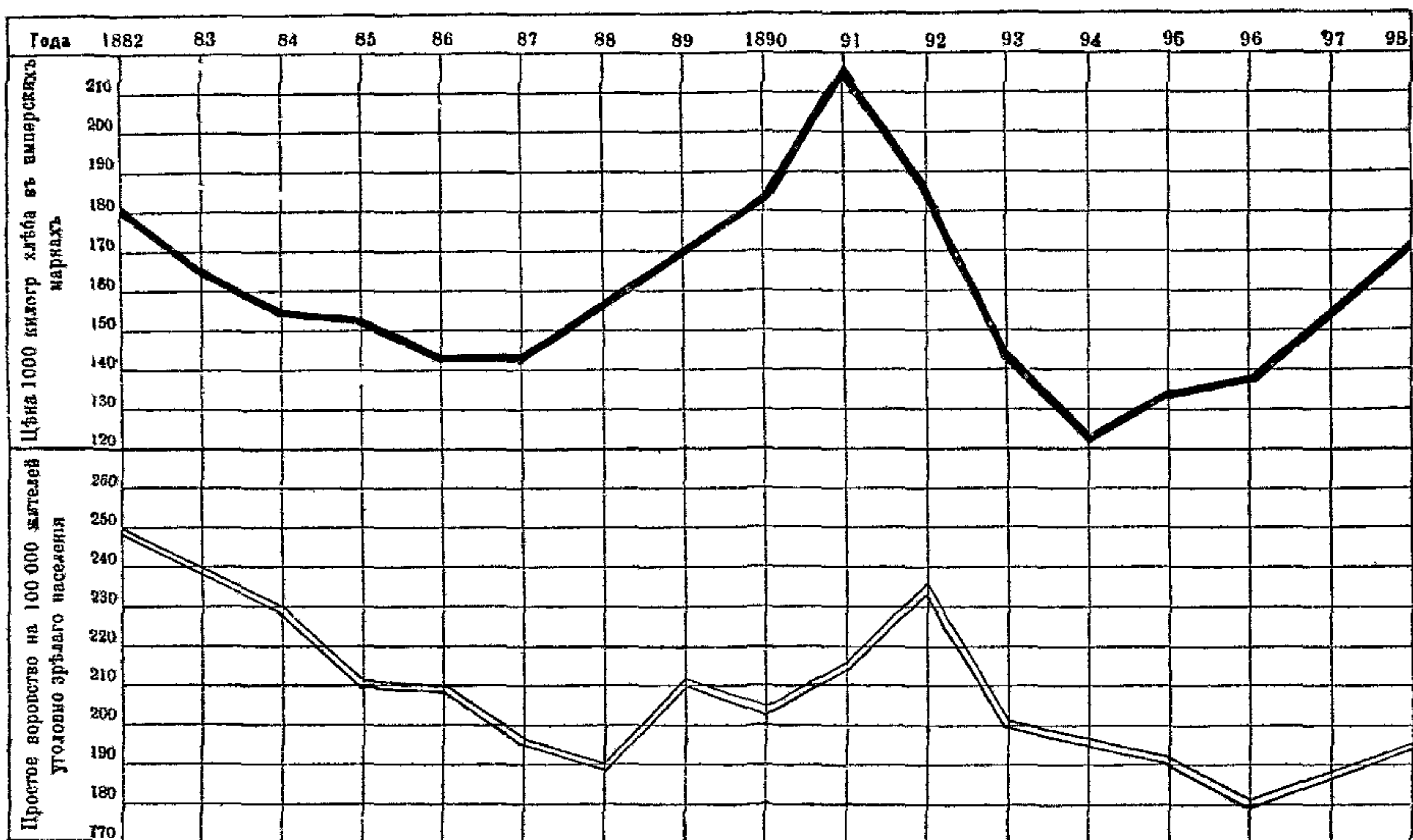
Въ Италіи Форназари ди Верче прибѣгъ къ новому методу для выясненія роли экономического фактора. Онъ сравнилъ преступность страны и движеніе отдѣльныхъ преступленій съ заработной платою, выраженною въ числѣ часовъ, необходимыхъ для оплаты стоимости опредѣленнаго количества хлѣба. Авторъ пришелъ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ преступленій за періодъ въ 18 лѣтъ 1873—1890 гг. къ такимъ выводамъ: подъ сильнымъ вліяніемъ экономическихъ факторовъ находятся кражи и вообще мелкія преступленія противъ собственности, обманы, присвоенія; вліяніе этихъ же факторовъ авторъ называетъ посредственнымъ или достаточнымъ въ отношеніи преступленій противъ семьи и мелкихъ преступленій противъ личности; онъ называетъ малымъ ихъ вліяніе на преступленіе противъ общественнаго спокойствія и управленія (кроме возмущеній); наконецъ, онъ отрицаетъ ихъ вліяніе на религіозныя преступленія, лжесвидѣтельство и нѣк. др.

Въ Германіи вопросъ о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ подвергся подробному обсужденію. Выборъ хлѣбныхъ цѣнъ, какъ критерія экономического положенія, первоначально не возбуждалъ здѣсь никакихъ сомнѣній. Такъ, Георгъ Майеръ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ статистиковъ Германіи, точно вычислилъ, что въ періодъ 1835—1861 гг. въ Баваріи по одной сторонѣ Рейна вздорожаніе хлѣба на 6 пфенниговъ вызывало лишнюю кражу на каждыя 100 тыс. населенія, а уменьшеніе цѣны на эту же цифру вызывало соотвѣтствующее уменьшеніе кражъ. Въ 1899 г. Мюллеръ, признавая, что экономическое состояніе опредѣляетъ преступность, доказывалъ, какъ и Дени, что цѣна на хлѣбъ перестала быть показателемъ экономического положенія. Противъ этого возражали Ашаффенбургъ и Бергъ, авторъ спеціального изслѣдованія о зависимости между хлѣбными цѣнами и преступностью въ Германіи (опубликовано въ 1902 г.). Помѣщаемая ниже діаграмма Берга ясно показы-

ваетъ, что простыя кражи продолжаютъ находиться въ зависимости отъ хлѣбныхъ цѣнъ (см. діаграмму на этой стр.).

Кромѣ приведенной діаграммы, Бергъ даетъ еще 13, въ которыхъ выясняетъ движеніе мошенничества, банкротства, разбоя, преступленій противъ личности и др. Относительно каждаго преступленія онъ разсматриваетъ вопросъ о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ отдѣльно и приходитъ не къ одинаковымъ выводамъ. Онъ устанавливаетъ ошибочность утвержденія, что преступленія противъ личности находятся въ обратномъ соотношеніи съ хлѣбными цѣнами: между этими явленіями никакого соотношенія, прямого ли или обратнаго, не существуетъ. Относительно мошенничества Бергъ и Ашаффенбургъ сходятся во мнѣніи, что болѣе оживленный торговый оборотъ способствуетъ совершенію этого преступленія, вызываемаго чаще не

Германія.

Воровство и цѣна хлѣба въ Германіи.

тягостями нужды, но алчностью. Но съ точностью это обстоятельство еще не выяснено.

Въ другихъ странахъ было также выяснено значеніе экономическихъ факторовъ. Таковы изслѣдованія Туганъ-Барановскаго относительно Англіи, Мейера—относительно кантона Цюриха и др.

Профессія и преступность. Въ обширной соціологической литературѣ мы, къ сожалѣнію, почти не находимъ работъ, посвященныхъ вопросу о вліяніи на преступность профессіи. Въ изслѣдованіяхъ Тарда, Ферри, Жоли и въ другихъ извѣстныхъ трудахъ уголовно-соціологической школы вліяніе профессіи на преступность выяснено менѣе, чѣмъ вліяніе многихъ другихъ факторовъ. Объясненіе этому надо искать, съ одной стороны, въ недостаточности матеріаловъ общей профессиональной статистики, а съ другой

стороны, въ несогласованности съ нею уголовно-цифрового матеріала. Ліонскій врачъ Кутанъ дважды выступалъ на второмъ и третьемъ уголовно-антропологическихъ конгрессахъ съ докладами на тему о вліяніи профессіи на преступность, но оба раза ограничился указаніями методологическаго характера. Только работы Вассермана, Линденау, Тарновскаго и отчасти Манеса и Герца ставили себѣ прямою или косвенною задачею выясненіе роли различныхъ профессій, какъ фактора преступности. Названные авторы разсматривали преступность лицъ, занятыхъ тою или другою профессіей, чрезвычайно детально и въ результатѣ давали цѣлую галерею иногда удивительно родственно схожихъ между собою портретовъ преступниковъ среди землевладѣльцевъ, капиталистовъ, адвокатовъ, духовенства, купцовъ, чиновниковъ и пр. Иначе разсматривалъ вліяніе профессіи Тарновскій, указывавшій на особенности преступности въ предѣлахъ каждой отдѣльной профессіи лицъ, занимающихъ въ ней самостоятельное и подчиненное положеніе. Еще болѣе общую и широкую картину преступности въ связи съ профессіей можетъ дать такое разсмотрѣніе имѣющихся матеріаловъ, которое ставитъ своею задачею дать лишь два криминалистическихъ облика, т.-е. выяснить преступность различныхъ профессій, во-первыхъ, имущаго и, во-вторыхъ, неимущаго класса. Такъ какъ во Франціи, Италіи, Германіи, Австріи и Россіи составъ и понятіе имущаго и экономически необезпеченнаго класса схожи между собою въ ихъ наиболѣе существенныхъ по преступности чертахъ, то представляется возможнымъ брать въ одинаковой мѣрѣ изъ отчетовъ о движеніи преступности во всѣхъ названныхъ государствахъ.

Преступность въ связи съ профессіей можетъ быть разсматриваема съ двухъ точекъ зрѣнія: изслѣдователь можетъ ставить себѣ задачею выясненіе количественной и качественной стороны преступности, т.-е., во-первыхъ, опредѣленіе, какія профессіи являются главными поставщиками преступности на скамью подсудимыхъ, и, во-вторыхъ, какія черты характеризуютъ преступность лицъ различныхъ профессій.

Что касается доли участія лицъ обезпеченныхъ и необезпеченныхъ профессій въ общей преступности страны, то теоріи бар. Гарофало, Жоли и Ростана, отвергающихъ вліяніе бѣдности и утверждающихъ, что преступность бѣдныхъ не выше преступности богатыхъ, находятъ себѣ опроверженіе, слишкомъ очевидное, чтобы на немъ представлялась необходимость останавливаться. Лица обезпеченныхъ профессій даютъ осужденныхъ во много разъ меньше, нежели неимущія профессіи. Такъ, въ Австріи было осуждено на 10.000 домовладѣльцевъ и капиталистовъ менѣе четырехъ человекъ, а на такое же число поденщиковъ—180 чел. Мы уже знаемъ, что современная преступность слагается главнымъ образомъ изъ имущественныхъ преступленій. Во то время, когда на сто тыс. рабочихъ было осуждено

за простыя кражи 780 чел., капиталисты и живущіе пенсіей давали на то же число только 45 осужденныхъ.

Если неимущіе классы, внѣ всякаго сомнѣнія, участвуютъ наиболѣе интенсивно въ общей преступности страны, то каково участіе интересующихъ насъ группъ въ совершеніи отдѣльныхъ преступленій? Обратимся прежде всего къ двумъ полюсамъ современной преступности: во-первыхъ, къ половымъ, во-вторыхъ, къ религіознымъ преступленіямъ. Въ однихъ всплываютъ наружу грязь и нечисть. Въ другихъ обнаруживаются исканія божественной правды и высокія стремленія къ самоочищенію.

Дѣянія, обнимаемыя именемъ половыхъ преступленій, принадлежатъ къ такимъ, опасность привлеченія къ суду за которыя далеко не одинакова для имущихъ и несостоятельныхъ слоевъ населенія: къ услугамъ состоятельнаго организованъ рядъ тайныхъ притоновъ даже самаго грубаго, противоестественнаго и уголовно наказуемаго разврата. Несмотря на это, уголовная статистика рисуетъ грязь половой жизни состоятельнаго класса. Въ Германіи, напримѣръ, по вычисленіямъ Линденау, половыя преступленія занимаютъ въ преступности чиновниковъ и лицъ либеральныхъ профессій первое мѣсто, а у рабочихъ и поденщиковъ—седьмое. Въ Австріи, по нашимъ сравненіямъ, половыя преступленія занимаютъ у чиновниковъ, ученыхъ и представителей свободныхъ профессій второе мѣсто, у капиталистовъ и домовладѣльцевъ—четвертое мѣсто, а у поденщиковъ и рабочихъ, занятыхъ въ промышленности,—пятое.

Въ понятіе преступленій противъ половой нравственности входятъ различныя дѣйствія, начиная отъ нарушенія общественной благопристойности поступками безстыднаго характера и кончая насильственными посягательствами на чужую честь. Безстыдныя дѣйствія совершаются чаще всего проститутками и изъ мужчинъ лицами, находящимися въ состояніи сильнаго опьянѣнія, въ каковомъ представители обезпеченнаго класса попадаютъ на улицѣ въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ. Но на ихъ долю приходится наиболѣе интенсивное участіе въ растлѣніи малолѣтнихъ и въ педерастіи. Еще Эттингенъ констатировалъ, что въ то время, какъ общая преступность либеральныхъ профессій выражается 5,6%, этотъ процентъ въ растлѣніи дѣтей повышается болѣе чѣмъ въ два раза и достигаетъ 12,9%. Этотъ же фактъ устанавливается также Бонгеромъ, который нашелъ, что среди лицъ съ высшимъ образованіемъ виновныхъ въ половыхъ преступленіяхъ надъ дѣтьми въ пять разъ болѣе, нежели среди осужденныхъ за такія же преступленія надъ взрослыми.

Еще значительнѣе участіе состоятельнаго класса въ совершеніи преступленій педерастіи. Такъ, по указаніямъ Пятницкаго, въ Россіи фабричныя рабочіе даютъ почти одинаковое число осужденныхъ за всѣ преступленія вообще и за педерастію (34,32 педер. и 34,66 всѣ преступл.), т.-е. ихъ участіе въ этомъ видѣ разврата

нисколько не бросается въ глаза. Наоборотъ, адвокаты, медики, техники, художники, учащіе и пр. оказались виновными въ этомъ порокѣ въ пять разъ чаще, нежели можно было ждаты на основаніи ихъ участія въ общей преступности страны (5,23 педерастія и 1,04 всѣ преступл.). Подтвержденіе такой характеристики половой жизни состоятельнаго класса даетъ статистика сословій осужденныхъ: дворяне, священнослужители, почетные граждане, мѣщане даютъ сравнительно съ процентомъ ихъ общей преступности значительно большее число осужденій за педерастію, между тѣмъ какъ среди крестьянъ педерастовъ на 12% менѣе коэффиціента ихъ общей преступности (см. 12 стран. у Пятницкаго „Половое извращ. и уголовн. право“, 1910 г.). Новымъ подтвержденіемъ является статистика распредѣленія осужденныхъ за это преступленіе по образованію: лицъ съ высшимъ образованіемъ оказалось въ три съ половиною раза, а со среднимъ въ два слишкомъ раза болѣе, нежели среди осужденныхъ за всѣ преступленія (18 стр. Пятницкій).

Русская уголовная статистика, на ряду съ нѣкоторыми другими, даетъ возможность сравнивать въ каждой профессіи преступность хозяина и рабочаго. Е. Н. Тарновскій въ своей статьѣ разсматриваетъ вопросъ, между прочимъ, и въ этихъ предѣлахъ. Онъ высчитываетъ, сколько на 1000 лицъ опредѣленной профессіи приходится осужденныхъ за различныя преступленія. По нѣкоторымъ преступленіямъ разница между числами осужденныхъ хозяевъ и рабочихъ достигаетъ крупной величины. Однако въ посягательствахъ на женскую честь, изнасилованіе и растлѣніе, вмѣстѣ взятыя, хозяева и рабочіе мало между собою различаются. Въ то время какъ по преступленіямъ кражи эта разница достигаетъ даже 250, по изнасилованіямъ и растлѣніямъ она спускается до единицы. При этомъ по нѣкоторымъ профессіямъ на долю состоятельнаго класса и здѣсь приходятся сравнительно большія цифры. Такъ, въ добывающей промышленности среди 1000 хозяевъ и лицъ администраціи было 13 изнасилвателей - растлителей, среди рабочихъ же 9; въ строительномъ производствѣ среди хозяевъ и рабочихъ одинаково по 9. Во всякомъ случаѣ мы отмѣчаемъ, что высокая преступность противъ женской чести фабричныхъ рабочихъ — 14 — уступила по своимъ размѣрамъ преступности священно- и церковнослужителей, среди которыхъ изъ 100 осужденныхъ за различныя преступленія оказалось самое высокое число растлителей и изнасилвателей — 15. Характерно, что по нашимъ изысканіямъ то же самое обнаружилось и въ Италіи: здѣсь на 100 лицъ этой профессіи пришлось самое большое число осужденій за изнасилованіе и любострастные дѣйствія ¹⁾.

Совершенно другая картина получается, когда мы обращаемся къ распредѣленію по профессіямъ религіозныхъ преступленій. Въ

¹⁾ Противоположную точку зрѣнія развиваетъ Bertrin. De la criminalité en France dans congrégations, le clergé et les principales professions. Paris. Годъ изданія не обозначенъ.

обѣихъ названныхъ странахъ вырисовываются однѣ и тѣ же особенности осужденныхъ за религіозныя преступленія: классъ имущихъ очень мало интересуется этимъ видомъ преступности. Такъ, въ Австріи на сто тысячъ лицъ соотвѣтствующихъ профессій было осуждено рабочихъ въ два раза болѣе, нежели ихъ хозяевъ фабрикантовъ, заводчиковъ, торговцевъ; то же самое было и въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ относительное число осужденныхъ рабочихъ въ два раза превзошло число осужденныхъ хозяевъ. Наконецъ, домовладѣльцы, капиталисты не дали ни одного осужденнаго, такъ же какъ и чиновники, учащіе и свободныя профессіи. Точно такъ же и въ Россіи, если сравнить участіе различныхъ профессій въ совершеніи всѣхъ преступленій и религіозныхъ, то выяснится, что имущіе классы не знаютъ осужденій за религіозныя преступленія, ихъ совершаютъ только лица неимущаго класса. Такъ, земледѣльцы даютъ 49,7% осужденныхъ по всѣмъ преступленіямъ и 63,3% по религіознымъ. Среди нихъ почти не встрѣчается лицъ съ высшимъ образованіемъ. Если мы будемъ сравнивать религіозную преступность хозяевъ и рабочихъ по пяти крупнымъ группамъ (промышлен. добывающая, ремеслен., фабричн., строит., торговля крупная), то увидимъ, что рабочіе даютъ большее число осужденій на 1000 осужденныхъ, нежели ихъ хозяева по 4 профессіямъ, и только мелкіе торговцы и ремесленники составляютъ исключеніе. За послѣдніе годы подчеркиваемая нами особенность выступаетъ еще рѣзче. Такъ, за 1908 годъ среди 751 осужденныхъ за религіозныя преступленія не оказалось ни одного фабриканта, заводчика, ни одного крупнаго торговца, ни одного помѣщика и ни одного изъ живущихъ капиталомъ, пенсіей, доходомъ съ недвижимости.

Что касается типичнаго преступленія нашего времени — нарушенія права собственности, то, какъ уже намъ извѣстно, на категорію этихъ преступленій приходится громаднѣйшій процентъ и колоссальныя по своей величинѣ абсолютныя цифры во всѣхъ государствахъ. Каково распредѣленіе отдѣльныхъ преступленій противъ собственности между имущими и неимущими классами населенія? Главныя преступленія крупныхъ торговцевъ — повсемѣстно — мошенничество и ростовщичество. Линден а у, констатируя наклонность купцовъ-хозяевъ къ совершенію этихъ преступленій и очень малое ихъ участіе въ кражахъ, тѣлесныхъ поврежденіяхъ, посягательствахъ на представителей власти, считаетъ въ видѣ итога возможнымъ дать такую формулу: „Купецъ и въ честной и въ безчестной своей дѣятельности больше работаетъ головою, нежели руками“. Подтвержденіемъ правильности этой формулы является и очень большое участіе купцовъ въ совершеніи преступленія, уже не относящагося къ группѣ имущественныхъ, но для совершенія котораго приходится болѣе работать головою: лжесвидѣтельства. Совершенно такія же особенности преступности крупныхъ купцовъ обрисовались и въ изслѣдованіи г. Тарновскаго. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ тысячу

крупныхъ купцовъ - преступниковъ и тысячу ихъ приказчиковъ, то увидимъ, что первые дали 27 осужденныхъ за лжесвидѣтельство и ложный доносъ, а вторые — 19. За мошенничество было осуждено среди 1000 преступниковъ крупныхъ купцовъ въ десять разъ болѣе, нежели на 1000 всего населенія страны. Правда, приказчиковъ было осуждено за мошенничество, подлоги и присвоеніе еще болѣе, но крупные купцы дали наибольшее число осужденій сравнительно со всѣми остальными представителями профессій болѣе состоятельныхъ классовъ: они оставили за собою, иногда очень далеко, фабрикантовъ, хозяевъ - ремесленниковъ, хозяевъ въ строительномъ производствѣ, мелкихъ торговцевъ, хозяевъ въ трактирной и перевозочной промышленности.

Классъ состоятельныхъ, независимо отъ профессиональнаго состава, обнаруживая такую склонность къ мошенничествамъ, чувствуетъ отвращеніе къ такимъ нарушеніямъ права собственности, при совершеніи которыхъ преступникъ дѣйствуетъ открыто, смѣло и дерзко. Въ Австріи на 100.000 капиталистовъ и домовладѣльцевъ не было осуждено ни одного за грабежъ, а за мошенничество они были приговариваемы такъ часто, какъ ни за одно другое преступленіе. При сравненіи преступности хозяевъ и рабочихъ вооруженныя кражи и грабежи и простыя кражи совершаются всегда несравненно чаще рабочими, нежели ихъ хозяевами.

Эта психологическая особенность преступности богатыхъ, всегда предпочитающихъ совершить преступленіе при помощи менѣ грубыхъ способовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе изощренныхъ, съ соблюденіемъ внѣшняго декорума приличія, и во всякомъ случаѣ втихомолку, обнаруживается даже въ убійствахъ съ корыстной цѣлью: рабочій превращается въ разбойника, экспроприатора, состоятельный — въ отравителя: одинъ прибѣгаетъ къ ножу, другой къ шприцу врача, къ бокалу вина.

И если въ этой преступности противъ собственности неимущіе классы толкаются на путь правонарушеній прежде всего борьбою за сохраненіе своего существованія, борьбою за свою жизнь, то состоятельные классы приводятся къ этимъ же нарушеніямъ погоней за наживою, т.-е. тою же частною собственностью, только другимъ концомъ ея.

Въ преступности рабочаго класса намъ бросаются въ глаза прежде всего очень большія цифры кражъ и тѣлесныхъ поврежденій. И это справедливо какъ относительно фабричнаго, ремесленнаго рабочаго, такъ и сельскохозяйсвеннаго, хотя между ними и есть нѣкоторая разница. Анри Жоли, выясняя преступность рабочаго во Франціи, давалъ такую его характеристику.

Рабочій въ общемъ не жаденъ; привыкнувъ жить изо дня въ день, онъ не помышляетъ о скопленіяхъ. Онъ исполненъ сознанія собственнаго достоинства. Что онъ думаетъ, то и говоритъ: онъ не любитъ экивоковъ, хитростей и притворства. Онъ — не эгоистъ, онъ

и въ жизни является сторонникомъ солидарности, о которой такъ часто говоритъ онъ; но проявляетъ ее только по отношенію къ своимъ и къ тѣмъ, кто держится его мнѣній. Во многихъ случаяхъ онъ крайне требователенъ по отношенію къ богатымъ классамъ, хозяину и собственникамъ, и ему очень мало дѣла, если имъ причинены и большія потери. Однако о немъ же приходится сказать, что если онъ настойчиво требуетъ себѣ всякихъ уступокъ, онъ же всегда съ величайшей готовностью приходитъ на помощь къ своимъ и ниже его стоящимъ. Отказаться отъ части своего поденнаго заработка въ пользу больного рабочаго, принять участіе въ сборѣ пожертвованій, раздѣлить свой обѣдъ радостно съ тѣмъ, у кого ничего нѣтъ, провести три мѣсяца въ нищетѣ, борясь за дорогое ему дѣло,—все это ему кажется вполне естественнымъ, и онъ поступаетъ такъ, чего бы это ему ни стоило. Предоставленный самому себѣ, онъ далекъ отъ злости. Онъ по легкомыслію или вслѣдствіе убѣжденія, „по теоріи“ совершитъ вредныя для другихъ дѣйствія. Онъ способенъ на насилія противъ сильныхъ или противъ тѣхъ, кого онъ считаетъ такими и которые унижаютъ его, но онъ достаточно благороденъ съ поверженными на землю и страдающими. Его гнѣвъ ярокъ, но не дологъ. Въ отношеніи морали рабочій легкомысленъ, но онъ не грубъ, какъ крестьянинъ. Рабочій окружаетъ свой порокъ романтизмомъ или и тутъ ссылается на какую-нибудь теорію, заимствованную изъ знакомой ему литературы: онъ вообще всюду любитъ ссылаться на научныя теоріи, которыя уважаетъ. Главный недостатокъ рабочаго, чреватый пагубными послѣдствіями,—это его непредусмотрительность, беззаботность. Въ этомъ полная противоположность его земледѣльцу. Въ то время какъ этотъ послѣдній весь преисполненъ долгаго терпѣнія и долженъ прежде, чѣмъ получить деньги за урожай, вспахать землю, посѣять зерно, спасти посѣвъ отъ всякихъ предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ опасностей, фабричный рабочій такъ же быстро проживаетъ свой заработокъ, какъ быстро его получаетъ (Жоли: Преступная Франція. 1889 г. 288—290 стр.).

Типичными преступленіями рабочаго класса являются похищеніе чужого имущества и тѣлесныя поврежденія. Изъ общаго числа осужденныхъ рабочихъ ремесленниковъ 52% были осуждены за кражу, а среди фабричныхъ рабочихъ 42%. За тѣлесныя поврежденія было осуждено 20% фабричныхъ и 14% ремесленныхъ рабочихъ. Эти же цифры или почти эти же даютъ рабочіе и по другимъ профессіямъ. И не удивительно: необезпеченное существованіе, подверженное въ силу низкой заработной платы разнымъ случайностямъ, приводитъ къ преступленіямъ противъ собственности, а развлеченія рабочаго, тѣсно связанныя съ потребленіемъ алкоголя, толкаютъ его на преступленія противъ личности. Противъ дѣлаемыхъ нами характеристикъ имущаго и рабочаго класса какъ будто говорятъ громадныя цифры осужденій фабрикантовъ за преступленія противъ

жизни: 257 на 1000 осужденныхъ или 26%, т.-е. на 20% выше средняго % (Тарновскій). Ни одна профессія не дала такого громаднaго процента. Но и здѣсь состоятельный классъ остался вѣрнымъ сдѣланной нами характеристикѣ: и здѣсь не было внѣшней грубости и насилія; высокій процентъ преступленій противъ жизни объясняется частыми случаями привлеченія фабрикантовъ за причиненіе смерти ихъ рабочимъ непринятіемъ предписанныхъ мѣръ безопасности во время производства работъ. Вообще же классъ состоятельныхъ участвуетъ въ совершеніи убійствъ значительно менѣе неимущаго класса. Такъ, въ Италіи на сто тысячъ каждой профессіи наименьшія цифры осужденій за убійства выпадаютъ на капиталистовъ, лицъ либеральныхъ профессій, священнослужителей, чиновниковъ, живущихъ доходомъ съ своей земли и арендаторовъ. Наоборотъ, высокій процентъ даютъ ремесленники, рабочіе, поденщики: предумышленныхъ и квалифицированныхъ убійствъ особенно много было совершено работающими въ шахтахъ и поденщиками (8,7 и 9,7 осужденій, а капиталисты только 2,7 на сто тыс.).

Все, что мы говорили до сихъ поръ, относилось къ преступности мужчинъ; мы такимъ образомъ устранили побочное вліяніе пола на преступность, такъ какъ женщины до сихъ поръ ко многимъ профессіямъ еще не получили доступа или входятъ въ нихъ слишкомъ въ незначительномъ числѣ. Но, отступивъ отъ принятаго нами начала, обратимся къ распредѣленію по профессіямъ исключительно женщинъ, осужденныхъ за истребленіе плода и дѣтоубійство, такъ какъ эти преступленія совершаются почти только женщинами. И здѣсь удивительно ярко выступаетъ отмѣченная нами особенность преступности состоятельныхъ: женщины состоятельныхъ классовъ, не желающія имѣть ребенка, прибѣгаютъ къ шприцу и къ разнымъ внутреннимъ средствамъ, чтобы произвести выкидышъ, а представительницы неимущаго населенія совершаютъ дѣтоубійства. Такъ, въ Германіи за послѣднія семь лѣтъ среди лицъ состоятельнаго класса было осуждено за дѣтоубійство только 16 женщинъ и 634 за истребленіе плода. Въ Италіи на сто тыс. живущихъ процент. и пенсіей не было за 1896—900 гг. ни одной осужденной за дѣтоубійство и пришлось въ среднемъ по 1,3 осужденныхъ на годъ за истребленіе плода. Въ Австріи среди дѣтоубійцъ 92% были лишены всякаго достатка.

Разсмотрѣніе преступности въ связи съ профессіей приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Состоятельный классъ обнаруживаетъ въ сферѣ половыхъ преступленій большую склонность къ растлѣнію малолѣтнихъ, къ противоестественнымъ половымъ актамъ; онъ не знаетъ религіозной преступности; давая небольшое число осужденій за преступленія противъ собственности, онъ обнаруживаетъ склонность къ мошенничеству, ростовщичеству, злостному банкротству. Въ преступленіяхъ противъ личности его представители оказываются часто виновными въ непринятіи мѣръ предосторожности,

послѣдствіемъ чего является смерть рабочихъ; и женщины этого класса чаще другихъ прибѣгаютъ къ истребленію плода.

Классъ же неимущихъ даетъ большое число оскорбленій общественной нравственности. Онъ одинъ совершаетъ религіозныя преступленія. На его долю выпадаютъ осужденія за грабежи, кражи, разбои, убійства, тѣлесныя поврежденія. Такимъ образомъ, если Линденау нашелъ возможнымъ сказать о купцахъ (а это вѣрно по отношенію ко всему классу состоятельныхъ), что въ ихъ честной и безчестной дѣятельности они больше работаютъ головою, нежели руками, то о неимущемъ классѣ можно сказать, что какъ въ трудовой жизни онъ добываетъ свой хлѣбъ грубыми мозолистыми руками, такъ его физическая грубая сила брызжетъ наружу и въ его преступности. Но подъ оболочкой внѣшней грубости скрываются безхитростный умъ и сердце, ищущее иногда очень наивно Бога на небѣ и общественную правду на землѣ.

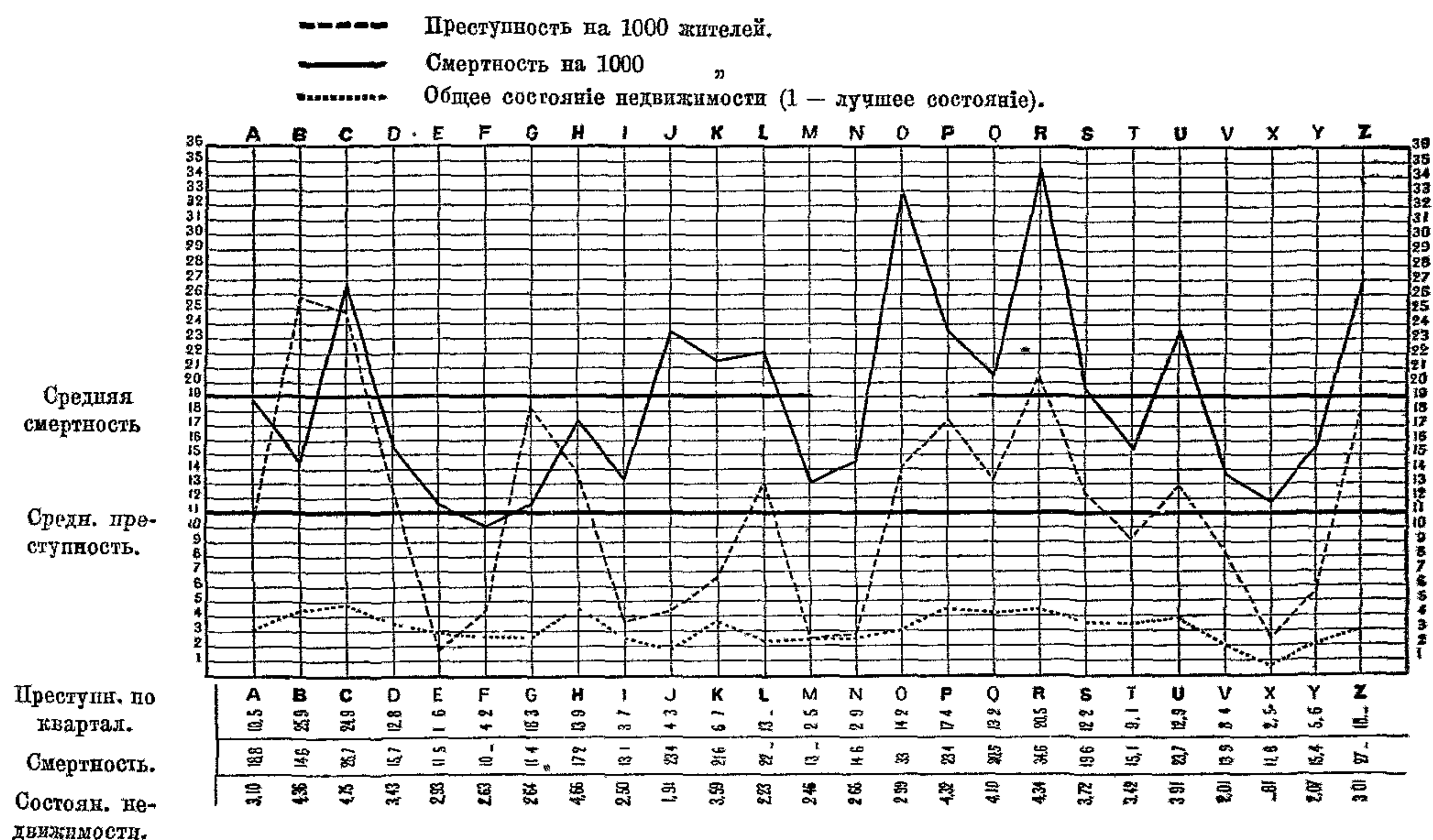
Вопросъ о соотношеніи между профессіями и преступностью привлекъ къ себѣ вниманіе и уголовно-антропологической школы. Но въ полномъ согласіи со своими основными воззрѣніями на причины преступленій, лежащія въ самой личности преступника, она видѣла въ профессіи лишь возможность направить преступныя наклонности человѣка по руслу въ берегахъ законности. Такъ, она рекомендовала занимать профессіей мясниковъ лицъ, склонныхъ къ пролитію крови, профессіей гравера поддѣльвателей и т. д.

Но ближайшее изученіе распредѣленія преступленій по профессіямъ разбило эти предположенія сторонниковъ уголовно-антропологической школы, и въ частности профессія мясниковъ даетъ особенно значительное число случаевъ ножевой расправы. Такимъ образомъ, разрѣшенія вопроса о преступности надо искать не въ симбіозѣ преступности, т.-е. не въ утилизаціи порочныхъ наклонностей на общественную пользу, а въ оздоровленіи условій, присущихъ различнымъ профессіямъ.

Жизнь современныхъ обществъ идетъ быстрыми шагами къ индустріализму. Профессіональный составъ населенія быстро мѣняется, и армія рабочихъ растетъ. Но нельзя сказать, чтобы преступность государствъ принимала специфическій характеръ преступности рабочаго. Только Россія составляетъ исключеніе: здѣсь преступленія съ примѣненіемъ открытой силы, какъ способа ихъ совершенія, растутъ, число грабежей по даннымъ сводовъ уголовной статистики возросло съ 1898 г. по 1908 съ 420 почти въ десять разъ. Очевидно, въ другихъ странахъ есть такія условія, которыя, вліяя благотворно на положеніе рабочаго класса, задерживаютъ ростъ его преступности. Къ числу такихъ проф. Колаянни относитъ развитіе въ Германіи и Италіи, преступность которыхъ онъ изслѣдуетъ, социализма съ его объединяющей рабочихъ организаціей.

Жилища и преступность. Развитіе идей социологической школы, увеличеніе числа ея сторонниковъ и постепенное усовершен-

ствование ея методовъ поставили на очередь разработку вопроса чрезвычайной важности—о зависимости между состояніемъ жилищъ и преступностью. Указанія на существованіе такой связи дѣлались въ криминалистической литературѣ съ самаго появленія социологической школы, но не сопровождаемыя доказательствами они не останавливали на себѣ вниманія. Въ настоящее время вопросъ о вліяніи жилищъ на преступность разработанъ научно съ достаточною полнотою. Ему посвящены въ Швейцаріи трудъ Шнетцлера, въ Венгріи—книга Клегера, въ Германіи—ислѣдованія Вейдемана, въ Испаніи—Бернальдо де Квироса и Агвиланіедо, въ Россіи—Всесвятскаго и Маковского, въ Италіи—Ничефоро и Сигеле. Въ работахъ однихъ изъ названныхъ авторовъ

Лозанна. Въ кварталахъ (обозначены буквами) съ худшимъ состояніемъ жилищъ смертность и преступность выше. Изъ соч. Schnetzler Enquête sur les conditions du logement.

преобладаетъ статистическій матеріалъ (Шнетцлеръ, Всесвятскій), а у другихъ—описательный, но во всякомъ случаѣ знаменательнымъ было самое стремленіе криминалистовъ-позитивистовъ итти въ жилища бѣдности, чтобы самимъ увидѣть и прощупать больныя мѣста организма города, столько же кровоточащія, сколько и точащія бѣдностью и преступностью. Несомнѣнно, что то или другое состояніе жилищъ является показателемъ степени имущественной обеспеченности или необеспеченности, и, такимъ образомъ, когда идетъ рѣчь о вліяніи состоянія квартиръ на преступность, рѣчь идетъ въ дѣйствительности о вліяніи экономического фактора.

Хотя обѣ названныя нами статистическія работы Шнетцлера и Всесвятскаго затрогиваютъ вопросъ о преступности въ чертѣ города, но опредѣляютъ свои задачи не одинаково. Шнетцлеръ, руководив-

шій чрезвычайно цѣннымъ и всестороннимъ изслѣдованіемъ муниципалитета города Лозанны, обращаетъ свое преимущественное вниманіе на соотношеніе между санитарнымъ состояніемъ жилищъ и ихъ преступностью. Иначе поступаетъ Всесвятскій въ изслѣдованіи преступности и жилищнаго вопроса въ Москвѣ: онъ обращаетъ вниманіе не только на санитарное состояніе отдѣльныхъ кварталовъ Москвы, но и на нѣкоторыя другія ихъ особенности, на примѣръ, нахожденія въ ихъ районѣ вокзаловъ, трактировъ, пивныхъ, бульваровъ съ ищущими на нихъ кліентовъ проститутками и пр.

Въ изслѣдованіи Шнетцлера значеніе экономического момента въ квартирномъ вопросѣ устанавливается цѣною квартиры. Опредѣливъ стоимость каждой квартиры по каждому изъ кварталовъ, авторъ опредѣлилъ затѣмъ среднюю стоимость квартиры по всему кварталу. Такъ какъ по всѣмъ 25 кварталамъ средняя стоимость квартиры опредѣлилась въ 400 франк., то всѣ кварталы были раздѣлены на двѣ группы: въ одну вошли кварталы со среднею стоимостью квартиръ выше 400 франк., а въ другую со стоимостью ниже этой цифры. Она оказалась выше 400 фр. въ 15 кварталахъ и ниже въ десяти болѣе бѣдныхъ участкахъ города. Состояніе жилищъ въ санитарномъ отношеніи было тщательно и съ безукоризненною точностью изучено въ этомъ образцовомъ изслѣдованіи: было опредѣлено количество воздуха, приходявшагося въ каждомъ жилищѣ на жильца, оцѣнено балломъ состояніе недвижимости, приняты во вниманіе устройство вентиляціи, освѣщенія, лѣстницъ, отхожихъ мѣстъ и пр. Изъ трехъ діаграммъ по вопросу о соотношеніи преступности и жилищъ мы воспроизводимъ здѣсь лишь одну. Она показываетъ, что въ кварталахъ съ худшими жилищными условіями была повышена не только смертность, но и преступность и, наоборотъ, въ кварталахъ съ богатыми квартирами смертность и преступность были ниже средней. Въ худшихъ кварталахъ, обозначенныхъ буквами С и R, и въ лучшемъ кварталѣ, обозначенномъ буквою X, прямое соотношеніе между состояніемъ жилищъ съ одной стороны и смертностью и преступностью съ другой особенно очевидно: и смертность и преступность здѣсь очень незначительны. Не менѣе доказательна другая діаграмма автора (она воспроизведена въ нашей книгѣ „Соціальные факторы преступности“) о соотношеніи между количествомъ воздуха на жильца въ квартирѣ, смертностью и преступностью: ея разсмотрѣніе даетъ возможность вывести слѣдующій законъ: жилищъ, въ которыхъ человѣкъ задыхается отъ недостатка воздуха, приводятъ его и къ преждевременной смерти, и къ повышенной преступности. Шнетцлеръ не ограничился разсмотрѣніемъ распредѣленія по участкамъ всей преступности, но опредѣлилъ, что найденному имъ закону подчиняются и отдѣльныя преступленія противъ собственности, личности и общественнаго порядка. Къ сходнымъ выводамъ пришелъ Всесвятскій относительно распредѣленія преступности по районамъ различныхъ участковъ въ Москвѣ. Но

отсутствіе необходимыхъ матеріаловъ лишило этого автора возможности дать выводы съ категоричностью Шнетцлера. Однако онъ также отмѣтилъ, что такіе, напримѣръ, участки, какъ пречистенскій, арбатскій, бронный, гдѣ встрѣчается наименьшее количество коечно-каморочныхъ квартиръ и гдѣ число жильцовъ на квартиру въ среднемъ менѣе, чѣмъ по другимъ районамъ Москвы, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе благопріятными по малымъ размѣрамъ преступности. Въ итогѣ своей работы онъ также нашелъ, что „поскольку люди берутъ другъ у друга мѣсто, свѣтъ и воздухъ, постольку происходятъ между ними столкновенія и ссоры“.

Обширный и чрезвычайно богато иллюстрированный трудъ Клегера „По жилищамъ нищеты и преступности въ Вѣнѣ“ (1908 г.) и одна изъ главъ книги де Квироса и Агвиланіедо о преступности и проституціи въ Мадридѣ носятъ описательный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ выясняютъ причины высокой преступности бѣдныхъ, окраинныхъ кварталовъ, въ которыхъ дурныя жилища являются лишь однимъ изъ яркихъ показателей общаго экономическаго положенія жильцовъ, обитающихъ въ „углахъ“, на койкахъ и иногда занимающихъ мѣста даже въ кроватяхъ съ супружескими парами. Казалось бы, что эти квартиры являются такимъ отрицаніемъ завоеваній культуры, дальше котораго итти некуда: вмѣсто газа и электричества—лампа-коптилка, вмѣсто парового отопленія—быстро накаливающая температуру и столь же быстро остывающая желѣзная печка по срединѣ комнаты, вмѣсто мебели—пустые боченки и ящики, вмѣсто паркета—заплеванныя доски. Но преступность знаетъ, какъ показываетъ Клегеръ, еще худшія жилища подъ мостами, въ мусорныхъ ящикахъ, на мѣстѣ свалки городскихъ нечистотъ и пр. Переполненные коечно-каморочныя квартиры съ картинами ничѣмъ неприкрытаго разврата притупляютъ нравственное чувство не только подрастающаго поколѣнія, но и взрослыхъ ихъ обитателей, а постоянныя ссоры, раздражающіяся между пьяными и трезвыми обитателями, создаютъ атмосферу, весьма неблагопріятную для развитія въ человѣкѣ уваженія къ достоинству другого. Съ этой точки зрѣнія слова проф. Листа о томъ, что хорошій законъ о рабочихъ жилищахъ имѣетъ большее значеніе въ борьбѣ съ преступностью, чѣмъ дюжина уголовныхъ законовъ, являются совершенно правильными.

Преступленія города и деревни различаются между собою какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. При разсмотрѣніи преступности городского и сельскаго населенія (Prinzing, „Sociale Factoren der Kriminalität“, Lacassagne, Halle) замѣчается почти повсемѣстно болѣе повышенная преступность горожанина. Такъ, Ашаффенбургъ нашелъ, что въ то время, когда преступность городовъ опредѣлялась цифрою 134,2, преступность сельскаго населенія была опредѣлена всего цифрою 96,6. Во Франціи городская преступность болѣе чѣмъ въ два раза превышала сельскую. Трайнинъ („Преступность города и де-

ревни“) вычислилъ, что въ 1897—1904 гг. на сто тысячъ соответствующаго населенія приходилось въ Россіи въ городахъ 97 осужденныхъ общими судами, въ столицахъ—72, а въ уѣздахъ всего 37. Объясненія преобладанія городской преступности надъ сельской надо искать въ особенностяхъ жизни города. Здѣсь влекутъ за собою осужденія такія дѣйствія, которыя не привлекаютъ особаго вниманія сельской полиціи, напримѣръ, нарушеніе общественной тишины и благопристойности на улицѣ. Интенсивное общеніе, самое разнообразіе жизни, бьющей ключомъ, дѣлаютъ болѣе возможными всякія столкновенія. Наконецъ, слѣдуетъ думать, что нѣкоторыя преступленія противъ собственности, какъ, напримѣръ, мошенничество и кража, должны найти себѣ въ городѣ болѣе благоприятныя условія для совершенія. Здѣсь болѣе развитый торговый оборотъ учащаетъ мошенничество, здѣсь сутолока на улицахъ облегчаетъ карманныя кражи, а оставленіе квартиры безъ присмотра, выслѣженное профессионалами-ворами, даетъ имъ въ руки вѣрную добычу. Не то въ деревнѣ, гдѣ ограниченность числа жителей, сравнительно малая обезпеченность сельскаго жителя, занятіе въ теченіе всего дня работою лишь въ кругу семьи или даже въ одиночку не могутъ не задерживать совершенія преступленій противъ собственности и личности.

На различія городской и сельской преступности въ качественномъ отношеніи указывалъ еще Ломброзо. Преступленія деревни, по его словамъ, характеризуются грубостью и вызываются местию, грубымъ половымъ влеченіемъ; въ городѣ больше мошенничествъ и преступленій по праздности, лѣни, пресыщенному половому разврату. Въ русской литературѣ Трайнинъ въ работѣ, специально посвященной интересующей насъ темѣ, разбилъ всѣ преступленія города и деревни на три группы. Въ первую вошли тѣ, которыя чаще совершаются въ городѣ, въ третью тѣ, которыя составляютъ достояніе чаще всего деревни, а во вторую имъ были отнесены преступныя дѣянія, относительно которыхъ превосходство города надъ деревнею было незначительно. Періодъ изслѣдованія охватываетъ 1897—1904 гг. Во всѣхъ случаяхъ опредѣлялось, сколько различныхъ преступленій приходилось на сто тыс. населенія. Въ первой группѣ оказались кража, мошенничество, преступленія противъ общественной нравственности, противъ порядка управленія, поддѣлка монетъ, кредитныхъ билетовъ, разбой и грабежъ. Если принять во вниманіе объѣ столицы, то по всѣмъ названнымъ группамъ, кромѣ преступленій противъ порядка управленія, онѣ займутъ среднее мѣсто между городомъ вообще и деревнею, но послѣднее по преступленіямъ противъ порядка управленія. Объясненіе преобладанія въ городѣ мошенничества и кражи дано нами выше. Что же касается преступленій противъ половой нравственности, то скученность населенія, квартирныя условія, доказанная наличность въ городѣ возрастныхъ группъ наиболѣе интенсивной половой жизни

указываемое Дрилемъ раннее половое развитіе городского юношества объясняютъ отмѣченный фактъ. Неожиданнымъ является преобладаніе преступленій противъ порядка управленія въ городахъ и наименьшее ихъ количество въ столицахъ; слѣдовательно, деревнѣ принадлежитъ среднее мѣсто. Въ группу преступленій противъ порядка управленія вошли возстанія, сопротивленіе властямъ, оскорбленія и неуваженіе власти и нѣк. др. Намъ думается, что здѣсь не безъ вліянія остались, съ одной стороны, политическая пропаганда, а съ другой—организованность рабочихъ въ столицахъ. Организованность рабочихъ въ столицахъ должна была приводить къ уменьшенію отдѣльныхъ столкновеній съ властями и къ большей осмотрительности ихъ коллективныхъ выступленій. Но въ періодъ 1897—1904 гг. зарождается въ однихъ городахъ и усиливается въ другихъ политическая пропаганда, въ частности среди фабричныхъ рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились и ихъ выступленія, часто носившія неорганизованный характеръ, незнакомый уже успѣвшимъ объединиться столичнымъ рабочимъ. Что касается деревни, то ея очередь занять выдающееся по высотѣ мѣсто по рассматриваемой группѣ преступленій должна была прійти позднѣе.

Въ третью группу преступленій, часто совершаемыхъ въ деревнѣ, вошли дѣтоубійство, самоуправство и конокрадство. Дѣтоубійству въ деревнѣ соотвѣтствуетъ производство выкидыша въ городахъ. Внѣбрачно забеременѣвшія, не имѣющія возможности обратиться къ помощи тѣхъ лицъ въ городахъ, къ которымъ прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ горожанки, при полномъ отсутствіи родильныхъ пріютовъ и воспитательныхъ домовъ въ деревнѣ, силою обстоятельствъ толкаются на дѣтоубійство. Легко объяснимо конокрадство въ деревнѣ, гдѣ самыя условія храненія лошади въ конюшняхъ изъ плетня и пастьба по ночамъ безъ достаточнаго присмотра облегчаютъ удачное совершеніе конокрадства. Не является неожиданнымъ и преобладаніе въ деревнѣ самоуправства, являющагося знаменательнымъ показателемъ общей деревенской некультурности съ одной стороны и, можетъ быть, недовольства судебными крестьянскими учрежденіями—съ другой. По даннымъ Трайнина, убійства и тѣлесныя поврежденія чаще совершались въ городахъ, но разница между городской и сельскою преступностью въ данномъ случаѣ была незначительна. Ломброзо, какъ указано, считалъ два названныя преступленія достояніемъ прежде всего деревенскаго жителя. Къ сходному выводу пришелъ Заменгофъ, рассматривавшій преступность города и деревни въ ихъ взаимодѣйствіи по 41 губерніи Россіи и нашедшій, что убійство—преступленіе по преимуществу деревенское, а тѣлесныя поврежденія еще болѣе носятъ деревенскій характеръ, чѣмъ убійства. Въ иностранной литературѣ сравненіе сельской и городской преступности привлекало вниманіе Тарда и Cassemiche („Etude sur la criminalité dans un arrondissement rural de France“, 1908). Впрочемъ, по-

слѣдній бралъ не деревню, а цѣлый сельскохозяйственный округъ. Тардъ же, настаивавшій на особенностяхъ указанныхъ двухъ категорій преступности, придавалъ ихъ различіямъ такое большое значеніе, что классифицировалъ самихъ преступниковъ на городскихъ и сельскихъ и связывалъ такое раздѣленіе ихъ съ особенностями мѣръ борьбы съ ними.

Бракъ, семья и преступность. Вслѣдъ за разсмотрѣніемъ вліянія на преступность такой крупной соціальной единицы, какъ городъ и деревни, и послѣ ознакомленія съ вліяніемъ квартирныхъ условій представляется умѣстнымъ ознакомленіе съ состояніемъ вопроса о вліяніи на преступность семейнаго положенія. Уголовно-статистическіе отчеты различныхъ государствъ въ теченіе долгаго времени собирали свѣдѣнія по этой рубрикѣ, куда они относили отмѣтки о вдовствѣ, состояніи въ бракѣ или разводѣ и о холостыхъ и незамужнихъ. Отрывочныя указанія на значеніе того или другого семейнаго состоянія дѣлались такъ же давно, какъ давно собираются и самые матеріалы. Но слѣдуетъ признать, что научная цѣнность такихъ замѣчаній не была высокой. Цифры преступниковъ, состоявшихъ въ бракѣ, холостыхъ и вдовыхъ приводились безъ ихъ сопоставленія съ соотвѣтствующими цифрами всего населенія или высказывались различныя предположенія о характерѣ вліянія, безъ достаточнаго ихъ подкрѣпленія доказательствами. Въ 1899 г. были опубликованы двѣ статьи Принцинга („Der Einfluss der Ehe auf die Kriminalität des Mannes“, „Die Erhöhung der Kriminalität des Weibes“) о вліяніи на преступность брака у мужчинъ и женщинъ. Разработанныя обѣ однимъ и тѣмъ же методомъ, онѣ ставятъ своею задачею выяснить по различнымъ группамъ преступленій участіе въ ихъ совершеніи лицъ различнаго семейнаго состоянія и при этомъ учитываютъ значеніе возраста. Такимъ образомъ изслѣдованіе Принцинга всегда принимаетъ во вниманіе соотношеніе между тою или другою группою преступниковъ и всего населенія данной категоріи. Цѣнными являются и попытки названнаго автора дать объясненіе подмѣченныхъ особенностей. Выводы Принцинга не всегда подтвердили правильность дѣлавшихся до него утвержденій и предположеній. Такъ, не вполне правильнымъ оказалось очень распространенное мнѣніе о благотворномъ вліяніи брачнаго состоянія на преступность. Одни видѣли въ данномъ случаѣ въ бракѣ большую морализующую силу, а другіе (Колаянни) предполагали и здѣсь вліяніе экономическаго фактора: въ бракъ вступаютъ болѣе обеспеченные люди; у значительнаго круга лицъ для вступленія въ бракъ требуется наличность приданаго и т. п. Сверхъ ожиданія, точныя изысканія Принцинга показали значительно большую преступность замужней женщины, нежели дѣвицы, по всѣмъ возрастнымъ группамъ (всего девять возрастныхъ группъ, изъ коихъ первая 12—15 лѣтъ и послѣдняя старше 60 лѣтъ). Ближайшее объясненіе этого справедливо дается авторомъ на основаніи подробнаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ преступленій. Такъ, по преступленіямъ про-

тивъ собственности по общему правилу холостые и незамужнія даютъ осужденныхъ болѣе состоящихъ въ бракѣ, но молодыя жены 18—21 лѣтъ и молодые мужья 18—21 г., 21—25 и 25—30 лѣтъ осуждаются за кражи чаще холостыхъ и незамужнихъ тѣхъ же возрастовъ. Такимъ образомъ подчеркиваніе значенія экономическаго фактора, сдѣланное проф. Колаянни въ объясненіи вліянія брака, какъ будто имѣетъ свою силу не для всѣхъ возрастныхъ группъ. Въ дѣйствительности обнаружившаяся большая преступность противъ собственности молодыхъ супруговъ только подтверждаетъ правильность теоріи Колаянни: браки въ такіе молодые годы, какъ 15—18 л. для женщины и указанные три возрастные періода для мужчинъ, имѣютъ мѣсто обыкновенно среди рабочаго класса, среди крестьянъ. Болѣе состоятельные слои имѣютъ болѣе дальній брачный возрастъ. Отмѣчая этотъ фактъ, амстердамскій криминалистъ Бонгеръ указываетъ, что вступленіе малоимущаго въ бракъ еще болѣе отягчаетъ его экономическое положеніе и вызываетъ поэтому повышеніе его имущественной преступности. Но и такіа преступленія противъ личности, какъ тѣлесныя поврежденія и оскорбленія, совершаются женатыми и замужними чаще холостыхъ и дѣвицъ по всѣмъ возрастнымъ группамъ. Повышенная преступность здѣсь женатаго и замужней настолько значительна, что исключаетъ всякія сомнѣнія въ ихъ особой наклонности къ оскорбленіямъ и дракамъ. Она объясняется именно семейностью: жизнь и всѣ интересы отца и матери семейства или даже бездѣтныхъ супруговъ переплетаются съ интересами ихъ семьи; въ частности изъ-за дѣтей возможны особенно частыя столкновенія ихъ родителей. Въ то время, когда холостой стоитъ въ своей жизни въ значительной степени особнякомъ, охраняя только самого себя, стоящіе во главѣ семьи мужъ и жена являются защитниками всѣхъ членовъ семьи: они принимаютъ и отражаютъ удары, направленные и противъ ихъ семейныхъ.

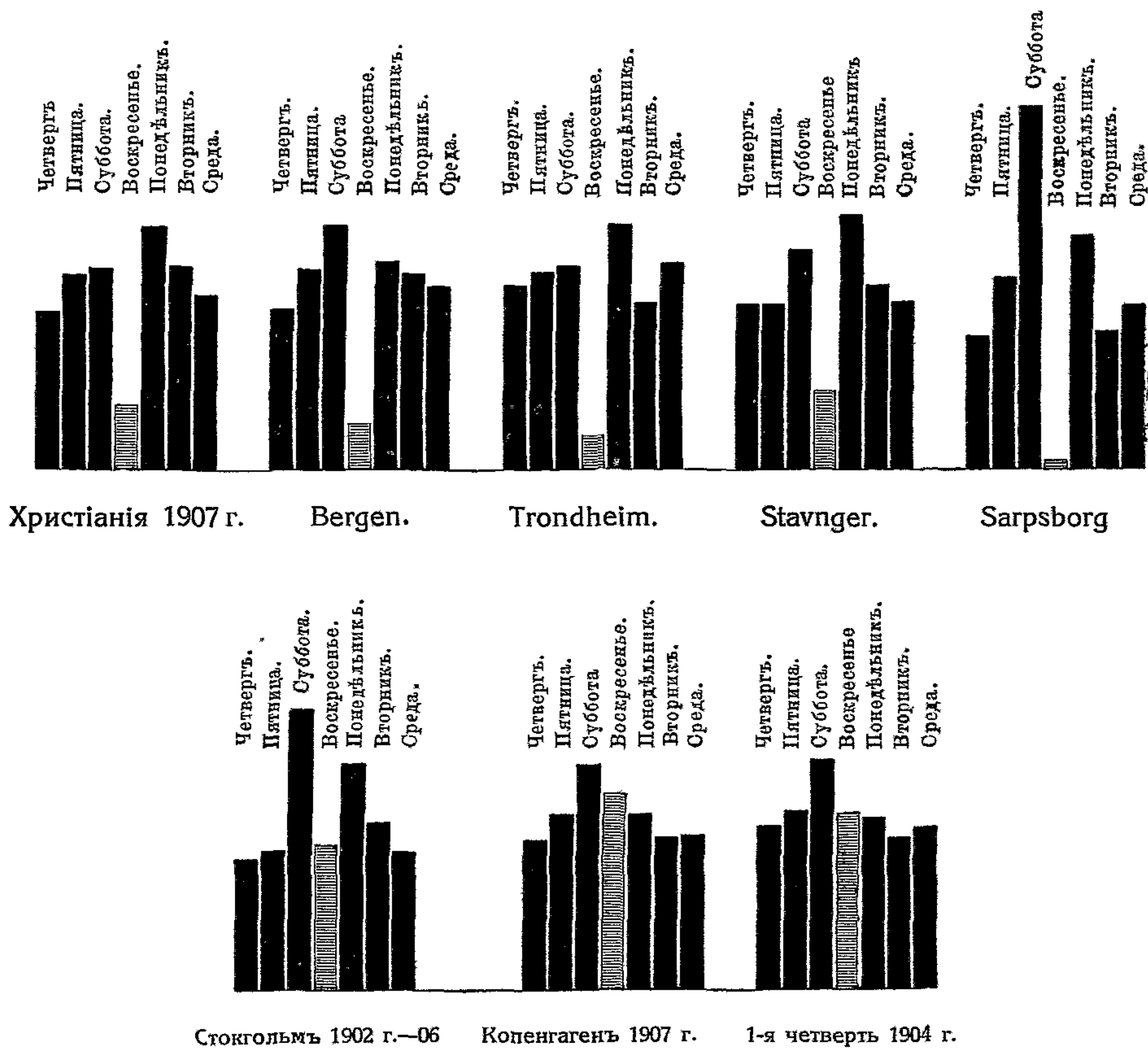
Неожиданнымъ явилось также и открытіе, что женатые и замужнія чаще холостыхъ занимаются сводничествомъ; женатые также чаще холостыхъ оказывались виновными въ кровосмѣшеніи и въ злоупотребленіи властью для склоненія женщины къ незаконной связи. Но сопротивленіе властямъ, убійства совершаются чаще холостыми. Должна быть также отмѣчена остающаяся, однако, болѣею частью необъяснимой весьма высокая преступность по всѣмъ группамъ вдовыхъ и разведенныхъ, какъ мужского, такъ и женскаго пола. Она всегда превышаетъ преступность состоящихъ въ бракѣ, а также холостыхъ и незамужнихъ. Въ литературѣ указывалось, что смерть одного изъ супруговъ должна ухудшать въ большинствѣ случаевъ положеніе другого: онъ часто теряетъ не только экономическую опору, но и моральную поддержку. Но отмѣчалось также, что германская статистика, не раздѣляющая преступность вдовыхъ отъ разведенныхъ, лишаетъ возможности сдѣлать твердые выводы.

Русскій авторъ Заменгофъ въ одной изъ своихъ работъ указалъ на необходимость изученія не только вліянія на преступность брачнаго состоянія, но и размѣра семьи, т.-е. числа дѣтей въ семьѣ. Русская и сербская уголовная статистика обладаютъ свѣдѣніями о числѣ осужденныхъ, состоящихъ въ бракѣ бездѣтнымъ и съ дѣтьми, и русская статистика знаетъ даже три рубрики: „состоящіе въ бракѣ бездѣтнымъ“, „въ бракѣ имѣющіе одного ребенка“ и „имѣющіе двухъ и болѣе дѣтей“. Основная мысль названнаго автора—та, что бракъ, сопровождающійся имѣніемъ дѣтей, является морализующею силою. Однако, недостатки общей русской статистики, помѣшавшіе автору поставить данныя уголовной статистики въ связь съ населеніемъ, и невозможность учесть вліяніе возрастныхъ группъ не позволяютъ признать его выводы несомнѣнными.

Алкоголизмъ и преступность. Относительно громаднaго значенія потребленія алкоголя для роста преступности ни у кого не существуетъ въ настоящее время сомнѣній. Несмотря на весьма значительную литературу вопроса и на удѣленіе большого вниманія ему различными международными и мѣстными конгрессами, обогащеніе литературы монографіями и статьями не прекращается. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ новѣйшія работы, не претендуя на выясненіе какой-либо оригинальной точки зрѣнія, ставятъ себѣ задачею разсмотрѣніе пьянства и преступности въ какомъ-либо опредѣленномъ городѣ. Таковы работы Ланге относительно Цюриха, Григорьева о Петроградѣ, Ашаффенбурга и Фертига о Гейдельбергѣ, Курце относительно г. Вормса, Шарфенберга относительно Христіаніи и другихъ четырехъ городовъ Норвегіи.

Въ изслѣдованіи вліянія алкоголизма на преступность различаютъ двѣ стороны: вліяніе хроническаго пьянства и совершеніе преступленія въ состояніи опьяненія. Справедливо обращается вниманіе также и на значеніе алкогольной наслѣдственности. Авторамъ первыхъ по времени изслѣдованій приходилось пользоваться не всегда вполне совершенными методами. Уголовно-статистическіе отчеты далеко не во всѣхъ странахъ собирали соотвѣтствующій цифровой матеріалъ. Въ настоящее время, впрочемъ, собраніе этихъ свѣдѣній входитъ въ программу уголовно-статистическихъ карточекъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ ранѣе ими не интересовались (напримѣръ, Россія), и эти данныя относительно Россіи уже нашли себѣ обработку (Тарновскій, Берманъ и др.). За неимѣніемъ точнаго цифрового матеріала авторы первыхъ работъ принуждены были обращаться къ собранію свѣдѣній анкетнымъ путемъ посредствомъ опроса самихъ преступниковъ или тюремнаго начальства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удавалось, впрочемъ, собрать и такимъ путемъ большой цифровой матеріалъ. Напримѣръ, Бэръ („Der Alkoholismus“) далъ цифры относительно 30.041 преступника, содержащихся въ 49 каторжныхъ тюрьмахъ и 21 исправ. домѣ и въ 32 обыкно-

венныхъ тюрьмахъ. Несмотря на допустимое и вполне понятное стремленіе арестантовъ скорѣе дать отрицательные отвѣты на вопросы объ ихъ алкоголизмѣ, Бэръ и другіе авторы въ подобныхъ же случаяхъ получали въ итогѣ громадный процентъ алкоголиковъ (напримѣръ, Бэръ 43,9% подверженныхъ пьянству). При обсужденіи въ 1900 г. международнымъ тюремнымъ конгрессомъ соотношенія между преступностью и пьянствомъ процентъ алкоголиковъ среди преступниковъ былъ опредѣленъ представителями различныхъ національностей въ одинаково большихъ цифрахъ. Такъ, Мольго—59%,

Аресты за пьянство. Въ пяти первыхъ норвежскихъ городахъ въ воскресные дни нѣтъ продажи спиртныхъ напитковъ, въ Стокгольмѣ продажа въ праздничные дни ограничена, а въ Копенгагенѣ свободна.

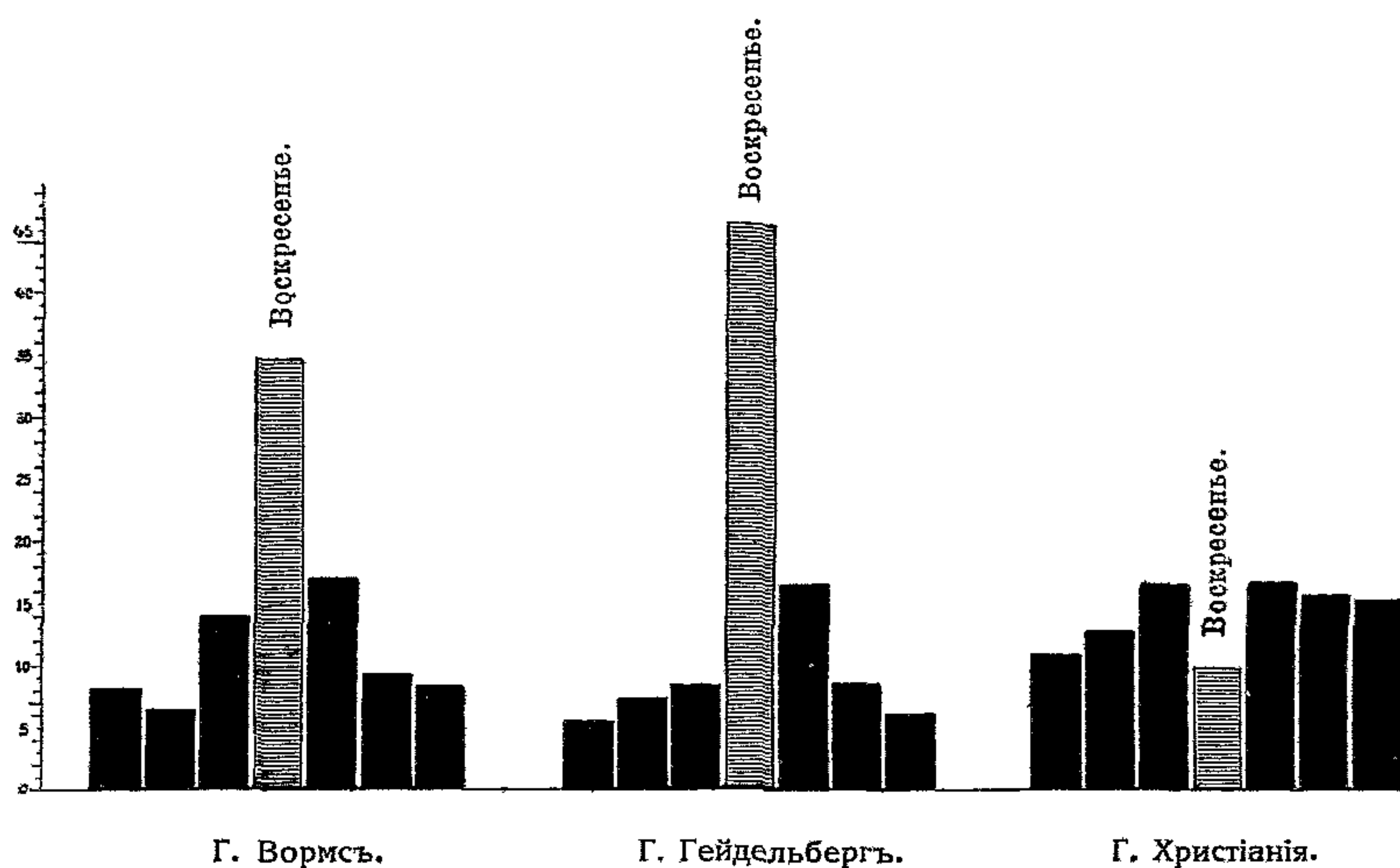
Марамба—64%, Сюльванъ—60% (Англія), Бакеръ—55—60%, Шафротъ—42% (Швейцарія), Визилгрень—74,8% (Швеція). При выясненіи значенія алкоголизма при совершеніи отдѣльныхъ преступленій было доказано, что его роль особенно велика по преступленіямъ: тѣлесныя поврежденія, половыя посягательства (Піонтковскій, „Роль алкоголизма въ этиологіи преступленія“, Кулишеръ, „Пьянство и преступность“ и др.). Эти преступленія совершаются въ состояніи опьянѣнія чаще, чѣмъ другія. Но даже и такія преступленія,

какъ кража, для совершенія которыхъ требуется ловкость, неизвѣстная пьяному, даже и они связаны съ алкоголизмомъ, такъ какъ среди преступниковъ противъ собственности оказался значительный процентъ привычныхъ пьяницъ.

Съ методологической стороны остроумнымъ доказательствомъ вліянія потребленія алкоголя на преступность является выясненіе дней недѣли, въ которые были совершены преступленія (тѣлесныя поврежденія). Въ Гейдельбергѣ, по изслѣдованію К ю р ц е, оказалось, что изъ 261 случая названныхъ преступленій 124 были совершены въ воскресенье, 54 въ понедѣльникъ, 20 въ субботу. По подсчету А ш а ф ф е н б у р г а на воскресенье пришлось 254 преступленія, понедѣльникъ—125, субботу—103, а на остальные дни отъ 48 до 69 преступленій. Л а н г ъ опредѣлилъ, что въ Цюрихѣ на воскресенье пришлось 60 тѣлесныхъ поврежденій, а на остальные дни недѣли отъ 10 до 22. Объясненіе этому надо искать въ большомъ потребленіи алкоголя въ праздничный день, когда часть населенія проводитъ свободное время въ трактирахъ, пивныхъ и кабакахъ. Повышеніе преступности выпадаетъ также, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, на субботу и понедѣльникъ, но въ субботу обыкновенно получается и часто пропивается недѣльный заработокъ, а въ понедѣльникъ происходитъ опохмеленіе послѣ воскреснаго пьянства. Блестящее подтвержденіе правильности такого объясненія было дано норвежцемъ Ш а р ф е н б е р г о м ъ въ его работѣ о значеніи запрещенія продажи спиртныхъ напитковъ въ воскресные и праздничные дни („Der Einfluss des Alkoholverbotes“ 1912). Авторъ поставилъ своею задачею выяснить, какъ распредѣляются по днямъ недѣли проступки пьянства и тѣлесныя поврежденія въ различныхъ городахъ Норвегіи, гдѣ былъ изданъ законъ, запретившій продажу спиртныхъ напитковъ въ воскресные и праздничные дни. Авторъ даетъ въ своей работѣ интересную діаграмму относительно Христианіи за 1907 г. въ 365 столбцовъ соотвѣтственно числу дней въ году, наглядно показывающую ежедневно число арестовъ за проступки пьянства: въ ней наименьшіе по высотѣ столбцы всегда приходятся на праздничные и воскресные дни (см. діагр. на стр. 407).

Такимъ образомъ, вслѣдствіе запрещенія продажи спиртныхъ напитковъ въ воскресенье, этотъ день изъ самага преступнаго сталъ самымъ спокойнымъ. Авторъ привелъ діаграмму, устанавливающую этотъ же законъ и относительно распредѣленія по днямъ недѣли тѣлесныхъ поврежденій (см. діагр. на стр. 409). Но изъ діаграммъ нельзя не видѣть, что день передъ воскресеньемъ и послѣ него отличаются и въ Норвегіи высокою преступностью. Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что послѣдовавшее въ Россіи послѣ начала войны запрещеніе торговли водкою, винами и пивомъ отразилось самымъ благопріятнымъ образомъ на преступности. Ея пониженіе уже было подтверждено судебными дѣателями по нѣсколькимъ городамъ, но офиціальныя свѣдѣнія еще не опубликованы.

Грамотность и преступность. Относительно соотношенія между грамотностью и преступностью существует большое разнообразіе мнѣній. Представители моральной статистики придавали школьному образованію благотворное значеніе фактора, удерживающаго отъ преступности. Большое число неграмотныхъ въ населеніи начала XIX вѣка и внушительные размѣры преступности ставились въ причинную зависимость. Теперь, когда безграмотные почти совершенно исчезли въ нѣкоторыхъ странахъ, а преступность достигла небывалой высоты, стали высказываться прямо противоположныя мнѣнія: такъ, по словамъ Ашаффенбурга, общее поднятіе уровня образованія особенно въ рамкахъ программы народной школы никакого замѣтнаго вліянія на преступность оказать не можетъ. Еще далѣе зашелъ Ломброзо, заявившій, что элементарное умственное развитіе дѣйствуетъ на міръ преступника

Тѣлесныя поврежденія по днямъ недѣли. Въ Вормсѣ и Гейдельбергѣ въ воскресные дни торговля спиртными напитками свободна, а въ Христианіи—запрещена.

безусловно вредно, такъ какъ даетъ преступнику въ руки новыя средства совершенія преступленій. Этотъ авторъ даже приписалъ значеніе фактора повторной преступности наблюдаемому теперь повсемѣстно факту устройства школъ въ тюрьмахъ. Мнѣніе главы уголовно-антропологической школы не нашло себѣ полной поддержки. Но сторонники моралистическаго направленія не разъ подчеркивали, что отсутствіе религіознаго воспитанія при обученіи грамотности не даетъ настоящаго образованія и не можетъ быть надежнымъ средствомъ въ борьбѣ съ преступностью. Въ итальянской литературѣ было высказано рѣшительное осужденіе точки зрѣнія Ломброзо сторонникомъ социалистическаго крыла Колаянни, считающимъ, что между безграмотностью и убійствомъ въ Италіи существуетъ прямое соотношеніе, нарушаемое только по исключенію небольшими коле-

баніями. Но онъ же считаетъ, что соотвѣтствіе между безграмотностью и убійствами обнаруживается съ „изумительною очевидностью“ и по другимъ государствамъ Европы и Америки, гдѣ наибольшее число убійць приходилось на національности съ наибольшимъ числомъ безграмотныхъ (Colajanni, „La Revue socialiste“ 1901).

Среди эмигрировавшихъ въ Америку приходилось:

Откуда эмигрировали.	Убійство.	Безграмотные.
	%	%
Швеція, Норвегія, Данія	5,8.	0,42.
Германія	9,7.	0,57.
Англія и Шотландія	10,4.	2,50.
Австрія	12,2.	16,73.
Ирландія	17,5.	41,65.
Франція	27,4.	43,60.
Италія	58,1.	51,77.

Что касается Италіи, то въ ней Колаянни видитъ послѣдовательное измѣненіе числа грамотныхъ и преступниковъ почти по всѣмъ провинціямъ. Но, указывая на швейцарскій кантонъ Тессинъ съ небольшимъ числомъ убійствъ и высокою грамотностью, названный авторъ подчеркиваетъ также и особенности политическаго строя этого кантона. Такимъ образомъ здѣсь выдвигается на ряду съ образованіемъ значеніе и другого фактора. Въ русской литературѣ и было энергично защищаемо мнѣніе (Заменгофъ, „Грамотность и преступность“), что грамотность не находится въ причинной связи ни съ общей, ни съ имущественной преступностью, ни даже съ преступленіями противъ личности. Грамотность, завися отъ разнообразныхъ сторонъ жизни народа, служитъ не факторомъ преступности, а тѣмъ или другимъ показателемъ опредѣленныхъ отношеній, вызывающихъ преступность. Въ поясненіе этой мысли можно указать, съ одной стороны, на большой процентъ грамотныхъ среди политическихъ преступниковъ въ Россіи и на большой процентъ безграмотныхъ среди скопцовъ тутъ же. И въ первомъ и во второмъ случаѣ грамотность и безграмотность среди осужденныхъ лишь показываютъ двѣ оборотныя стороны культуры, но не позволяютъ сказать, что безграмотность толкаетъ въ секту скопцовъ; точно такъ же исчезновеніе безграмотныхъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ отнюдь не привело къ росту политической преступности.

Но въ одномъ отношеніи среди криминалистовъ нѣтъ сомнѣній. Они всѣ сходятся въ признаніи пагубнаго вліянія лубочной литературы и большинства кинематографическихъ сеансовъ на подрастающее поколѣніе. Этотъ вопросъ уже имѣетъ свою литературу (таковы работы Helwig, Hess, Pgoal, Зака, Гомбургера). Введеніе дѣтскихъ судовъ дало возможность собрать матеріалы для выясненія, каково вліяніе лубочной литературы и кинематографа спеціально въ области дѣтской преступности. Чтеніе похощеній сыщиковъ, знакомство по

этой литературѣ съ міромъ кровавыхъ преступленій приводитъ юнца къ подражанію жестокимъ героямъ романа значительно чаще, чѣмъ это думали. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ было установлено точное воспроизведеніе юными читателями Холмса и другой подобной литературы преступленій, описанныхъ ими. Такъ, въ Москвѣ домовладѣльцами были получены письма съ требованіями доставить подъ угрозой смерти деньги. Полиціей былъ задержанъ вымогатель, оказавшійся совсѣмъ юнцомъ; въ его карманѣ былъ найденъ выпускъ похожденій сыщика съ описаніемъ того самаго преступленія, которое онъ самъ совершалъ, а письмо съ угрозами смертью оказалось точной копіей одной изъ страничекъ найденной при мальчикѣ книжки. Еще болѣе тяжелый случай такого же вліянія литературы былъ установленъ судебнымъ разбирательствомъ въ Елизаветградѣ. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли четыре мальчика 14—17 лѣтъ, обвинявшіеся въ убійствѣ. Прочтя рассказъ о „клубѣ шантажистовъ“, они организовали свой „клубъ бомбистовъ“. Такъ же, какъ и юный московскій вымогатель, они списали изъ книжки письмо къ домовладѣльцамъ Елизаветграда съ требованіемъ отъ нихъ денегъ подъ угрозой смерти (они подписывали письмо такъ: „клубъ бомбистовъ Царь Ночи № 6“). Когда требованіе о доставкѣ денегъ не было исполнено, угроза убійствомъ была приведена въ исполненіе: юнцы убили двухъ мальчиковъ—сыновей домовладѣльцевъ. Рядъ случаевъ сходнаго вліянія литературы на совершеніе преступленія даетъ французскій авторъ Гессъ (Hesse, „Les criminels peints par eux-mêmes“).

Вопросъ о вліяніи современнаго кинематографа на преступность былъ разработанъ при помощи анкетнаго метода въ нѣмецкой литературѣ Гельвигомъ, а въ русской Закомъ („Кинематографъ и дѣтская преступность“). На кинематографы, „занявшіе площади и улицы городовъ и повсюду зажегшіе свои яркіе, побѣдные огни, со слетающеюся на нихъ и гибнущею довѣрчивою юностью“, твердо установился взглядъ, какъ на могущественный факторъ преступности. Увлеченіе кинематографомъ приняло характеръ эпидеміи. О ея размѣрахъ свидѣлствуютъ итоги произведенныхъ анкетъ. Въ Іенѣ за семь недѣль перебивало въ кинематографѣ 63,6% обследованнаго числа школьниковъ, а въ Москвѣ изъ 1123 дѣтей 14 школъ 40,9% отвѣтили, что предпочитаютъ кинематографъ книгѣ, потому что тамъ, по ихъ словамъ, „все представляется въ живности“, потому что „кинематографъ представляетъ самую жизнь, а книга—только рассказъ про нее“. Подборъ картинъ кинематографа, то пошлыхъ, то кровавыхъ, показываетъ ребенку жизнь самыми ея отрицательными сторонами и накладываетъ свою печать на сердце и умъ ребенка. Дѣтскій судья г. Магдебурга, по сообщенію Гельвига, полагаетъ, что около $\frac{1}{4}$ проступковъ дѣтей, представшихъ впервые передъ судомъ, такъ или иначе связаны съ вліяніемъ кинематографа. Большое вліяніе кинематографа на преступность установлено въ Москвѣ Закомъ, справедливо указывающимъ, что съ кине-

матографомъ надо бороться кинематографомъ же: опыты, произведенные въ этомъ направленіи въ Москвѣ городскимъ самоуправленіемъ, даютъ хорошіе результаты, такъ какъ такіе сеансы сразу же привлекли къ себѣ симпатіи дѣтей. Часть дѣтей, какъ показала анкета, даже признали за городскимъ кинематографомъ преимущество.

Преступленія въ войскахъ. Несомнѣнно, что изслѣдованіе преступности въ войскахъ представляетъ большой теоретическій интересъ и важное практическое значеніе.

Армія является въ государствѣ совершенно особою организаціей. Въ нее входятъ люди какъ разъ того самаго возраста (21—25 лѣтъ), который даетъ во всѣхъ странахъ большой процентъ осужденныхъ. Жизнь войска проходитъ въ мирное время замкнутою въ казармахъ по точно установленному распisanію. Громадной массѣ этой арміи—нижнимъ чинамъ—не приходится заботиться о заработкѣ, такъ какъ казна беретъ на себя ихъ содержаніе. Общеніе съ людьми внѣ казармы крайне ограничено, а внутри нея оно совершается по заранее опредѣленнымъ правиламъ и выливается при общеніи старшихъ чиновъ съ подчиненными въ такія формы короткихъ отвѣтовъ, лаконическихъ приказовъ, которыя стираютъ всякую индивидуальность отдѣльныхъ случаевъ общенія и дѣлаютъ ихъ шаблонными. При изслѣдованіи преступности въ войскахъ не слѣдуетъ также упускать изъ вниманія, что въ армію нѣтъ доступа лицамъ, осужденнымъ судами за болѣе серьезныя преступленія, т.-е. войско въ отношеніи прежней судимости высшихъ и низшихъ чиновъ занимаетъ очень благопріятное мѣсто среди отдѣльныхъ профессій. Все сказанное должно оказывать вліяніе на качественную и количественную сторону преступности въ войскѣ. Возможныя измѣненія этой преступности по отдѣльнымъ годамъ, при тождествѣ казарменной жизни изъ года въ годъ, ставятъ вопросъ о факторахъ такихъ измѣненій и о вліяніяхъ, привходящихъ извнѣ.

Въ русской литературѣ на практическую важность изученія факторовъ преступности въ арміи справедливыя указанія дѣлалъ Савченко, авторъ работы „Значеніе и способы организаціи военно-уголовной статистики“ (1913 г.). Такое изученіе поможетъ „въ дѣлѣ познанія и воспитанія арміи изслѣдовать ея болѣзнь и, зная условія, въ которыхъ она живетъ, указать причины послѣдней“.

Несмотря на всю необходимость изслѣдованій преступности въ войскѣ, ихъ почти не имѣется. Причину этого надо искать частью въ несовершенствахъ организаціи военно-уголовной статистики, частью въ полномъ ея отсутствіи или въ позднемъ ея появленіи (такъ, военно-германская уголовная статистика собираетъ свѣдѣнія лишь съ 1 янв. 1901 г.). Попытки ея изученія были сдѣланы Dietz'емъ въ Германіи („Die Militärstrafrechtspflege“), Берманомъ и Савченко въ Россіи и Согге'омъ во Франціи („La criminalité militaire“).

Сравненіе преступности по отдѣльнымъ странамъ не всегда представляется возможнымъ, такъ какъ организація военно-уголов-

ной статистики въ нихъ не одинакова (напримѣръ, въ Россіи свѣдѣнія собираются по военнымъ округамъ, а въ Германіи—по корпусамъ). Но нѣкоторыя различія бросаются въ глаза. По вычисленіямъ Бермана („Дѣятельность военно-окружныхъ и полковыхъ судовъ“), число военно-судныхъ дѣлъ (по всѣмъ военнымъ округамъ) колебалось въ періодъ 1901—1909 гг. между 3.782 (1901 г.) и 9.199 (въ 1908 г.), но сюда вошли дѣла и о лицахъ гражданскаго вѣдомства, составившихъ въ 1901 г. 1,1% всего количества привлеченныхъ, въ 1906 г.—9,3, въ 1907 г.—13,8, 1908 г.—20,4, 1909 г.—17,7. Если принять во вниманіе численность войска, отношеніе преступности въ войскахъ къ общему количеству войска было: въ 1901 г.—1:81,0, въ 1902 г.—1:73,0, въ 1903 г.—1:73,3, въ 1904 г.—1:78,8, въ 1905 г.—1:31,2, въ 1906 г.—1:35,1, въ 1907 г.—1:35,5, въ 1908 г.—1:36,5 и въ 1909 г.—1:29,8, а среди офицеровъ эти отношенія колебались въ предѣлахъ 1:538,3 (въ 1901 г.) и 1:139,9 (въ 1907 г.). Савченко даетъ таблицу осужденныхъ во Франціи. Здѣсь одинъ осужденный приходился на слѣдующія числа списочнаго состава:

	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903
Офицеры	2163	3495	3511	5780	4161	7345	4164	16243	3348	5659
Вольноопр.	53	54	56	60	63	63	84	77	70	69
Призывные	195	205	209	224	267	282	260	282	232	265
Сверхсрочн.	153	116	112	116	127	170	210	260	195	265

Въ то время какъ въ двухъ названныхъ странахъ и особенно въ Россіи колебанія преступности совершались въ весьма большихъ предѣлахъ, въ Германіи замѣчалось постоянство числа осужденныхъ. Такъ, въ 1901—1907 гг. было осуждаемо въ годъ за воинскія преступленія отъ 7314 до 8375, а за общія преступленія отъ 5160 до 5964.

Преступленія въ войскахъ распадаются на двѣ группы: 1) чисто-воинскія и 2) обще-уголовныя. Въ первую группу входятъ нарушенія воинской дисциплины, оскорбленія начальниковъ и подчиненныхъ, побѣги и пр., а во вторую—преступленія государственныя, религіозныя, имущественныя и др., предусмотрѣнныя обще-уголовными кодексами.

Оказаніе неуваженія начальству, оскорбленія, неисполненіе приказа начальства дали въ 1901 г. 17,6%, рѣзко повысившись въ 1905—1907 г.—27%, 38,1% и 42,8%, они также рѣзко упали въ 1908 г. до 28,3% и даже до 24,7% въ 1909 г. Во Франціи и Германіи это преступленіе не испытывало рѣзкихъ колебаній и давало во французской арміи (1888—1906 г.) 21,14—23,56% на сто воинскихъ преступленій, а въ германской арміи (1905—1907 г.) 22,6—23,1% осужденныхъ за воинскія преступленія.

Однимъ изъ распространенныхъ воинскихъ преступленій является побѣгъ со службы и недозволенное отсутствіе. Во Франціи оба преступленія значительно возросли, и первое поднялось съ 17,58% (1888—1892 г.) до 25,98% (1903—1906 г.), а второе съ 16,35%

до 20,01%. Въ германской арміи оба преступленія исчислялись значительно меньшими цифрами и оба понижались (1907 г. побѣгъ — 8,7%, а недозволенное отсутствіе — 10,8%). Наоборотъ, въ Россіи цифры побѣга рѣзко мѣнялись: въ 1904 г. — 13%, а въ 1905 г. — 30%. Вліяніе революціоннаго времени, несомнѣнно, сказалось и на этомъ преступленіи.

Показателями положенія солдата въ арміи являются до нѣкоторой степени свѣдѣнія объ осужденіяхъ начальниковъ за противозаконное обращеніе ихъ съ подчиненными. Эти свѣдѣнія имѣются въ германской статистикѣ. Они показываютъ, что начиная съ 1901 г. число осужденныхъ безостановочно уменьшалось и къ 1907 году уменьшилось сравнительно съ 1901 г. вдвое (вмѣсто 12,7 осужденныхъ на 10.000 чел. — 6,3). Среди осужденныхъ большинство унтеръ-офицеры (напримѣръ, въ 1905 г. — 26 офицеровъ, 333 унтеръ-офицера и 31 ефрейторъ). Сравненіе числа потерпѣвшихъ съ числомъ осужденныхъ всегда показываетъ, что первое значительно превышаетъ второе. Другими словами, начальникъ попадаетъ на скамью обвиняемыхъ лишь послѣ многократныхъ случаевъ злоупотребленія своею властью.

Отношеніе между общими и воинскими преступленіями было въ Россіи, съ одной стороны, а въ Германіи и во Франціи, съ другой, такъ же различно, какъ и погодное колебаніе преступности въ названныхъ странахъ. Такъ, въ Германіи и во Франціи это отношеніе оставалось изъ года въ годъ почти одинаковымъ, а въ Россіи оно рѣзко мѣнялось. Въ Германіи среди войска особенно, сравнительно съ Россіей и Франціей, развита общая преступность: она почти равна воинской, такъ какъ изъ каждой сотни осужденныхъ (1901—1906 гг.) было отъ 41,3 до 43,4% приговорено за общія преступленія и 56,6—58,7% за воинскія. Во Франціи же (1888—1906 гг.) на сто обвиняемыхъ въ войскахъ было только 14,32 — 15,69% обвиняемыхъ за общія преступленія и 84,31 — 85,68% за воинскія. Наоборотъ, въ Россіи (1901—1909 г.) указанное отношеніе рѣзко мѣнялось какъ въ преступности офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ: среди ста обвиненныхъ офицеровъ число осужденныхъ за общія преступленія колеблется по отдѣльнымъ годамъ между 28,2 — 38,3, а среди нижнихъ чиновъ 17,7 — 38,6%. Берманъ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ интересную особенность: „въ тѣ годы, когда общая преступность среди лицъ офицерскаго званія повышается за счетъ воинскихъ преступленій, тамъ среди нижнихъ чиновъ, какъ разъ наоборотъ, замѣтно увеличеніе воинскихъ преступленій. Явленіе это становится особенно интереснымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что особенно рѣзко оно выражается въ годы 1905, 1906 и 1907“. Авторъ объясняетъ увеличеніе воинскихъ преступленій нижнихъ чиновъ въ революціонные годы тѣми же причинами, которыя оказывали свое могущественное вліяніе на всю преступность нашей страны: струя преступности нижнихъ чиновъ питалась воинскими преступленіями

въ эти годы болѣе, нежели въ другіе, потому, что эти преступленія были протестомъ противъ условій жизни солдата. Наоборотъ, офицерство, „аристократія арміи“, отвѣтило особенно въ 1905 г. пониженіемъ воинскихъ преступленій—оно было защитникомъ господствовавшего строя. Такое объясненіе можно принять лишь, поскольку оно касается солдатъ, но не офицеровъ, такъ какъ и у нихъ въ 1906 и 1907 г. были наибольшія числа осужденій за нарушенія воинскаго чинопочитанія и за государственныя преступленія. Разсмотрѣніе отдѣльныхъ преступленій солдатъ подтверждаетъ правильность сдѣланнаго предположенія.

Что касается обще-уголовныхъ преступленій въ войскахъ по тремъ названнымъ странамъ, то распредѣленіе въ каждомъ государствѣ имѣетъ свои особенности. Хотя подробное сравненіе въ этомъ отношеніи не представляется возможнымъ по различію цифрового матеріала и по способамъ его собиранія, однако въ германскихъ войскахъ мы видимъ замѣтное преобладаніе преступленій противъ личности, особенно нанесеніе ранъ и тѣлесныя поврежденія, во французскихъ—имущественныхъ преступленій, а въ русскихъ—при сильно развитой имущественной преступности мы встрѣчаемся съ участіемъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ политической и религіозной преступности, неизвѣстнымъ на Западѣ. Эти цифры военно-уголовной статистики показываютъ, что, несмотря на условія казарменной жизни, преступность въ русскомъ войскѣ и во всей Россіи сходны между собою, что, слѣдовательно, допустимо предположеніе о дѣйствіи въ обоихъ случаяхъ однихъ и тѣхъ же факторовъ, что общее положеніе страны отражается въ положеніи арміи.

Вліяніе войнъ на преступность. Въ криминалистической литературѣ дѣлались попытки выяснить вліяніе войнъ на движеніе преступности, но авторамъ этихъ попытокъ приходилось ограничиваться слишкомъ отрывочными замѣчаніями и останавливаться передъ трудностью разрѣшенія поставленной проблемы. Трудности разрѣшенія вопроса о вліяніи войны на движеніе преступности лежатъ не только въ недостаткахъ точнаго цифрового матеріала, но часто и въ невозможности выяснить, явилось ли измѣненіе преступности слѣдствіемъ войны или оно порождено какими-либо другими причинами. Какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, русская литература по этиологіи преступленія удѣлила намѣченному вопросу такое вниманіе въ недавней работѣ Е. Н. Тарновскаго („Вліяніе войнъ на движеніе преступности“, „Жур. Мин. Юст.“, 1915 г., № 6), какое не удѣлялось ему въ иностранной. Авторъ останавливается въ своемъ изслѣдованіи на вліяніе во Франціи крымской войны 1853—1856 гг., трехмѣсячной войны Франціи съ Австріей въ 1859 г., С.-Американской междоусобной войны 1861—1864 гг., войны Пруссіи и Австріи съ Даніей въ 1864 г., Пруссіи съ Австріей въ 1866 гг., франко-прусской войны 1870—1871 гг., испанско-американской 1898 г., англо-бурской 1899—1902 гг. и русско-японской 1904—1905 гг.

Изъ названныхъ войнъ до 1870 г. междоусобная американская война даетъ возможность сдѣлать выводъ о вліяніи ея на несомнѣнное уменьшеніе преступности, но не позволяетъ открыть причины этого.

Такое же уменьшеніе наблюдалось и при нѣкоторыхъ другихъ войнахъ. Въ прусско-австрійской войнѣ 1866 г. наблюдалось въ Пруссіи уменьшеніе числа вновь поступившихъ дѣлъ на 4⁰/₀. Оно было тѣмъ болѣе неожиданнымъ, что въ предшествующіе годы наблюдалось повышеніе возникшихъ слѣдствій на 10⁰/₀, въ годъ войны былъ неурожай, цѣны на хлѣбъ возросли, а внутреннее политическое состояніе было тяжелымъ, такъ какъ обострились разногласія между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. Наоборотъ, въ Австріи было отмѣчено увеличеніе преступности. Нѣмецкій изслѣдователь Штарке и русскій Тарновскій подчеркиваютъ значеніе въ данномъ случаѣ моральнаго фактора—патріотическаго воодушевленія, сознанія всеобщаго объединенія въ Пруссіи и отсутствіе этого фактора въ Австріи съ ея пестрымъ разноплеменнымъ населеніемъ. Тарновскій признаетъ, что значеніе этого моральнаго фактора объединенія „должно быть слабѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда не существовало достаточныхъ условій для развитія внутренняго объединенія и солидарности отдѣльныхъ народностей еще до войны, во время мира“. Такимъ образомъ, здѣсь не безъ основанія указывается уже на значеніе общей внутренней политики, на положеніе въ странѣ различныхъ народностей. Уменьшеніе преступности произошло также въ Пруссіи и Франціи въ 1870—71 гг., въ Греціи въ 1897 г. во время войны ея съ Турціей, въ Японіи—1904—1905 гг., въ Россіи въ Крымскую войну, наоборотъ, войны съ Турціей 1877 г. и съ Японіей 1904—1905 гг. не привели къ уменьшенію преступности въ Россіи, потому что онѣ прошли слишкомъ далеко отъ Россіи и, кромѣ того, по мнѣнію Тарновскаго или были чужды народу (война съ Японіей), или противникъ не внушалъ опасенія (война 1877 г.).

При изслѣдованіи причинъ уменьшенія преступности во время войнъ, прежде всего возникаетъ предположеніе, не лежитъ ли причина такого уменьшенія въ самомъ фактѣ призыва подъ знамена значительной части мужского населенія? Несомнѣнно, что призывъ подъ знамена, измѣняя подсудность призванныхъ гражданскому суду на подсудность военному суду, уменьшаетъ цифры преступности по даннымъ обще-уголовныхъ судовъ. Но уголовная статистика Пруссіи, Франціи, Японіи показываютъ уменьшеніе преступности во время войнъ также среди женщинъ и подростковъ, неподлежащихъ призыву въ войска. Указывалось нѣкоторыми, что уменьшеніе въ годы войны преступности можетъ объясняться ослабленіемъ энергіи дѣятельности слѣдственныхъ и судебныхъ органовъ. Однако этому объясненію противорѣчитъ увеличеніе

дѣлъ по нѣкоторымъ преступленіямъ и въ частности по болѣе мелкимъ, по которымъ требуется для начала преслѣдованія нѣкоторая дѣятельность также и со стороны полиціи.

Но, признавая фактъ уменьшенія преступности во время войнъ, мы не можемъ полностью принять объясненіе такого уменьшенія факторомъ моральнаго порядка — ростомъ патріотизма и чувства объединенія. Правильный отвѣтъ можетъ быть данъ лишь на основаніи разсмотрѣнія роста отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній. Указанія на меньшее потребленіе⁴ алкоголя во время войнъ (это доказано цифрами въ франко-прусскую войну какъ по отношенію Германіи, такъ и Франціи) едва ли можетъ указывать на моральный подъемъ. Казалось бы, правильнѣе объяснять паденіе потребленія алкоголя призывомъ части населенія подъ знамена: призывъ въ войска молодого мужского населенія не могъ не ограничить возможность его потреблять спиртные напитки. Что же касается объясненія уменьшенія преступности женщинъ и подростковъ до 16 лѣтъ ростомъ ихъ патріотизма, то трудно допустить, чтобы малолѣтній въ возрастѣ до 16 лѣтъ былъ настолько втянутъ въ интересы государственной и общественной жизни родной страны, что удерживался возросшимъ чувствомъ патріотизма отъ совершенія преступленій. Точно такъ же и женщина, особенно эпохи франко-прусской войны, была слишкомъ отдалена отъ всякаго участія въ общественной жизни, слишкомъ крѣпко прикована къ семейному очагу, чтобы вдругъ вся проникнуться во время войны интересами къ этой политической жизни и стать на недосыгавшуюся ею ранѣе нравственную высоту и, по окончаніи этой войны, опять спуститься до прежняго своего уровня. Мы предполагаемъ, что объясненіе уменьшенія преступности надо искать въ тѣхъ глубочайшихъ измѣненіяхъ, которое несетъ съ собою военное время для всего соціального организма. Призывъ въ войска значительнаго процента работоспособнаго населенія, находящагося въ возрастѣ, особенно склонномъ къ преступленію, долженъ былъ привести къ уменьшенію преступленій, свойственныхъ мужчинамъ этого возраста. Уменьшеніе интенсивности промышленной жизни и вообще торговаго оборота, призывъ въ армію людей, занятыхъ въ промышленности и торговлѣ, должны были повлечь уменьшеніе также числа преступленій, свойственныхъ этому классу, и паденіе числа осужденныхъ изъ этого же класа. Ослабленіе темпа промышленной жизни должно было повести къ уменьшенію участія въ ней также женщинъ и малолѣтнихъ, а мы уже видѣли, что ихъ участіе въ этой жизни несетъ съ собою новыя преступленія. Къ сожалѣнію, названные нами выше авторы не приводятъ свѣдѣній о движеніи по годамъ различныхъ преступленій въ зависимости отъ пола. Однако правильность нашего объясненія уменьшенія преступности все же подтверждается слѣдующею таблицею Штарке и Тарновскаго.

Преступность въ Пруссіи во время войны 1866 г. и
1870 — 1871 гг.

ГОДЪ.	Сопро- тивле- ніе власти.	Нарушеніе обществен. порядка.	Противъ жизни.	Тѣлесн. по- врежденія.	Оскорбле- нія.	Кража.	Обманы и мошенни- чества.
1865	100	100	100	100	100	100	100
1866	99	87	90	88	95	99	99
1867	99	79	104	89	102	117	106
1868	97	83	105	92	108	130	114
1869	102	87	101	102	105	108	110
1870	83	80	96	89	80	95	99
1871	86	67	94	71	63	87	79
1872	105	99	99	90	81	96	86
1873	111	126	107	103	93	91	87
1874	129	168	140	119	114	101	96
1875	147	160	140	121	123	96	103

Изъ приведенной таблицы видно, что въ 1870—71 гг. наибольшее паденіе цифръ уголовной статистики было по преступленіямъ—оскорбленія, тѣлесныя поврежденія, нарушеніе общественнаго порядка, но это именно тѣ преступленія, связь которыхъ съ потребленіемъ алкоголя ясно доказана. Вмѣстѣ съ тѣмъ тѣлесныя поврежденія и нарушеніе общественнаго порядка почти исключительно мужскія преступленія. Уменьшеніе потребленія алкоголя съ отбытіемъ въ армию и уменьшеніе числа мужчинъ, какъ возможныхъ субъектовъ названныхъ преступленій, должны были привести и дѣйствительно привели къ паденію цифръ по указаннымъ выше графамъ таблицы. Наконецъ, высказанное нами предположеніе объ ожидаемомъ уменьшеніи мошенничества также сбылось. Но уменьшились также и кражи, несмотря на повышеніе цѣнъ хлѣба. Однако говорить здѣсь о моральномъ подъемѣ, будто бы вызванномъ войною, было бы рисковано, такъ какъ лѣсныя порубки сильно повысились именно въ 1871 г.

Приведенная таблица показала намъ ростъ послѣ окончанія войны многихъ преступленій и въ частности убійствъ. Значительное повышеніе послѣ войны убійствъ установлено также и во Франціи. Бонгеръ („Criminalité et conditions économiques“, 1905, стр. 573), Aubry („La contagion du meurtre“, 1894, стр. 249), Hamon („Psycho-

logie du militaire professionnel“, 1894, ch. IV), Colajanni (*Sociologia criminale*“, II т., стр. 572), Тарновскій (о. с., 65 стр.) говорятъ о паденіи цѣнности чужой жизни подѣ вліяніемъ войнъ. Опасность роста кровавой преступности грозитъ побѣдителямъ и побѣжденнымъ. Уголовная статистика показала намъ, что только по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ со времени окончанія войны кровавыя преступленія входятъ въ прежнее русло. Но разстройство экономической жизни страны, являющееся часто слѣдствіемъ войны, приводитъ къ увеличенію также имущественной преступности. Такъ, сраженія, законченныя на кровавыхъ поляхъ битвы, эхомъ отдаются на борьбѣ съ преступностью.

Соціализмъ и преступность. Выясненіе соотношенія между распространеніемъ соціализма и ростомъ преступности представляетъ большія методологическія трудности. Первою попыткою въ этомъ направленіи явилась работа Колаянни (*„Socialismo e criminalita“*). Авторъ поставилъ своею задачею провѣрить, правильны ли утвержденія Гарофало, Ломброзо, Цинно и др., что соціалистическая пропаганда ведетъ къ увеличенію преступности. Во французской литературѣ такія же утвержденія были высказаны Жоли и Ростаномъ, указывавшими, что пропаганда атеизма, классовой розни, отрицаніе всякихъ авторитетовъ и призывы соціалистовъ къ борьбѣ рабочаго класса съ работодателями должны неизбежно вести къ росту преступности. Однако ни одинъ изъ названныхъ итальянскихъ и французскихъ авторовъ не пытался представить доказательствъ такого отрицательнаго, по ихъ мнѣнію, вліянія соціализма. Было бы ошибочно искать этихъ доказательствъ въ параллелизмѣ роста общей преступности и соціализма или въ одновременности возрастанія индустріализма и соціализма. Несомнѣнно, что быстро развивающійся индустріализмъ благопріятствуетъ соціалистической пропагандѣ. Безспорна также высокая преступность рабочаго класса. Новѣйшая работа Манеса (*„Capitalismo e criminalita“*, 1912) и докладъ Герца VI уголовно-антропологическому конгрессу (*„La criminalité et les classes populaires des travailleurs“*, стр. 301) снова подтвердили это. Но этимъ еще не устанавливается причинное соотношеніе между ростомъ общей преступности и соціалистическою пропагандою. Наоборотъ, имѣются основанія, заставляющія предполагать возможность обратнаго, т.-е. благопріятное для уменьшенія преступности вліяніе соціализма. Соціалистическая пропаганда всегда приводитъ къ развитію среди рабочихъ взаимопомощи, чувства товарищеской солидарности, къ сплоченности въ борьбѣ за лучшія условія труда, которыя постепенно и достигаются организованными рабочими. Все это улучшаетъ ихъ экономическое положеніе и должно сдерживающе вліять на совершеніе имущественныхъ преступленій. Типичное преступленіе рабочаго класса—стачка—становится крайнимъ оружіемъ, къ которому прибѣгаютъ организованные рабочіе съ большою осмотрительностью. То же самое слѣдуетъ ожидать и относительно поли-

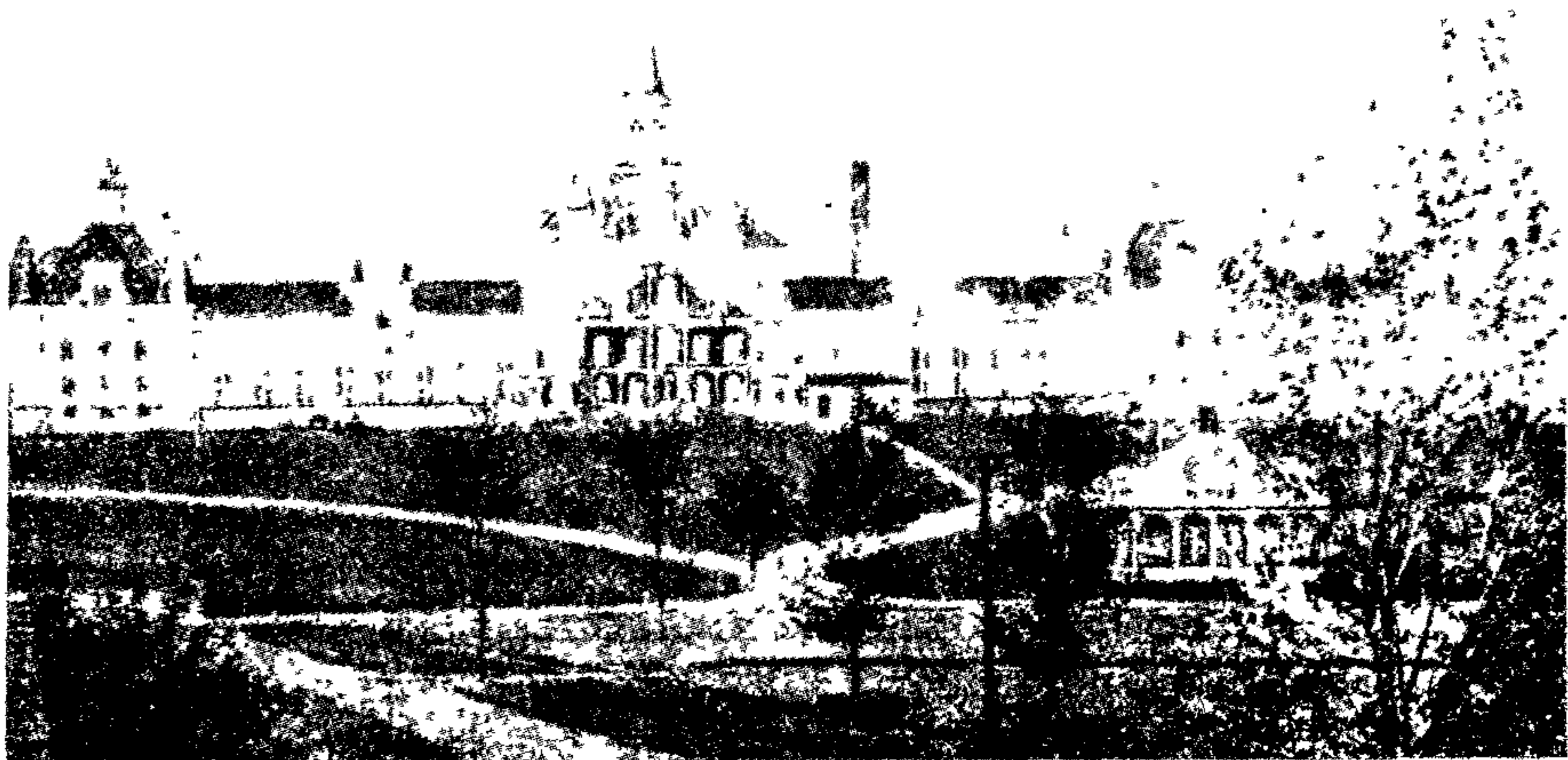
тических выступлений рабочего. Наконец, и выступления против личности должны бы уменьшаться по мѣрѣ успѣховъ, достигаемыхъ соціалистическою пропагандою, такъ какъ поднятiе уваженiя къ человѣческому достоинству, съ одной стороны, а съ другой, борьба соціалистовъ съ алкоголизмомъ неразрывно связаны съ такими успѣхами. Дѣйствительно, статистическое изслѣдованiе Колаянни доказало правильность такихъ предположенiй.

Методъ, которымъ воспользовался для рѣшенiя поставленной задачи Колаянни, не лишенъ недостатковъ.

Авторъ обратился къ сравненiю числа голосовъ, поданныхъ за соціалистическихъ депутатовъ при выборахъ въ Италiи и Германiи по различнымъ избирательнымъ округамъ, съ числомъ осужденныхъ. Но сравниваемая имъ величины различны не только въ изслѣдуемыхъ имъ отношенiяхъ роста соціализма и преступности: различiе наблюдается и въ другихъ направленiяхъ. Такъ, соціализмъ находитъ распространенiе среди лицъ всѣхъ возрастовъ, обоихъ половъ, грамотныхъ и неграмотныхъ, всякаго экономическаго положенiя и пр., между тѣмъ какъ въ выборахъ могутъ участвовать лишь совершеннолѣтнiе мужчины, грамотные и пр. Точно такъ же въ число осужденныхъ входятъ лица обоего пола старше 12 лѣтъ какъ грамотные, такъ и неграмотные. Эти возраженiя противъ метода изученiя влiянiя на преступность соціализма дѣлаетъ и самъ Колаянни, и они нѣсколько ослабляютъ твердость окончательныхъ выводовъ автора, но они весьма осторожны и съ ними нельзя не согласиться. Подробнымъ разсмотрѣнiемъ всей преступности и отдѣльныхъ ея видовъ по избирательнымъ округамъ Италiи и Германiи съ наивысшимъ развитiемъ соціалистической пропаганды по этимъ же округамъ и съ наименьшими ея успѣхами Колаянни доказываетъ, что между соціалистическою пропагандою и преступностью нѣтъ прямого соотношенiя, и такимъ образомъ обвиненiя соціализма въ ростѣ преступности оказываются беспочвенными. Авторъ обратилъ вниманiе также и на тотъ фактъ, что въ Италiи въ перiодъ 1879—1883 гг., когда соціалистическое движенiе отсутствовало, и въ перiодъ 1896—1898 гг., когда оно было уже достаточно сильно, провинцiи съ наивысшею и съ наименьшею преступностью остались на прежнихъ мѣстахъ, т.-е. соціалистическая пропаганда не привела къ перетасовкѣ этихъ округовъ въ отношенiи занимаемаго ими мѣста по ихъ преступности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Колаянни указываетъ и на краснорѣчивыя цифры, позволяющiя даже говорить о благотворномъ влiянiи соціалистической пропаганды для преступности: въ 23 провинцiяхъ съ наибольшимъ развитiемъ соціализма только 3 провинцiи превысили среднюю цифру; наоборотъ, изъ числа 23 провинцiй съ наименьшею успѣшностью соціализма 15 провинцiй дали преступность выше средней; по преступленiямъ противъ нравственности изъ числа 23 соціалистическихъ провинцiй только одна дала цифру выше средней, а изъ числа 23 съ наименьшими успѣ-

хами соціалистической пропаганды среднюю цифру превысили пятнадцать и т. д.

Какъ ни были разнообразны разсмотрѣнные нами факторы прошлой и современной преступности, они всегда оказывались въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ институтомъ частной собственности, со средствами производства и распредѣленія богатствъ. Преступность въ ея массѣ, въ статикѣ и въ динамикѣ, всегда была лишь неодинаковымъ по яркости отраженіемъ состоянія всего общественнаго уклада. Особенности этого строя никогда не переставали повелительно опредѣлять характеръ и размѣръ преступности, и сотни тысячъ преступниковъ послушно изъ года въ годъ, изъ столѣтія въ столѣтіе шли туда, куда посылала ихъ непоборимая сила остававшаяся неизвѣстнымъ, но могущественнаго закона. Этиологія преступности имѣла чрезвычайно важныя послѣдствія: она привела уголовную соціологію къ раскрытію „законовъ преступности“ извѣстныхъ намъ въ настоящее время иногда съ точностью, сближающею нашу науку съ естествознаніемъ.

Общій видъ тюрьмы (реформаторіи) въ Эльмирѣ (Америка).

IV.

Борьба съ преступленіемъ.

Средствомъ, специально предназначеннымъ для борьбы съ преступленіемъ, всегда было наказаніе. По своему возрасту оно— сверстникъ преступленія. Въ наукѣ уголовного права привлекло къ себѣ вниманіе первоначально не само наказаніе, не его содержаніе и формы, а вопросъ о его правѣ на существованіе. Уже древнѣйшіе философы пытались найти основанія, которыя оправдывали бы примѣненіе государствомъ этой тяжелой формы принужденія. Послѣдующіе вѣка вплоть до двадцатаго столѣтія принесли безчисленное количество разнообразныхъ теорій по тому же вопросу. Но хотя количество ихъ и исчисляется болѣе чѣмъ сотнею, разнообразіе ихъ не велико и, безъ особаго труда, онѣ классифицируются по четыремъ— пяти основнымъ группамъ. Нерѣдко авторы теорій, при попыткахъ найти разрѣшеніе вопроса о правѣ наказанія, допускали полное смѣшеніе обоснованія наказанія съ цѣлями карательной дѣятельности. Но и при этомъ кажущемся приближеніи къ живой дѣйствительности они не выходили изъ области схоластики, метафизики, отвлеченнаго мышленія: опытъ и наблюденіе оставались имъ чуждыми. На практическую почву поставили вопросъ о наказаніи своими требованіями смягчить его грубыя формы и внести въ уголовное право гуманность, остававшуюся ему совершенно неизвѣстною, бессмертные въ области нашей науки гуманисты XVIII вѣка Беккарія (род. 1738 г., умеръ 1794 г.) съ его трактатомъ, переведеннымъ на многіе европейскіе языки, „О преступленіяхъ и на-

Ц. Беккарія (Cesare Beccaria).

казаніяхъ“, англичане Іеремія Бентамъ (род. 1748 г., умеръ въ 1832 г.) и реформаторъ тюрьмы Джонъ Говардъ (род. 1726 г., умеръ 1789). Отнынѣ изученіе отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ, съ точки зрѣнія ихъ лучшей организаціи, входитъ въ программу криминалистическихъ изслѣдованій и обогащаетъ науку уголовного права цѣлымъ рядомъ трудовъ.

Развитіе соціологическаго направленія отразилось въ очень незначительной степени на изученіи наказанія. Новая школа, поставившая своею задачею изученіе преступленія и наказанія, какъ соціальныхъ явленій, сосредоточила все свое вниманіе на раскрытіи соціальной природы преступности, на выясненіи ея факторовъ. Соціологическому же изученію наказанія было удѣлено очень мало мѣста. Исключеніемъ явились уже извѣстные намъ изъ первой части нашей работы труды Макаревича, Штейнметца, Сорокина, Оппенгеймера, Шерера и др., но они большею частью ограничивали свои изслѣдованія изысканіями происхожденія наказанія и развитія его на первыхъ ступеняхъ его жизни. Работа Шерера („La conception sociologique de la peine“, 1914), впрочемъ, ставила себѣ нѣсколько иную задачу. Подобно тому, какъ криминалисты-антропологи и соціологи пытались дать матеріальное опредѣленіе преступленія, т.-е. раскрыть его сущность, Шереръ ставилъ своею цѣлью выяснить соціологическое понятіе наказанія, т.-е. раскрыть, что въ карательныхъ мѣрахъ всѣхъ вѣковъ было „неизмѣнно устойчивымъ“. Считаая наказанія средствомъ поддержанія порядка выгоднаго для господствующаго класса, Шереръ видитъ въ немъ мѣру, къ которой прибѣгаетъ соціальная организація для превращенія антисоціальной личности въ соціальную въ смыслѣ ея подчиненія строю данной общественной формаціи.

Немногочисленныя соціологическія работы о происхожденіи наказанія разошлись иногда очень рѣзко по такимъ основнымъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, существуетъ ли зависимость и, если существуетъ, то какая между наказаніемъ и местию. Но вопросъ о факторахъ наказанія остался въ этихъ трудахъ мало освѣщеннымъ. Между тѣмъ, уголовная соціологія должна была помнить, что на ряду съ факторами преступности имѣются также и факторы наказанія. Вопросъ о факторахъ наказанія могъ бы быть рассмотрѣнъ въ двухъ плоскостяхъ: во-первыхъ, какіе соціальныя законы управляютъ наказаніемъ въ его эволюціи и, во-вторыхъ, несмотря на равенство всѣхъ передъ лицомъ современнаго наказанія, не существуетъ ли на практикѣ различій въ его примѣненіи къ мужчинѣ и женщинѣ, семейному и бездѣтному, образованному и неграмотному, богатому и бѣдному? Попытку дать отвѣтъ на первый вопросъ мы находимъ у Дюркгейма въ его работѣ „Deux lois de l'évolution pénale“. Онъ формулируетъ одинъ изъ этихъ законовъ такъ: „Интенсивность наказанія тѣмъ болѣе велика, чѣмъ къ менѣе развитому типу принадлежитъ общество,

и чѣмъ болѣе неограниченный характеръ носить органъ центральной власти въ этомъ обществѣ“. Авторъ прослѣживааетъ правильность этого закона по всѣмъ вѣкамъ. У древнихъ евреевъ репрессія была мягче, нежели по законамъ Ману или древняго Египта, такъ какъ у нихъ никогда прочно не утверждался неограниченный образъ правленія. Даже въ царскій періодъ тамъ оставался глубоко демократическій духъ. И мы видимъ, что объемъ примѣненія смертной казни у нихъ, сравнительно съ другими народами, ограниченъ, а самыя условія ея примѣненія обставлены значительными гарантіями. Въ республиканскомъ Римѣ пытка и вообще тѣлесныя наказанія не должны были постигать гражданина и смертная казнь была также не частымъ явленіемъ. Только рабы составляли въ этомъ случаѣ исключеніе, но оно подтверждаетъ правильность устанавливаемого закона. Цицеронъ и Титъ Ливій не даромъ гордились, что римскіе законы мягче, нежели у другихъ народовъ. Но съ водвореніемъ императоровъ репрессія становится жестокою: цѣлый рядъ преступленій начинаетъ влечь за собою наказаніе смертію. Апогей развитія абсолютной власти всегда вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и апогеемъ наказанія. Революція XVIII вѣка противъ порядка правленія была вмѣстѣ съ тѣмъ и революціей противъ жестокихъ наказаній. Дюркгеймъ называетъ этотъ первый законъ закономъ количественнаго измѣненія репрессіи. Второй законъ, называемый имъ закономъ качественнаго измѣненія репрессіи, спеціально относится къ наказаніямъ лишеніемъ свободы и формулируется такъ: „наказанія лишеніемъ свободы въ различные періоды времени сообразно съ тяжестью преступленій стремятся все болѣе и болѣе стать нормальнымъ типомъ репрессіи“. Въ самыя первыя времена тюрьма совершенно не встрѣчается потому, что не могла зародиться самая идея о тюрьмѣ, какъ особомъ мѣстѣ содержанія преступниковъ: общественныхъ зданій не было, и храмы, эти дома для общей молитвы, появились позднѣе. Но когда устраиваются особые зданія представителей верховной власти, крѣпостныя стѣны и башни, а также и храмы, то они же становятся и первыми тюрьмами. Второй законъ о развитіи тюремнаго заключенія подчиненъ первому закону развитія общей репрессіи. Но оба они связаны съ понятіемъ преступныхъ дѣяній. Дюркгеймъ раздѣляетъ ихъ на двѣ категоріи: одни направляются на коллективъ (общественная власть, ея представители, религія, нравы, традиціи), другія противъ индивида (убійство, воровство, мошенничество и пр.). Первые преступленія—преимущественное достояніе низшихъ обществъ; они уменьшаются по мѣрѣ развитія общества, но они долго считаются самыми тяжкими, и поэтому репрессія за нихъ особенно сурова. Дѣянія, остающіяся и теперь въ этой группѣ (преступленія противъ семьи, нравовъ и пр.), постепенно утрачиваютъ характеръ тяжкихъ посягательствъ на тотъ ореолъ божественныхъ установленій, который

былъ ранѣе присущъ названнымъ учрежденіямъ. Соціологическая теорія наказанія, развитая Дюркгеймомъ, къ сожалѣнію, не привлекла къ себѣ вниманія криминалистовъ, между тѣмъ она явилась интересною попыткою пролить свѣтъ въ область, почти неизслѣдованную наукою уголовного права.

Въ русской литературѣ, обходящей вопросъ о законахъ развитія каръ почти полнымъ молчаніемъ, исключеніемъ является уже отмѣченный нами трудъ Сорокина. Авторъ изслѣдуетъ эти законы, стоя на точкѣ зрѣнія психологической теоріи права Петражицкаго. Разсматривая исторію наказаній въ сложившемся государствѣ, Сорокинъ такъ формулируетъ тенденцію каръ: „отъ безгранично-жестокихъ и звѣрскихъ убійствъ, отъ мучительно-увѣчающихъ наказаній къ безстрадательному изолированію преступника отъ общества, лишенію его возможности совершать преступленія и къ заботѣ о томъ, чтобы преступникъ былъ избавленъ отъ всякихъ душевныхъ и физическихъ страданій“. Выше, въ первой главѣ, нами уже было отмѣчено это смягченіе наказаній, уменьшеніе круга лицъ, подлежащихъ наказанію. Наше дальнѣйшее изложеніе исторіи отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ подтвердитъ правильность приведенной формулы. Уменьшеніе жестокости каръ находится, по мнѣнію цитируемаго нами автора, въ полномъ согласіи съ закономъ трехъ стадій Л. І. Петражицкаго и закономъ восходящей прогрессіи качества мотиваціи; эти три стадіи въ сферѣ частно-правовой: 1) рабско-крѣпостнической періодъ, когда требуемое поведеніе добывается угрозою наказанія, 2) періодъ экономическаго либерализма, когда въ капиталистическомъ строѣ мотивація создается уже не наказаніемъ, но заинтересованностью индивида личными выгодами, и 3) періодъ соціальный, уже начинающійся, когда выступаютъ альтруистическіе импульсы. Сорокинъ примѣняетъ законъ трехъ стадій и мотиваціи также и къ области уголовного права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣчаетъ другое явленіе, происходящее въ жизни и въ частности въ области уголовного права—уменьшеніе подопечности, или, другими словами, постепенное полученіе правъ и, наконецъ, полное уравниеніе различныхъ группъ населенія. Наряду съ этимъ повышаются требованія альтруистическаго поведенія: расширяется кругъ лицъ, по отношенію къ которымъ требуется такое поведеніе, и расширяется самый кругъ такихъ требованій. Объясняя колебаніе въ примѣненіи различныхъ каръ, авторъ отмѣчаетъ, что жестокость каръ падаетъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается нравственный антагонизмъ между различными частями группы, и она увеличивается вмѣстѣ съ ростомъ этого антагонизма. Приводимые имъ примѣры едва ли подтверждаютъ правильность этого закона. Отмѣченный проф. Гарсономъ фактъ уменьшенія случаевъ примѣненія смертной казни при концѣ cadaго политическаго режима и увеличенія ихъ при началѣ этихъ режимовъ (консульство, іюльская монархія, реставрація и пр. во Франціи) не можетъ служить

доказательствомъ: борьба стараго и новаго достигаетъ высшаго напряженія не съ установленіемъ новаго политическаго строя, а въ концѣ каждаго, отходящаго въ область прошлаго, строя. Между тѣмъ французская статистика показываетъ наименьшее число казней при концѣ каждаго режима. Наконецъ, на ряду съ отмѣчаемымъ Сорокинымъ переходомъ наказуемыхъ дѣяній въ разрядъ гражданскихъ неправдъ, наблюдается и противоположное явленіе—дѣянія, бывшія ненаказуемыми, переходятъ теперь въ число наказуемыхъ (появленіе въ пьяномъ видѣ на улицѣ, охрана праздничнаго отдыха, таможенные нарушенія и пр.).

Что касается изслѣдованія отдѣльныхъ факторовъ наказанія, въ русской литературѣ была сдѣлана Бобрищевымъ-Пушкинымъ попытка опредѣлить эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ. Авторъ выяснилъ вліяніе различныхъ составовъ присяжныхъ засѣдателей на оправданіе и обвиненіе обвиняемыхъ и при этомъ учитывалъ значеніе пола, возраста, правъ состоянія, сознанія и пр. Но Бобрищевъ-Пушкинъ разсматривалъ вліяніе названныхъ факторовъ нѣсколько въ иномъ разрѣзѣ, а именно съ точки зрѣнія теоріи доказательствъ. Онъ преимущественно интересовался отношеніемъ присяжныхъ къ вопросу о достовѣрности показанія ребенка, женщины, потерпѣвшаго и пр. Такимъ образомъ выясненіе и этихъ факторовъ наказуемости также ждетъ своего изслѣдователя.

Иначе обстоитъ дѣло со статистическимъ обслѣдованіемъ современной репрессіи. По этому вопросу мы имѣемъ нѣсколько работъ. Наиболѣе интересною среди нихъ является трудъ Финкельнбурга „Наказанные въ Германіи“ 1912 г. Авторъ опредѣлилъ, что въ 1910 г. среди населенія Германской имперіи проживало 3.869.000 подвергнутыхъ наказанію за преступленія и проступки, начиная съ 1882 г. Сюда не вошли умершіе, эмигранты и рецидивисты. Другими словами, изъ каждыхъ 12 человѣкъ старше 12 лѣтъ одинъ осужденъ за преступленія или проступки. Если мы примемъ во вниманіе полъ и возрастъ, то получимъ слѣдующія цифры: въ возрастѣ 12—18 лѣтъ была одна осужденная изъ каждыхъ 213 несовершеннолѣтнихъ женщинъ этого возраста, а 1 осужденный этого же возраста мужского пола приходился на каждые 43 человѣка; въ возрастѣ старше 18 лѣтъ изъ каждыхъ 25 женщинъ была одна осужденная, и изъ каждыхъ 6 мужчинъ одинъ осужденный. Эти колоссальныя цифры наказанныхъ показываютъ не только безуспѣшность наказанія, не только громадное число лицъ, вступившихъ въ конфликтъ съ уголовнымъ правомъ, но также и то, что наказаніе стало совершенно обыденнымъ явленіемъ. Сходную задачу поставилъ себѣ относительно Россіи Хейфицъ („Осужденные въ Россіи“), опредѣлившій, что въ 1912 г. приходился одинъ осужденный за преступленія, влекущія наказанія не ниже тюрьмы, на 53 мужчинъ и одна осужденная на 437 женщинъ (въ предѣлахъ Европейской

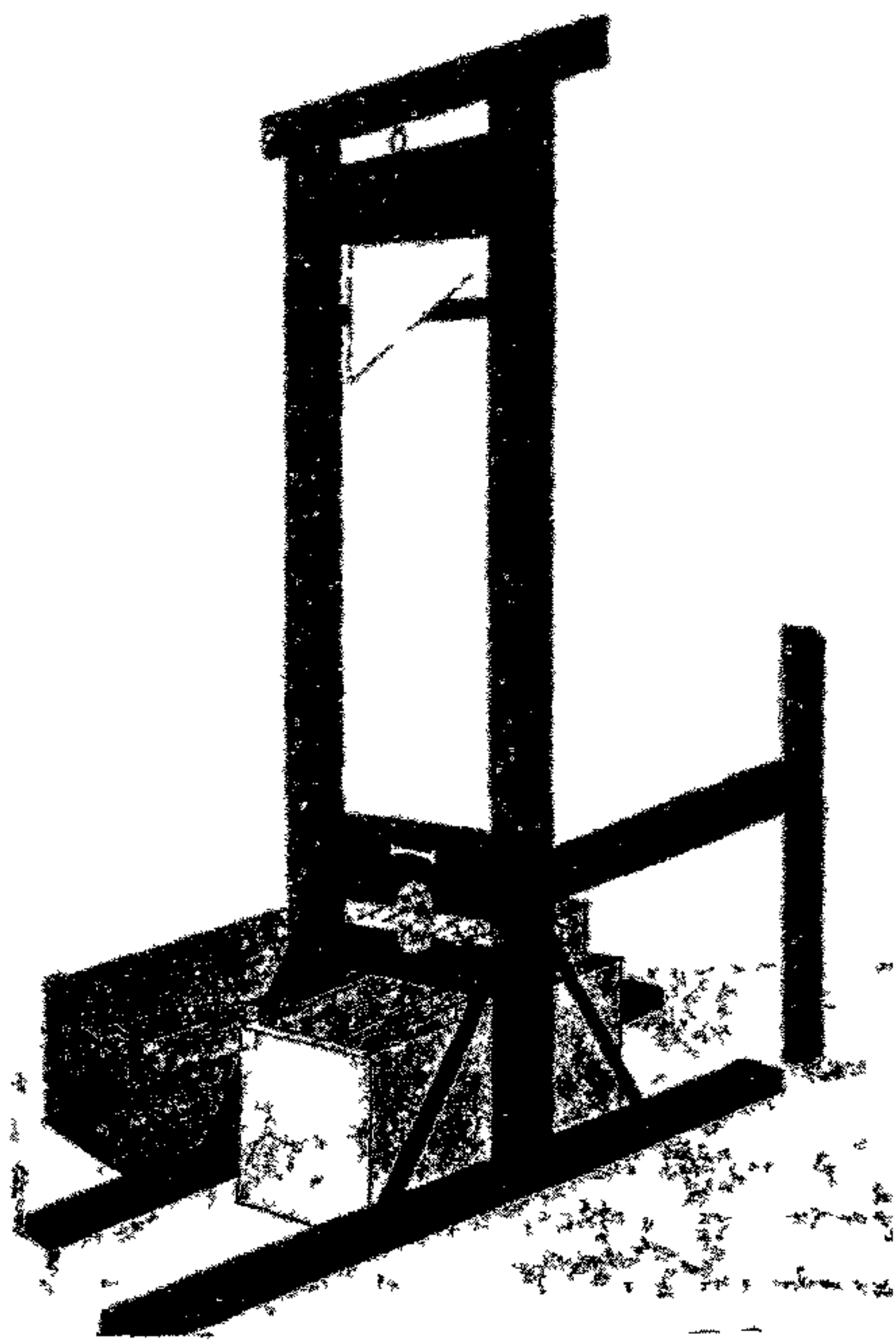
Россіи). Если же принимать во вниманіе всю преступность Россіи, то число осужденныхъ превыситъ, по вычисленіямъ Тарновскаго, милліонъ человѣкъ ежегодно („Статистика наказаній“).

Таковы цифровые итоги репрессіи. Разсмотримъ отдѣльныя карательныя мѣры. Такое разсмотрѣніе должно показать намъ, что мы переживаемъ періодъ борьбы не только съ преступленіями, но также и время не менѣе интенсивной борьбы и съ самимъ наказаніемъ.

Смертная казнь. Среди мѣръ уголовной репрессіи за все время ея существованія на первомъ мѣстѣ всегда стояла смертная казнь. Она всегда разсматривалась какъ самое могущественное средство въ борьбѣ съ преступностью и предназначалась для преступниковъ, считавшихся особенно опасными. Можетъ быть именно потому, что смертная казнь стояла среди другихъ мѣръ репрессій на первомъ мѣстѣ, она должна была вмѣстѣ съ тѣлесными наказаніями принять на себя и первые удары, когда на ряду съ борьбою противъ преступленія началась также борьба и противъ наказаній.

Область примѣненія смертной казни въ отдаленномъ прошломъ была весьма обширна. Смертью казнили за всякія преступленія, затрогивавшія болѣе важные интересы господствовавшаго класса. При существованіи рабства и при классовыхъ неравенствахъ это тягчайшее наказаніе назначалось особенно щедро для представителей низшихъ классовъ.

Такъ, въ Индіи, по законамъ Ману, судра за вступленіе въ бракъ съ лицомъ высшей касты подлежалъ смерти. Этому же наказанію онъ подлежалъ за изученіе книги Ведъ, за причиненіе частаго безпокойства брамину, за совѣтъ брамину относительно его обязанностей, за отказъ брамину въ помощи. За похищеніе браминомъ судры, за скотоложство браминъ подлежалъ штрафу, а судра за кражу цвѣтовъ изъ сада брамина и за скотоложство—смертной казни. Это неравенство переходитъ въ средніе вѣка и даже въ новое время. Такъ, за браконьерство, недозволенную охоту, ловлю рыбы и раковъ крестьянинъ могъ подлежать смерти. Парижскій ордонансъ 1386 г. грозилъ смертью за разстановку силковъ для поимки голубя.

9. Гильотина во Франціи

Насколько былъ широкъ кругъ преступленій, караемыхъ смертию, можно видѣть изъ примѣровъ, которые относятся къ разнымъ эпохамъ. По закону Моисея, смертная казнь грозила за работу въ субботу, за употребленіе кислаго въ дни опрѣсноковъ; въ Россіи XVI—XVII вѣковъ: за ловлю селедки, за торговлю цѣлебнымъ корнемъ ревенемъ, покупку безпошлинно мѣха, невѣрное показаніе вѣса соли при взиманіи пошлины, женитьбу безъ отпускныхъ билетовъ, бѣгство холоповъ, укрывательство бѣглыхъ солдатъ, за многія религіозныя, государственныя преступленія, а также имущественныя и противъ личности. Законодательство временъ позднѣйшихъ римскихъ императоровъ опредѣляло сожженіе въ 24 случаяхъ, а кодексъ Θεодосія опредѣлялъ отсѣченіе головы въ 80 случаяхъ. Уложеніе Карла V между многими преступленіями карало также смертию за кражу со взломомъ и съ оружіемъ, за воровство рыбы изъ воды и плодовъ въ полѣ при наличности квалифицированныхъ обстоятельствъ, за кражу на сумму выше 5 дукатовъ, бродяжничество въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ и т. п. Но въ эпоху среднихъ вѣковъ особенно часто назначалась смертная казнь за разнообразныя религіозныя преступленія, начиная отъ церковныхъ кражъ и кончая отступленіями отъ догматовъ вѣры и волшебствомъ.

Во Франціи къ концу XVIII вѣка смертная казнь грозила за 115 преступленій и въ томъ числѣ за литье и имѣніе безъ разрѣшенія пушекъ, за растрату и кражу нѣкоторыми казначеями, сборщиками и приставами, за оскорбленіе судей и нѣкоторыхъ другихъ лицъ при отправленіи ими служебныхъ обязанностей, воровство прислугою (домашнее воровство), воровство изъ королевскихъ дворцовъ, воровство ночью съ подставною лѣстницею, злостное банкротство, контрабандный ввозъ шайкою въ пять и болѣе человекъ съ оружіемъ соли, табаку и пр., недозволенную продажу соли чиновнику и др. Въ началѣ второй половины XVIII вѣка въ Англіи смертная казнь могла быть назначена въ 160 случаяхъ и въ томъ числѣ за кражу лошади, овцы и пр., за скотоложство, за покражу письма и т. п.

Что касается объема возможнаго примѣненія этого высшаго наказанія въ настоящее время, то онъ сильно различается въ государствахъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ число статей съ санкціей смертною казнью превышаетъ 15, въ другихъ оно спускается до двухъ. Во Франціи смертная казнь можетъ быть назначена за преднамеренное убійство, нанесеніе должностному лицу съ цѣлью убить его раны или удара, арестъ или отобраніе вещей, сопровождавшіеся физическими мученіями, умышленный поджогъ и разрушеніе взрывчатыми веществами обитаемаго зданія, кастрація, повлекшая смерть жертвы въ теченіе 40 дней послѣ кастрированія, и нѣк. др. Согласно закону чисто политическія преступленія не подлежатъ наказанію смертию во Франціи. Нѣсколько иначе въ другихъ государствахъ. Такъ, въ Австріи смертная казнь можетъ быть назначена и за на-

сильственное измѣненіе формъ правленія, воспрепятствованіе императору пользоваться правами его, какъ правителя. Еще шире объемъ политическихъ преступленій, караемыхъ смертю по англійскому и русскому праву. По англійскому закону связь кого-либо съ супругою или дочерью короля или женою наслѣдника престола занесена въ число государственныхъ преступленій, караемыхъ смертю. Въ Россіи смертю карается не только покушеніе, но и приготовленіе къ посягательству, на примѣръ, на уменьшеніе правъ верховной власти государя.

Статьи 17 и 18 Положенія о мѣрахъ охраны государственнаго порядка и общественнаго спокойствія предоставляютъ министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-губернаторамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ также военнымъ главноначальствующимъ право передавать преступленія общаго характера на разсмотрѣніе военныхъ судовъ по законамъ военного времени. Кругъ этихъ преступленій чрезвычайно широкъ: „вооруженное сопротивленіе властямъ или нападеніе на чиновъ войска или полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы или же вслѣдствіе исполненія этихъ обязанностей, если эти преступленія сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчья, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ“; 1) „за бунтъ противъ верховной власти и государственную измѣну; 2) за умышленный поджогъ или иное умышленное истребленіе, либо приведеніе въ негодность предметовъ воинскаго снаряженія и вооруженія и вообще всего, принадлежащаго къ средствамъ нападенія или защиты, а также запасовъ продовольствія и фуража; 3) за умышленное истребленіе или важное поврежденіе въ районѣ театра войны водопроводовъ, мостовъ, плотинъ, гатей, шлюзовъ, водоспусковъ, колодцевъ, дорогъ, бродовъ или иныхъ средствъ, назначенныхъ для передвиженія, переправы, судоходства, предупрежденія наводненій или необходимыхъ для снабженія водою; 4) за умышленное истребленіе или важное поврежденіе служащихъ тамъ же для правительственнаго пользованія: а) телеграфнаго, телефоннаго или иного снаряда, употребляемаго для передачи извѣстій, и б) желѣзнодорожнаго пути, подвижнаго состава онаго или предостерегательныхъ знаковъ, установленныхъ для безопасности желѣзнодорожнаго движенія и судоходства, и 5) за нападеніе на часового или военный караулъ, за вооруженное сопротивленіе военному караулу или чинамъ военной и гражданской полиціи, а равно за убійство часового или чиновъ караула и полиціи“.

Значительное большинство современныхъ государствъ находится приблизительно на одномъ и тотъ же уровнѣ своего культурнаго развитія. Карательныя системы ихъ уголовныхъ кодексовъ очень схожи между собою и въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти тождественны. Казалось бы, что угроза самою суровою репрессивною мѣрою—лишеніемъ преступника жизни—должна встрѣчаться въ этихъ кодексахъ

болѣе или менѣе въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ. Однако мы наблюдаемъ совершенно противоположное явленіе: различны не только кругъ преступленій, совершеніе которыхъ запрещено подъ страхомъ наказанія смертю, но также процессуальныя гарантіи при постановкѣ смертныхъ приговоровъ, кругъ лицъ, освобождаемыхъ отъ наказанія смертю, и порядокъ приведенія этихъ приговоровъ въ исполненіе.

Что касается преступленій, караемыхъ смертною казнью, то на ряду съ предумышленнымъ или квалифицированнымъ убійствомъ, влекущимъ за собою въ большинствѣ законодательствъ это высшее наказаніе, мы встрѣчаемъ эту же угрозу въ различныхъ кодексахъ за самыя различныя преступленія. Въ то время, какъ въ однихъ государствахъ политическія преступленія не влекутъ за собою смертной казни (Франція, Германія, Бельгія, Швейцарія, Венгерія, Сербія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки и пр.), въ нѣкоторыхъ другихъ эти преступленія караются смертю (Австрія, Англія, Данія, Швеція, Испанія, Болгарія, Греція, Финляндія, Уругвай, Парагвай, Россія и пр.). Но и кодексы, сохранившіе смертную казнь за политическія преступленія, допускаютъ ее не въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ. Такъ, особенно широка область примѣненія смертной казни за государственныя преступленія въ Испаніи: здѣсь двѣнадцать статей изъ раздѣла государственныхъ преступленій имѣютъ въ своей санкціи угрозу смертю. Наоборотъ, австрійское уложеніе грозитъ смертю за преступленія политическаго характера только въ двухъ статьяхъ. Въ Англіи же, какъ мы видѣли, даже любовная связь съ супругою или дочерью короля входитъ въ понятіе государственной измѣны и карается смертю.

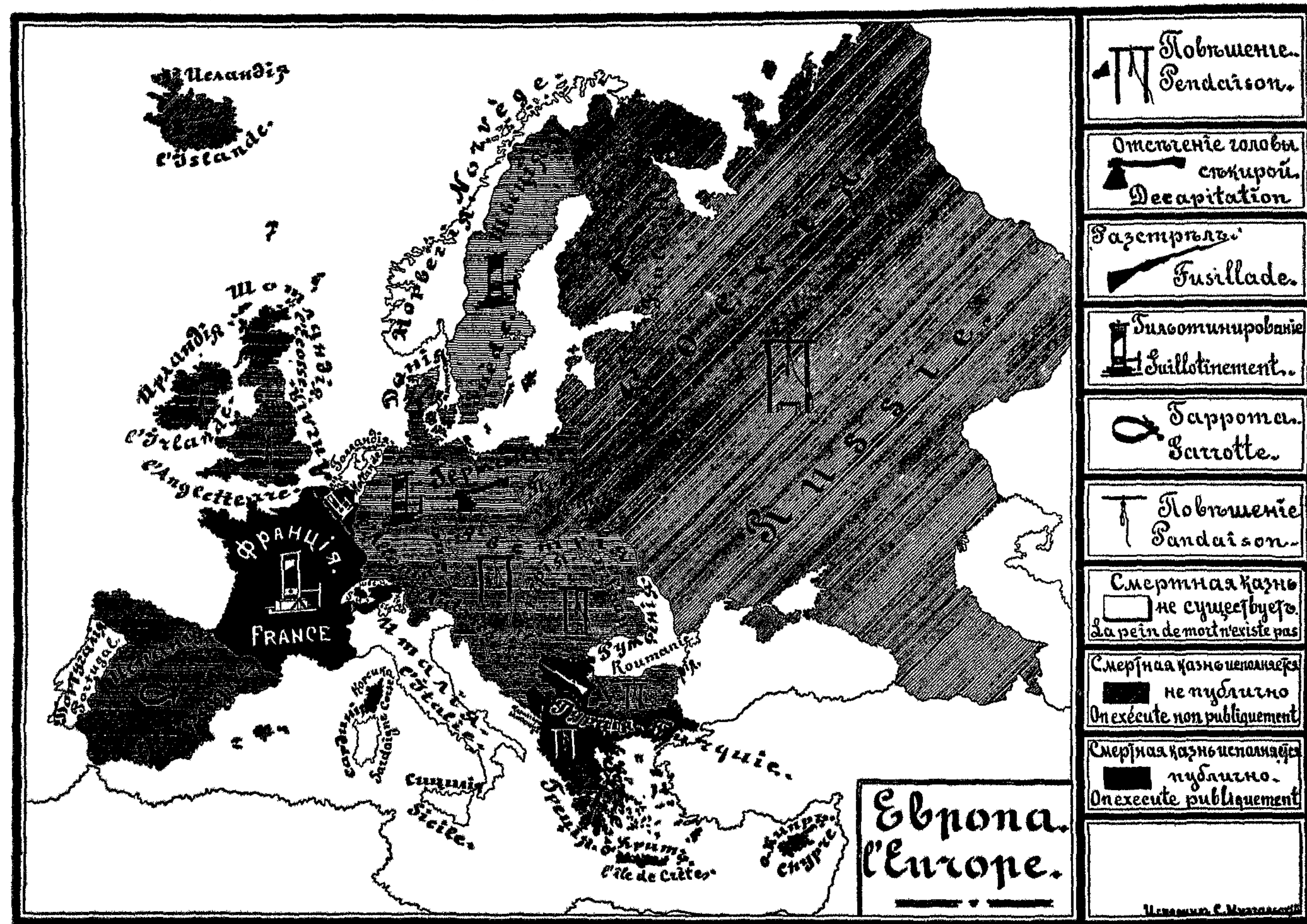
Большое разнообразіе наблюдается по различнымъ государствамъ и въ объемѣ караемаго смертю посягательства на носителя верховной власти. Одни изъ уложеній охраняютъ рассматриваемымъ нами наказаніемъ лишь жизнь монарха, другія—также его свободу, третьи—честь; одни приравниваютъ къ исполненію покушеніе, другія—даже и приготовленіе.

Въ большинствѣ государствъ поджогъ карается лишеніемъ свободы, но австрійское, датское, шведское, французское, болгарское, греческое и нѣкоторыя швейцарскія уложенія считаютъ болѣе правильнымъ грозить и въ данномъ случаѣ казнью, если поджогъ сопровождался чьею-либо смертю, которую виновный могъ предвидѣть.

Такъ называемыя карантинныя преступленія продолжаютъ оставаться въ числѣ караемыхъ смертю въ небольшомъ числѣ уложеній (русское, греческое, французское), но тѣмъ сильнѣе отбѣняется неравномѣрность угрозы тягчайшимъ наказаніемъ.

Наконецъ, въ отдѣльныхъ законодательствахъ угроза смертною казнью встрѣчается при осужденіи за скотоложство, мужеложство (Трансвааль), изнасилованіе и выкидышъ при наличности нѣкото-

ГОДЪ. ANNEE.
Смертная казнь. 1913 La peine de mort.

Изъ книги «Смертная казнь» М. Н. Гернета.

рыхъ отягчающихъ вину обстоятельствъ (Греція, Швеція), лжесвидѣтельство, повлекшее осужденіе невиннаго къ смерти (Франція), завѣдомо несправедливый приговоръ къ смерти (Испанія), арестъ, сопровождавшійся физическими мученіями (Франція), и др.

Отмѣчаемое нами различіе становится еще поразительнѣе, если припомнить, что, напримѣръ, въ Бельгіи, съ ограниченной областью смертной казни, дѣйствуетъ французское уложеніе, щедро расточающее въ своей родной странѣ, Франціи, угрозы гильотиною. Точно такъ же велико различіе въ интересующемъ насъ отношеніи между кодексами Австріи и Венгрии, смежныхъ и объединенныхъ въ одно государство.

Иногда при сравненіи различныхъ кодексовъ оказывается, что уголовныя уложенія цивилизованныхъ европейскихъ государствъ прибѣгаютъ къ помощи палача чаще, чѣмъ законодательство далекаго Сіама.

Почти всѣ кодексы, допускающіе смертную казнь, считаютъ необходимымъ освобождать отъ нея юныхъ преступниковъ, но и здѣсь бросается въ глаза различіе, не имѣющее за собою сколько-нибудь правильныхъ основаній. Такъ, въ однихъ уложеніяхъ смертная казнь не можетъ быть примѣнена къ недостигшимъ семнадцати лѣтъ (Эквадоръ), въ другихъ—восемнадцати (Германія, Данія, Швеція, Бельгія, Обвальденъ, Мексика, Колумбія), девятнадцати лѣтъ (Цугъ), двадцати (Австрія, швейцарскій кантонъ Фрейбургъ, Венгрія, Сербія), двадцати одного года (Россія, Болгарія, Парагвай), двадцати двухъ лѣтъ (Аргентина). То же самое наблюдается и по отношенію къ старческому возрасту: большинство уложеній не считаетъ возможнымъ освобождать отъ смертной казни стариковъ, другія же содержатъ постановленія о непримѣненіи казни къ достигшимъ 70 или 65 лѣтъ (Аргентина, Болгарія, Россія—уголовн. уложен., Парагвай, Мексика), а въ Китаѣ—даже 90 лѣтъ.

Громадное значеніе имѣютъ процессуальныя особенности при судебномъ разрѣшеніи дѣлъ о преступленіяхъ, караемыхъ смертною казнью. Въ этомъ отношеніи также наблюдается разнообразіе. Почти во всѣхъ государствахъ такія дѣла разсматриваются судомъ при участіи присяжныхъ засѣдателей, но нѣкоторыя уложенія требуютъ для дѣйствительности смертнаго приговора особаго большинства голосовъ. Такъ, въ Трансваалѣ требуется большинство въ 7 голосовъ изъ девяти, въ кантонѣ Цугъ—большинство въ пять голосовъ, въ Обвальденѣ—двѣ трети голосовъ, Валлисѣ—въ первой инстанціи—единогласіе, а въ высшемъ судѣ—большинство въ пять голосовъ. Наоборотъ, въ Россіи суду присяжныхъ не принадлежитъ права разрѣшенія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ вообще, а въ частности и тѣхъ изъ нихъ, по которымъ обвиняемымъ грозитъ смертная казнь. Исключительная же подсудность военнымъ судамъ лицъ гражданскаго состоянія стала въ дѣйствительности обычнымъ и нормальнымъ явленіемъ.

Еще больше различій въ порядкѣ объявленія приговора осужденному къ смерти и въ его исполненіи.

Отмѣченныя нами особенности въ положеніи смертной казни въ различныхъ законодательствахъ представляются въ высшей степени характерными; онѣ вскрываютъ картину легальнаго произвола въ отношеніи къ человѣческой жизни. Не одинаково ли цѣнно это благо для австрійца, венгерца, бельгійца, француза, русскаго, для семнадцати- и восемнадцатилѣтняго, 64- и 65-лѣтняго, для мужчины и женщины? Если кодексы оправдываютъ существованіе смертной казни требованіемъ справедливаго возмездія, то вмѣсто одной вѣчной правды, вмѣсто одной справедливости, не знающей „ни эллина, ни іудея“, мы видимъ столько различныхъ справедливостей, сколько имѣемъ различныхъ уложеній. Но въ этомъ же разнообразіи законодательныхъ положеній о смертной казни лежитъ отрицаніе оправданія ея цѣлями полезности. При одинаковомъ уровнѣ культурнаго развитія европейскихъ и другихъ государствъ вопросъ о полезности и бесполезности смертной казни долженъ былъ бы разрѣшаться одинаково. Мы не находимъ отвѣта, почему полезно для государственнаго и общественнаго порядка лишеніе жизни восемнадцатилѣтняго въ однихъ государствахъ и лишь перешагнувшаго 22-лѣтній возрастъ въ другихъ, въ чемъ заключается польза отъ казни мужчины и вредъ отъ казни женщины и т. д.? Все зависитъ исключительно отъ полнаго легальнаго произвола законодателей въ ихъ отношеніи къ такому неознаградимому благу, какъ человѣческая жизнь.

Для ознакомленія съ состояніемъ вопроса о смертной казни представляется необходимымъ знать, помимо ея состоянія въ законодательствахъ, также ея примѣненіе на практикѣ, такъ какъ, съ одной стороны, есть государства, въ которыхъ она существуетъ лишь въ законѣ, не примѣняясь на практикѣ, а съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ государствахъ она примѣняется чрезвычайно часто. Но разсмотрѣніе статистики смертной казни за болѣе или менѣе продолжительные періоды показываетъ ея вымирание въ большинствѣ государствъ. Такъ, во Франціи въ 1803 г. было приговорено къ казни 605 человѣкъ, въ періодъ 1826—1830 гг. было казнено, въ среднемъ, по 72 человѣка ежегодно, а въ 1908 г.—шесть человѣкъ. За пятилѣтіе 1826—1830 гг. было помиловано 30%, а въ 1906—1908 гг.—95%. Въ Бельгіи, сосѣдней съ Франціей, въ 1800—1804 гг. было приговариваемо ежегодно по 71 челов., а казнено по 37 чел., а въ 1908 г. приговорено 6 чел. Начиная съ 1864 г. ни одинъ смертный приговоръ не приводился въ исполненіе, такъ какъ всѣ приговариваемые получали помилованіе. Въ Германіи имѣются свѣдѣнія начиная лишь съ 1882 г., когда было приговорено 95 чел., а въ 1910 г.—43. Въ Австріи уменьшеніе приговоровъ происходитъ съ 1877 г., когда было приговорено 128 чел. и одинъ казненъ, въ 1908 г. приговорено 45 и 1 казненъ. Въ Венгріи число приговоровъ и казней

не было большимъ и въ 1910 г. былъ приговоренъ 1, который и былъ помилованъ. Въ Англіи въ 1800—1810 было казнено 802 чел., а въ 1908 г. приговорено 25 и казнено 13 челов. Въ Испаніи за 1875 — 1906 гг. процентъ помилованій возросталъ по пятилѣтіямъ безостановочно съ 37 до 88%. Въ Финляндіи, начиная съ 1826 г., ни одинъ смертный приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ Болгаріи за двадцать лѣтъ 1890—1909 гг. было казнено 80 чел. Въ Греціи за 1900—1909 гг. изъ 65 приговоренныхъ было 30 казнено, а въ Сербіи за 1899—1900 гг. изъ 138 приговоренныхъ 75 казнено.

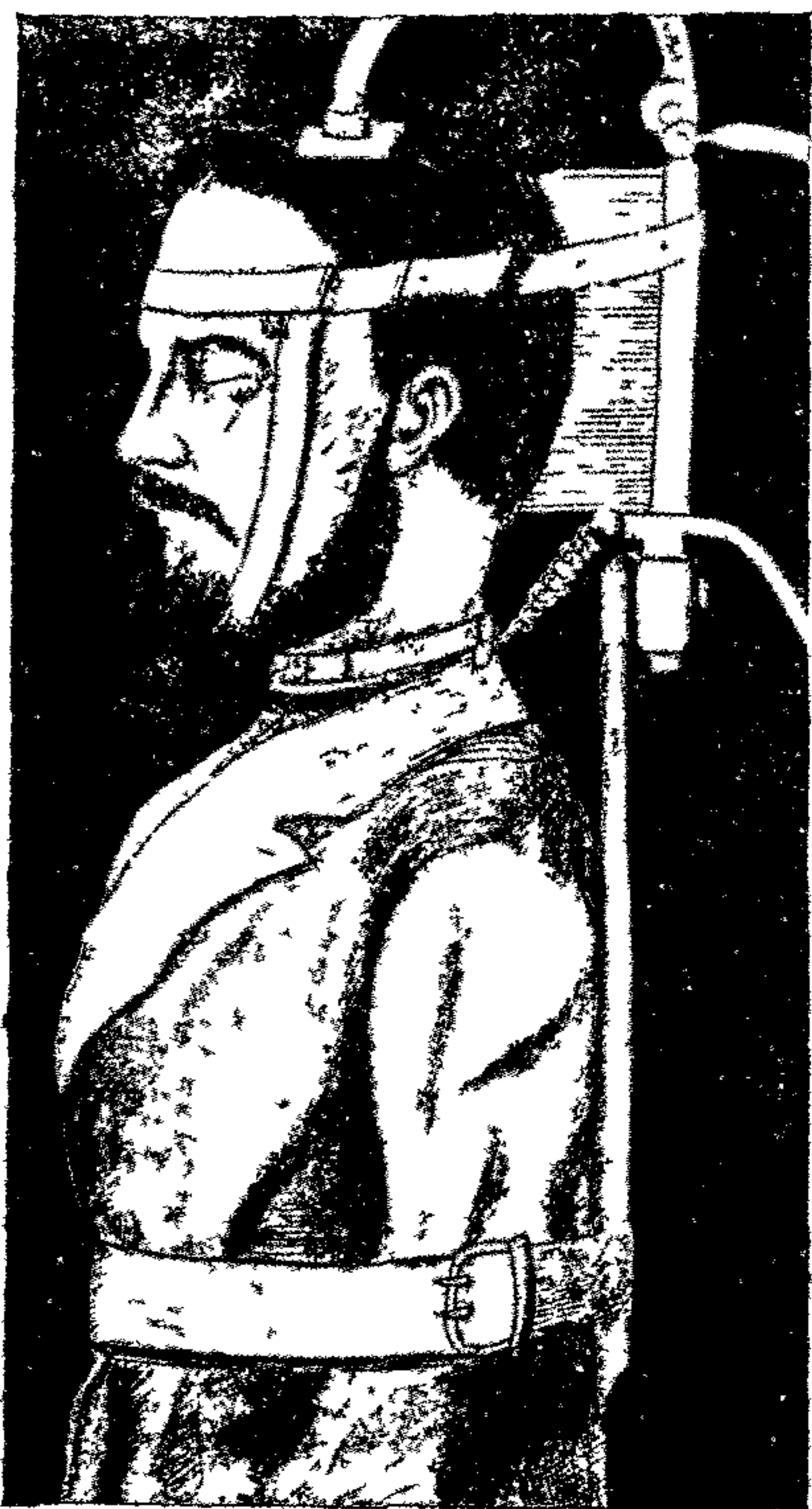
Иная картина примѣненія смертной казни въ Россіи. Если не считать годы польскаго возстанія, когда во всякомъ случаѣ большая цифра казненныхъ неизвѣстна въ точности, число приговоренныхъ въ XIX вѣкѣ и до 1905 г. не превышало 54 за годъ, но число казненныхъ опредѣляется въ 574 въ 1906, 1139 въ 1907 г., 1340 въ 1908 г., 717 въ 1909 и 60 въ 1911 г.

Нижеслѣдующая наша сравнительная таблица показываетъ состояніе смертной казни въ 1908 г. въ различныхъ европейскихъ и внѣевропейскихъ странахъ.

Названіе страны.	Пригов.	Каз.	Названіе страны.	Пригов.	Каз.
1. Австрія	45—	0	20. О. Цейлонъ	41—	23
2. Англія	25—	13	21. О. Кипръ	2—	2
3. Бельгія	5—	0	22. Брит. Гвіана	1—	1
4. Болгарія	?—	1	23. Брит. Гондурасъ	1—	1
5. Венгрія	1—	1	24. East Africs protectorate.	13—	13
6. Германія	31—	?	25. Фиджи	11—	11
7. Греція	9—	5	26. Золотой берегъ и		
8. Данія	0—	0	Ашанти	14—	14
9. Испанія 906 г.	49—	2	27. Гонгъ-Конгъ	1—	—
10. Сербія	9—	4	28. Ямайка	2—	—
11. Швеція	0—	0	29. Мальта	1—	—
12. Франція	49—	6	30. Northern Nigeria	42—	20
13. Финляндія	0—	0	31. Nyassland	23—	11
14. Россія	1959—	1340	32. Siera Le egne	24—	9
15. С.-Амер. С. Шт. 1904 г.	?—	116	33. Southern Nigeria	77—	42
16. Англійскія Австралійскія			34. Sirithern Rhodesia	1—	—
колоніи включая Н. Зе-			35. Straits Settlements	7—	—
ландію, Тасманію 1906 г.	?—	6	36. Trinidad.	4—	3
17. Канада	4—	2	37. Uganda Pacific	2—	2
18. Брит. Индія 1906 г. . . .	505—	?	38. Western	2—	1
19. Японія 1905 г.	28—	?			

Въ криминалистической литературѣ за послѣднія пять лѣтъ было удѣлено много вниманія вопросу о смертной казни отчасти въ связи съ пересмотрами уголовныхъ кодексовъ въ различныхъ государствахъ. Таковы работы Қолаянни, Лаккасаня, Липмана, Лорэна, Малиновскаго, Николаи, Пишона, Піонтковскаго, Таганцева и др. Въ то время, какъ въ болѣе старыхъ работахъ преобладала оцѣнка смертной казни съ точки зрѣнія права государства пользоваться этимъ средствомъ въ борьбѣ съ

преступностью, въ новѣйшей литературѣ былъ использованъ богатый статистическій матеріалъ, позволившій выяснитъ, насколько это средство было дѣйствительнымъ, каковы были результаты отмѣны смертной казни въ различныхъ государствахъ и ея сохраненія въ другихъ. Эти цифровые матеріалы настолько ясно показываютъ не дѣйствительность смертной казни и уменьшеніе кровавой преступности вездѣ, гдѣ она была отмѣнена, что въ оцѣнкѣ значенія такихъ доказательствъ не можетъ быть двухъ мнѣній (подробно объ этомъ въ нашей книгѣ „Смертная казнь“, М., 1913 г.). Число сторонниковъ наказанія смертью теперь въ литературѣ весьма невелико.

10. Казнь электричествомъ въ Америкѣ. Изъ кн. проф. Kretzer., *Der Tod durch Electricitat.*

Къ нимъ принадлежитъ проф. Ліонскаго университета Лакассанъ, поднявшій въ своей книгѣ вопросъ лишь о замѣнѣ казни посредствомъ отрубанія головы (во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ машиною, см. карту Европы, прил. къ стр. 430) повѣшеніемъ на томъ основаніи, что опыты, произведенныя съ отрубленною головою, не исключили возможности сохраненія жизни въ ней. Способы смертной казни нашли свое освѣщеніе въ литературѣ, въ которой и было указано на глубокій ихъ ужасъ, независимо отъ того, совершается ли казнь древнѣйшимъ способомъ, повѣшеніемъ, съ извѣстными случаями оживленія послѣ казни и возможными случаями оживленія уже въ могилѣ, посредствомъ ли новѣйшаго способа — электрическимъ токомъ (въ Америкѣ), когда казнь превращалась въ пытку, и въ комнатѣ пахло жженымъ мясомъ казнимаго преступника. Послѣ того, какъ статистическія данныя доказали, что удержаніе смертной казни не устрашаетъ

преступника, а ея отмѣна не останавливаетъ уменьшенія тягчайшей преступности, у сторонниковъ этого наказанія остался лишь одинъ доводъ въ его защиту: необходимость справедливаго возмездія за кровавыя преступленія. Но этотъ доводъ встрѣтилъ рядъ самыхъ рѣшительныхъ возраженій не только по существу указаніемъ, что современной юстиціи должны быть чужды цѣли мести, но и съ точки зрѣнія выясненія психологіи приговореннаго къ казни и казнимаго преступника. Сдѣланныя за послѣднее время попытки изученія психо-

логіи приговореннаго къ казни, въ частности въ русской литературѣ, показали всю страшную величину мукъ ожиданія исполненія смертнаго приговора и заставили признать, что по общему правилу приговоръ къ казни несетъ съ собою для осужденнаго такіа психологическія переживанія, которыя по ихъ мучительности далеко оставляютъ за собою страданія жертвы убійства.

Всѣ эти соображенія привели къ значительному уменьшенію числа сторонниковъ смертной казни въ теории, къ уменьшенію области ея примѣненія на практикѣ, къ попыткамъ полной ея отмѣны въ различныхъ странахъ, изъ числа которыхъ она отмѣнена въ Румыніи, Португаліи, Италіи, Голландіи, Норвегіи, нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи (см. приложенную карту Европы, стр. 430), въ Сѣв.-Америк. Штатахъ—Менъ, Мичиганъ, Висконсинъ, Канзасъ, въ Бразиліи, Костарикѣ, Гватемалѣ, Венецуелѣ, Гондурасѣ, Никарагуа.

Тѣлесныя наказанія въ настоящее время почти не имѣютъ защитниковъ среди теоретиковъ, но въ практикѣ остались еще во многихъ законодательствахъ какъ европейскихъ, такъ и внѣ-европейскихъ государствъ. Состоя въ причиненіи преступнику увѣчья (увѣчащія тѣл. наказ.) или только физической боли (болевыя тѣл. наказанія) посредствомъ нанесенія ударовъ или другими способами, тѣлесныя наказанія назначались въ нѣсколькихъ случаяхъ, напримѣръ, уже по

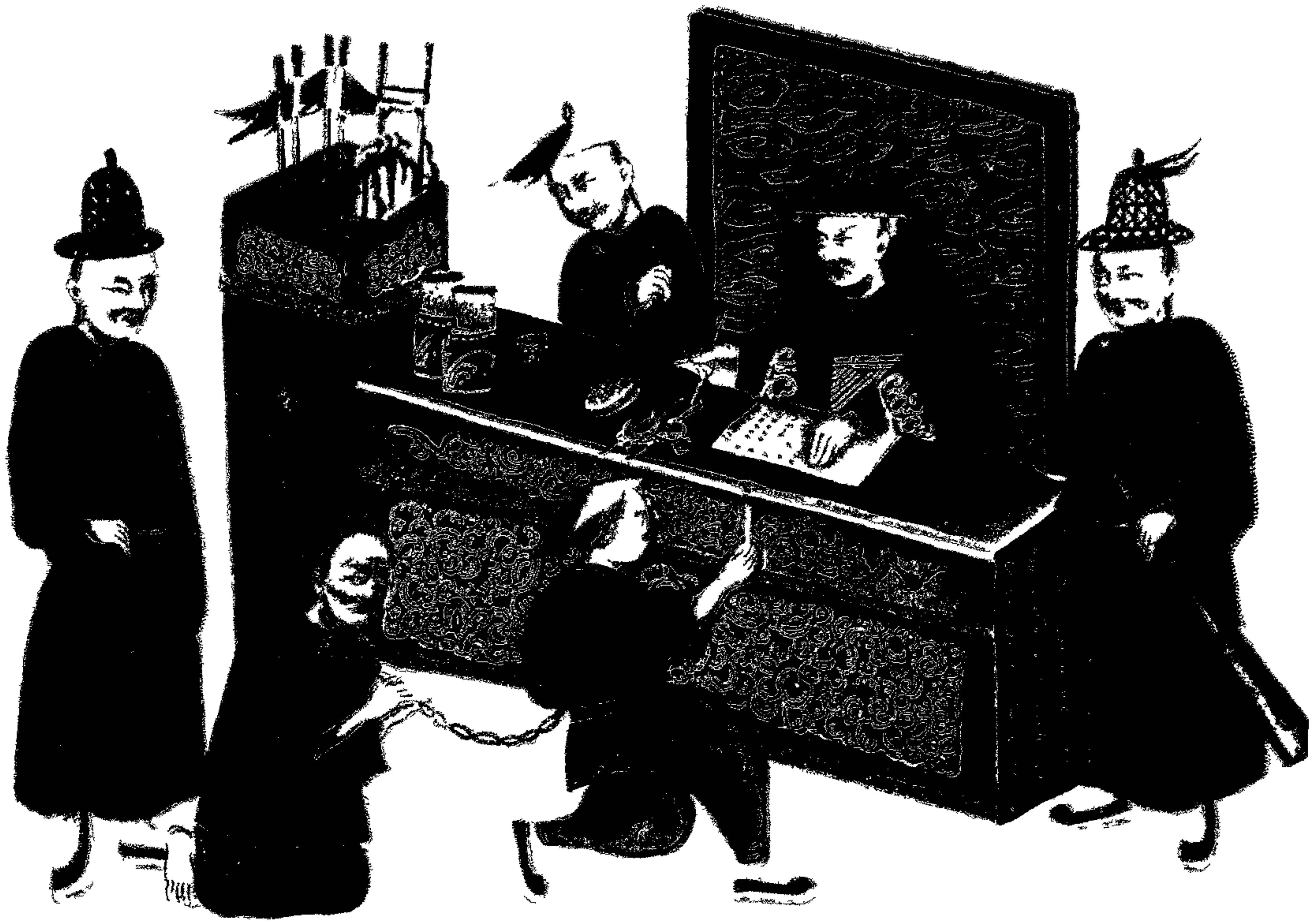
11. Голова клейменнаго преступника. (На лбу К, на правой щекѣ А, на лѣвой—Т) Изъ Кабинета судебн. медицины въ Харьков унив.

древнѣйшему кодексу царя Хаммураби. Еще болѣе, чѣмъ въ древнее время, были распространены тѣлесныя наказанія въ средніе вѣка. За все время своего примѣненія тѣлесныя наказанія допускались закономъ не въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ для лицъ различныхъ классовъ. Такъ, напримѣръ по кодексу Хаммураби за переломъ кости свободному и за выбитіе ему глаза назначалось наказаніе—тальонъ, т.-е. переломъ кости и выбитіе глаза, но если потерпѣвшимъ былъ вольноотпущенникъ, то наказаніе понижалось до штрафа. Увѣчащія и болевые наказанія отличались большимъ разнообразіемъ. Такъ, увѣчье состояло въ отрубаніи одного пальца или нѣсколькихъ,

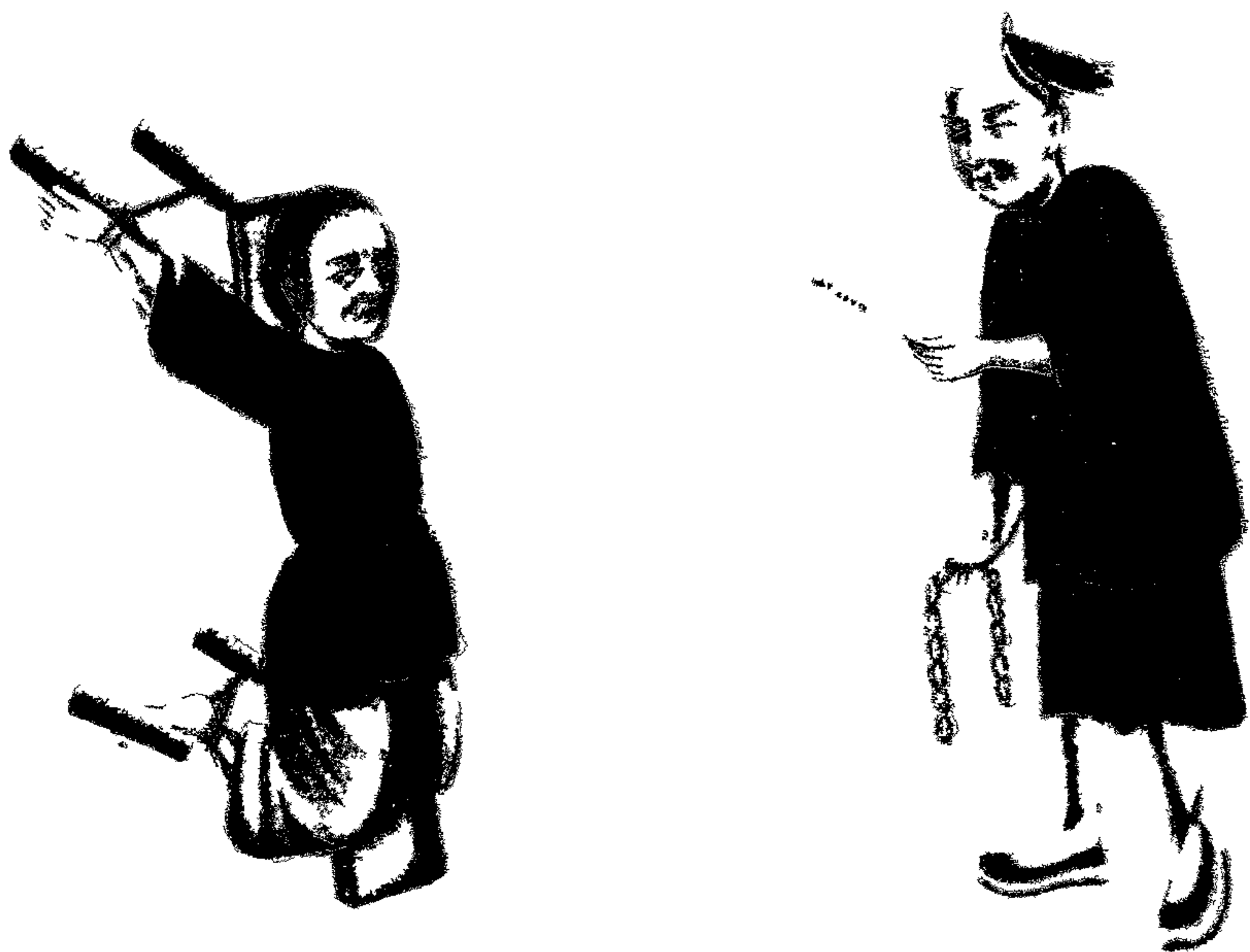
части руки по запястье, по локоть, руки и ноги вмѣстѣ, въ отрѣзываніи языка, губъ, носа, ушей, полового органа, грудей и пр. Физическія страданія причинялись ударами кнута, плети, розогъ, шпицрутена, каната, палокъ и пр. Область примѣненія была такъ же широка, какъ и при смертной казни, съ тою разницею, что тѣлесныя наказанія примѣнялись какъ за самыя тяжкія преступленія, такъ даже и за самыя легкія.

Помимо исключительно репрессивнаго значенія, рассматриваемыя нами мѣры увѣчья и причиненія физическихъ страданій встрѣчаются въ исторіи уголовного права и съ другимъ значеніемъ, а именно, какъ средство пытки и какъ способъ установленія судимости. Существованіе пытки, какъ уголовно-правового института, находило свое объясненіе въ господствѣ системы формальныхъ доказательствъ, при которой сознаніе подсудимаго или заподозрѣннаго признавалось лучшимъ, наиболее совершеннымъ доказательствомъ, и для его полученія считалось необходимымъ прибѣгать къ причиненію допрашиваемому мученія-пытки. Постепенно разнообразные виды пытки складываются въ опредѣленную систему: устанавливается порядокъ или очередь примѣненія различныхъ видовъ пытки, процессуальныя условія ихъ примѣненія, вырабатываются офиціальныя руководства искусства пытанія, преподающія указанія, какъ слѣдуетъ поступать при пыткѣ, чтобы достичь наибольшаго успѣха (такъ, напримѣръ, рекомендовалось служить передъ пыткою молебень объ успѣхѣ ея исхода, предписывалось поить подсудимаго на тощакъ св. водою, обвязывать его по тѣлу особою лентою, на которой были написаны послѣднія семь словъ, сказанныхъ Христомъ на крестѣ, произносить особыя заклинанія, обривать волосы со всего тѣла пытаемого и пр.). Въ Бамбергскомъ Уложеніи 1508, Каролинѣ 1532 и нѣкоторыхъ другихъ законодательныхъ памятникахъ давались, какъ было указано въ I главѣ настоящей работы, рисунки различныхъ орудій пытки и тѣлесныхъ наказаній, а также и смертной казни. Особенно прочное и долгое существованіе нашли себѣ пытки въ Китаѣ (см. таблицу, прилож. къ стр. 436).

Различныя мѣры, близкія къ увѣчающимъ и болевымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, примѣнялись къ осужденнымъ, какъ средство установленія ихъ судимости. Первоначально это были различные способы причиненія неизгладимаго и ясно распознаваемаго обезображенія: вырѣзываніе ноздрей, отрѣзаніе уха или даже обоихъ ушей. Позднѣе вмѣсто такого увѣченья примѣняется наложеніе клеймъ на лобъ и щеки раскаленнымъ или холоднымъ желѣзомъ. Въ Россіи клеймили сначала словомъ „вор“, а потомъ буквами К. А. Т. или С. П. или С. К. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выжигалось и выбивалось названіе города, служившаго мѣстомъ ссылки. Въ Россіи клейменіе было отмѣнено только въ 1863 г. (см. на стр. 435 фотографію клейменной головы, хранящейся въ музеѣ судебной медицины Харьковскаго университета).

Засѣданіе суда въ Китаѣ.

Допросъ подѣ пыткой въ Китаѣ.

Взамѣнъ отмѣннаго клейменя были введены отмѣтки о судимости на паспортахъ и заведена особая регистрація приговоренныхъ къ наказаніямъ (обыкновенно не ниже тюремнаго заключенія), съ печатаніемъ алфавитовъ осужденныхъ. Въ настоящее время эта дорога стоящая и кропотливая система почти вывелась изъ употребленія и замѣнена частью антропометрическими измѣреніями, т. н. „бертильонажемъ“ или дактилоскопіей. Система Бертильона основана на постоянствѣ размѣра нѣкоторыхъ частей человѣческаго тѣла по достиженіи возраста совершеннолѣтія. Осужденный преступникъ подвергается измѣренію роста, размѣра головы, длины вытянутыхъ рукъ и пр. и фотографированію. Результаты измѣренія заносятся на карточку, къ которой прикрѣпляется фотографія измѣреннаго. Карточки размѣщаются въ шкафахъ по особой системѣ, позволяющей быстро и легко находить нужныя свѣдѣнія. Для выясненія, не судился ли ранѣе заподозрѣнный, онъ подвергается измѣренію, и по результатамъ измѣренія и отыскивается его карточка, если онъ уже былъ осужденъ ранѣе. Въ послѣднее десятилѣтіе бертильонажъ вытѣсняется дактилоскопіей. Послѣдняя основана на постоянствѣ рисунка кожи человѣка, въ частности кожи на пальцахъ его рукъ. Отпечатокъ всѣхъ десяти пальцевъ легко получается посредствомъ прикладыванія обмозанныхъ краскою пальцевъ къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ опросной карты, которая на основаніи очень простой системы помѣщается въ надлежащемъ мѣстѣ среди другихъ карточекъ съ оттисками. Здѣсь фотографіи не требуется. При величайшемъ разнообразіи комбинацій различныхъ рисунковъ кожи на пальцахъ до сихъ поръ еще не было установлено, чтобы у двухъ людей были совершенно схожіе рисунки.

Въ виду того, что преступники придумали способы бороться съ дактилоскопіей посредствомъ обжиганія пальцевъ кислотами или даже депрессированія рисунка кожи на пальцахъ сдавливаніемъ ихъ въ особыхъ тискахъ, въ криминалистикѣ были сдѣланы предложенія двухъ новыхъ способовъ установленія судимости преступника. Авторъ перваго предложенія предлагалъ фотографировать расположеніе венъ на кистяхъ рукъ. По его словамъ, расположеніе венъ даетъ безконечно разнообразныя рисунки. Второй авторъ возвращался къ клейменію въ формѣ татуировки посредствомъ впрыскиванія парафина подъ кожу на спинѣ или другихъ частяхъ тѣла. Однако ни одно изъ этихъ предложеній не получило примѣненія.

Въ послѣднее время въ германской, французской, итальянской и американской литературѣ дѣлались предложенія вернуться къ одной изъ старыхъ мѣръ, казалось бы окончательно отошедшей въ область прошлаго — къ кастраціи преступниковъ. Нэке, Серве, Ломброзо настаивали на необходимости этой мѣры и не въ видѣ наказанія (впрочемъ, Серве подчеркиваетъ значеніе и этого момента), а въ видѣ средства уменьшить опасность появленія дурного и опаснаго потомства. Категоріи преступниковъ, которыя должны были

подлежать, по мнѣнію названныхъ лицъ, кастрированію, опредѣлялись названными авторами не одинаково. Такъ, Нэке относилъ сюда лицъ въ возрастѣ 25—55 лѣтъ, осужденныхъ, какъ привычные преступники, за любострастные преступленія, предумышленное убійство и др. Въ Америкѣ сходныя мысли усиленно развивалъ д-ръ Шарнъ, который производилъ не кастрацію, а такъ наз. стерилизацію, т.-е операцію, не лишавшую человѣка возможности соитія, но дѣлавшую его безплоднымъ. Предложенія Шарна и другихъ нашли себѣ практическое примѣненіе въ нѣсколькихъ штатахъ: Калифорнія, законодательныя собранія Орегона и Конектикута съ 1909 г. Сходные проекты были внесены и въ шести другихъ штатахъ, но въ пяти изъ нихъ остаются безъ движенія, а въ шестомъ принятый проектъ былъ опротестованъ, какъ находящійся въ противорѣчій съ конституціей.

Тюремное заключеніе. Въ настоящее время тюремное заключеніе служитъ главнымъ средствомъ въ борьбѣ съ преступностью. Угроза наказаніемъ лишеніемъ свободы встрѣчается въ статьяхъ уголовныхъ кодексовъ чаще, чѣмъ какая-либо другая. Наибольшее число изъ осужденныхъ преступниковъ приговаривается къ различнымъ наказаніямъ также лишеніемъ свободы; ихъ количество каждый годъ исчисляется, смотря по размѣрамъ государства, тысячами и сотнями тысячъ. Такъ, на примѣръ, въ Германіи ежегодно приговаривается къ тюрьмѣ свыше 260 тысячъ человѣкъ, въ Россіи черезъ мѣста заключенія проходитъ въ годъ около милліона человѣкъ. Въ Англіи заключается въ тюрьмы свыше 180 тысячъ человѣкъ. Число сутокъ, проводимыхъ арестантами въ различныхъ мѣстахъ заключенія исчисляется колоссальными цифрами. Такъ, на примѣръ, во французскихъ мѣстахъ заключенія было проведено въ 1909 г. 9.716.004 сутокъ. Велико число тюремъ разныхъ наименованій. Въ Россіи ихъ свыше 700, въ Австріи около 800 и т. д. Тюремное дѣло поглощаетъ большія суммы изъ общаго государственнаго бюджета: свыше 30 мил. руб. въ Россіи, 16 мил. фран. во Франціи, 30 мил. лиръ въ Италіи и т. д.

Какъ средство борьбы съ преступностью тюрьма постепенно вытѣснила смертную казнь, тѣлесныя наказанія, ссылку. Въ ея исторіи надо различать три періода. Въ первый, древнѣйшій, періодъ, восходящій къ отдаленной и глубокой старинѣ и захватывающій даже часть среднихъ вѣковъ, тюрьма не считалась сколько-нибудь подходящимъ и надежнымъ средствомъ борьбы съ преступниками. Она имѣла своимъ назначеніемъ сохранять преступника для суда и для исполненія надъ нимъ судебнаго приговора къ казни или къ тѣлесному наказанію. При господствѣ устрашенія тюрьма не считалась средствомъ достаточно устрашительнымъ, хотя ея устройство въ видѣ погребовъ, ямъ, подваловъ, низкихъ комнатъ безъ свѣта и воздуха въ башняхъ, монастырскихъ или крѣпостныхъ стѣнахъ, деревянныхъ срубахъ и стремилось приблизить ее по тягости къ

**Оди́ночная камера Московской губернской тюрьмы
(„Каменщики“), въ которой былъ заключенъ С. А. Муромцевъ.**

общему духу репрессивной системы эпохи устрашенія. Съ развитіемъ идеи объ исправленіи преступника въ XVIII столѣтіи наступаетъ періодъ апогея славы тюремнаго заключенія и повсемѣстнаго увлеченія тюрьмою, какъ средствомъ побѣды надъ преступностью: изобрѣтаются различныя системы заключенія, подводится теоріей фундаментъ подъ этотъ видъ исправительнаго наказанія, вырабатывается тюремная дисциплина, организуются спеціальныя мѣстные и международныя тюремныя сѣзды, въ университетахъ открываются кафедры тюремовѣдѣнія, правительства не останавливаются передъ громадными расходами для проведенія реформы тюремнаго дѣла. Но уже съ конца XIX вѣка начинается замѣтное охлажденіе интереса къ тюрьмѣ. Все чаще начинаютъ высказывать сомнѣнія въ побѣдѣ хотя бы и при помощи реформированной тюрьмы надъ преступностью, и, наконецъ, начинается борьба съ самою тюрьмою: пытаются сократить область примѣненія тюремнаго заключенія, вырабатываются институты условнаго освобожденія и условнаго осужденія.

Вниманіе на тюрьму должно было быть неизбежно обращено съ того времени, когда началась борьба противъ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Требованіе ихъ отмѣны должно было вести къ требованію расширенія области примѣненія тюрьмы. Выдвинутый теоріей принципъ исправленія преступника ставилъ на очередь вопросъ о средствахъ перевоспитанія осуждаемыхъ судебными приговорами. Между тѣмъ состояніе тюремъ въ концѣ XVIII вѣка было повсемѣстно самое ужасное: въ нихъ можно было получить смерть и окончательную нравственную гибель легче и скорѣе, чѣмъ исправленіе. Сохранившіяся описанія мѣстъ заключенія тогдашнихъ передовыхъ государствъ вездѣ рисуютъ однѣ и тѣ же картины. Вездѣ было полное смѣшеніе обвиняемыхъ и осужденныхъ, мужчинъ и женщинъ, дѣтей и взрослыхъ, здоровыхъ и душевнобольныхъ; нигдѣ государство не брало на себя заботъ по содержанію арестантовъ, не исключая и ихъ прокормленія. Арестанты должны были денежными взносами тюремщику оплачивать самое вступленіе въ тюрьму и содержаніе въ ней, такъ же, какъ оплачивается пребываніе въ гостиницѣ. Бѣдные заключенные кормились милостынею. Иногда тюрьма была въ то же время и мѣстомъ разврата. Таково было общее состояніе европейскихъ тюремъ, за ничтожными исключеніями, осмотрѣнное и подробно изученное англійскимъ филантропомъ Джономъ Говардомъ, очень много сдѣлавшимъ для улучшенія тюремъ.

Но заслугою Говарда была не реформа тюрьмы, а критика состоянія тюремъ. Реформа же пришла позднѣе изъ Америки. Въ этой странѣ въ 1786 г. была устроена первая одиночная тюрьма по особой системѣ, получившей названіе пенсильванской, или филадельфійской, а черезъ нѣсколько лѣтъ были открыты тюрьмы, устроенныя по другой, также строго продуманной, системѣ, полу-

чившей названіе обурнской. Творцами пенсильванской тюрьмы были квакеры. Предложенная и проведенная ими организація тюрьмы находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ ихъ взглядами на преступника и преступленіе. Для нихъ преступленіе было вмѣстѣ съ тѣмъ и грѣхомъ, а преступникъ—грѣшникомъ, позабывшимъ свой долгъ передъ людьми и Богомъ. На обязанности христіанина лежитъ вернуть грѣшника къ раскаянію, и могущественнымъ средствомъ къ этому должны быть уединеніе, размышленіе въ обстановкѣ, неспособной отвлечь вниманіе въ сторону, чтеніе религіозныхъ книгъ, душеспасительныя бесѣды духовника и членовъ спеціально образовавшагося для этихъ цѣлей благотворительнаго общества. Вновь выстроенная тюрьма своимъ внѣшнимъ устройствомъ и режимомъ должна была помочь арестанту раскаяться. Здѣсь господствовала мертвая, почти ничѣмъ ненарушимая тишина. Не слышно было арестантовъ въ ихъ маленькихъ одиночныхъ камерахъ; неслышно ходили тюремные надзиратели въ ихъ мягкой обуви, безъ шума въѣзжали на дворъ экипажи съ колесами, обтянутыми кожею, и вполголоса говорили въ этой тюрьмѣ навѣщавшіе арестантовъ духовникъ, чины тюремной администраціи. Первое время арестантъ не получалъ ни работы, ни книгъ и только черезъ недѣлю ему могла быть предоставлена библія.

Творцы обурнской системы также исходили изъ опредѣленныхъ взглядовъ на преступленіе. Они считали, что самая характерная черта преступника—лѣность, и поэтому стремились занять все время арестанта работою. Заключение съ ранняго утра приводились изъ ихъ одиночныхъ камеръ въ общія мастерскія и здѣсь въ полномъ молчаніи должны были исполнять порученныя имъ работы. За всякое нарушеніе дисциплины и за попытки вступить въ общеніе съ товарищемъ арестантъ тутъ же на мѣстѣ получалъ удары плетью отъ надзирателя. Обѣдали и завтракали арестанты также въ общей мастерской и также при условіи полного молчанія. Вечеромъ заключенные, окончивъ работу, разводились по ихъ камерамъ на ночь. Такъ проходило время изо дня въ день. Обязанность молчанія, при постоянныхъ соблазнахъ къ общенію въ условіяхъ совместной работы съ товарищами по заключенію, переносилась очень тяжело арестантами, но осталось до сихъ поръ.

Свѣдѣнія о новыхъ тюремныхъ системахъ быстро проникли изъ Америки въ Европу. Правительства нѣсколькихъ государствъ командировали спеціалистовъ изучать въ Америкѣ тюремное дѣло. Отчеты командированныхъ лицъ были въ общемъ очень благоприятны для американской тюремной реформы. Такъ, французскіе делегаты Бомонъ и Токвиль констатировали въ своемъ печатномъ отчетѣ значительныя преимущества обурнской системы, при которой, по словамъ отчета, „заключенные находятся вмѣстѣ въ одномъ помѣщеніи лишь тѣлесно, а духовно находятся въ полномъ одиночествѣ, хотя никакая стѣна не раздѣляетъ ихъ“.

Д. Говардъ (John Howard).

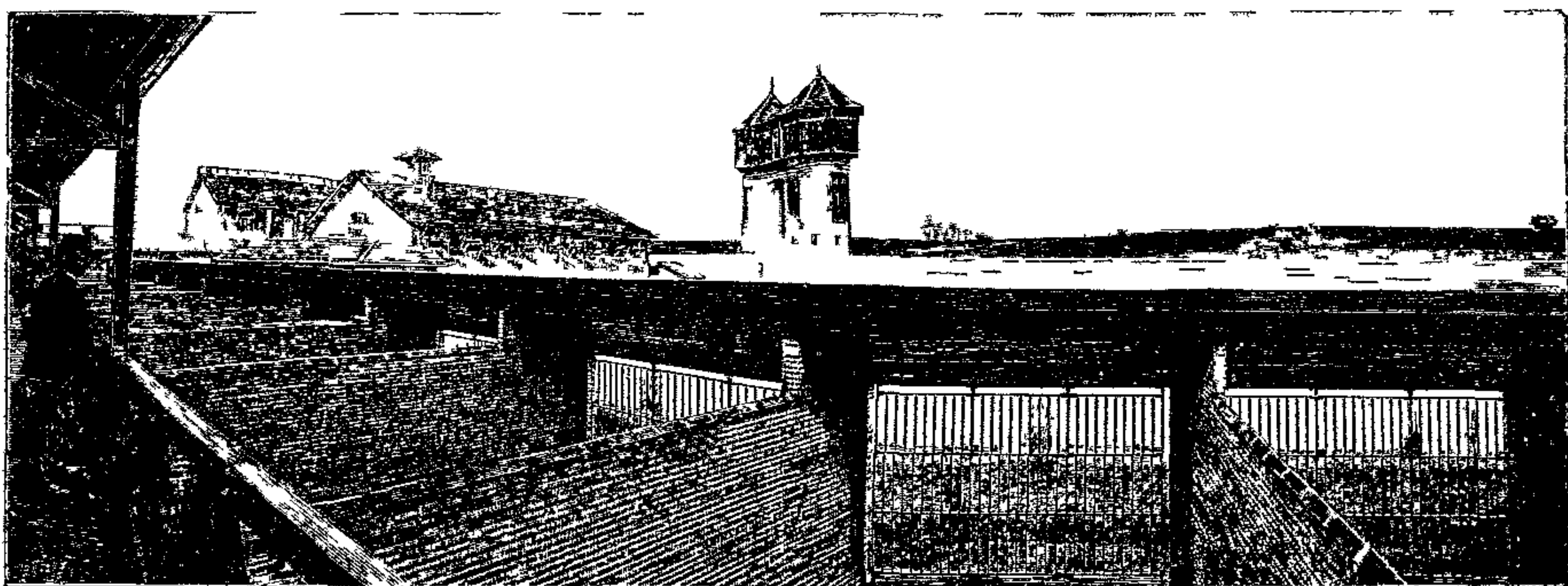
Рѣшительная перестройка тюремъ въ Европѣ по американскимъ образцамъ или близкимъ къ нимъ началась лишь около 50-ыхъ годовъ XIX вѣка, а во многихъ государствахъ даже и позднѣе. Наибольшее увлеченіе одиночною системою было въ Бельгіи и Франціи. Въ Бельгіи твердо надѣялись, что, когда каждый арестантъ будетъ имѣть, такъ сказать, свою особую тюрьму, преступность окажется, наконецъ, побѣжденной въ этой долгой и кровавой борьбѣ съ нею. Поэтому было рѣшено перестроить всѣ тюрьмы на одиночныя, оставивъ только двѣ, три изъ нихъ для общаго заключенія въ тѣхъ случаяхъ, когда одиночное заключеніе окажется вреднымъ для отдѣльныхъ личностей. Во Франціи также было рѣшено перестроить всѣ мѣста заключенія для приговариваемыхъ на срокъ менѣе 1 года и 1 дня въ одиночныя.

Наиболѣе полное выраженіе система одиночнаго заключенія нашла въ одной изъ новѣйшихъ французскихъ тюремъ — Фрэн-ле-Ронжи.

Тюрьма Фрэнъ занимаетъ большой участокъ земли по линіи желѣзной дороги изъ Парижа въ Арпажонъ (см. табл., прил. къ стр. 442). Это цѣлый городокъ, обнесенный стѣнами и обсаженный деревьями. Здѣсь помѣщаются въ разныхъ частяхъ участка двѣ тюрьмы — мужская и женская. Наиболѣе обширная — мужская — тюрьма занимаетъ шесть корпусовъ съ 1524 одиночными камерами. Тутъ же расположены зданія съ прачечною, больницею, складами и пр. Приговоренные въ Фрэнскую тюрьму доставляются сюда по желѣзной дорогѣ въ спеціальныхъ вагонахъ, устроенныхъ по одиночной системѣ, или въ кареткахъ, устроенныхъ также съ такимъ расчетомъ, чтобы арестанты были изолированы во время переѣзда. Доставленные въ тюрьму арестанты прежде всего размѣщаются въ особыхъ одиночныхъ камерахъ въ ожиданіи ихъ зарегистрированія. Зарегистрированные новоприбывшіе получаютъ тюремное платье, номеръ своей камеры и особый капюшонъ, который они обязаны надѣвать на себя всякій разъ, когда выходятъ за порогъ своей камеры. Въ другихъ одиночныхъ тюрьмахъ вмѣсто капюшона употребляются полотняные мѣшки съ отверстіями для глазъ (Бельгія) или черныя суконныя маски и полумаски (Германія). Ношеніе масокъ предписывается въ цѣляхъ помѣшать арестантамъ узнавать другъ друга. Прежде чѣмъ попасть въ свою камеру, заключенный Фрэнской тюрьмы отводится въ баню, устроенную также по келейной системѣ. Послѣ этого новый обитатель усовершенствованнаго колосса, составляющаго предметъ гордости французскихъ тюремовѣдовъ, поднимается въ подъемной машинѣ, устроенной также по одиночной системѣ (въ машинѣ нѣсколько одиночныхъ изолированныхъ отдѣленій), въ надлежащій этажъ и запирается въ его камерѣ. Убранство камеръ обычное: прикрѣпленный къ стѣнѣ столъ, табуретъ, кровать, откидывающаяся на день къ стѣнѣ, полки съ посудой, судно съ промывною водою и пр. Въ смыслѣ гигіены камеры безукоризненны:

въ нихъ много свѣта, много воздуха, паркетный полъ, масляною краскою покрытыя стѣны позволяютъ содержать помѣщеніе въ полной чистотѣ. Если арестантъ идетъ въ школу или церковь, то онъ помѣщается тамъ также въ отдѣльномъ ящикѣ или въ одной изъ „ячеекъ“, такъ разставленныхъ, что онъ можетъ видѣть лишь священника или учителя. Болѣе сложныя работы производятся также въ одиночныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ имѣются машины и инструменты. При свиданіяхъ съ родными арестантъ помѣщается въ особую клѣтку и не можетъ видѣть другихъ заключенныхъ. Свои прогулки онъ совершаетъ лишь въ особомъ одиночномъ дворикѣ. Въ случаѣ болѣзни онъ помѣщается въ больничное зданіе, гдѣ также строго проведена одиночная система, а если ему придется здѣсь умереть, то его гробъ будетъ послѣднимъ, но не первымъ ящикомъ, который дала ему усовершенствованная одиночная тюрьма Франціи.

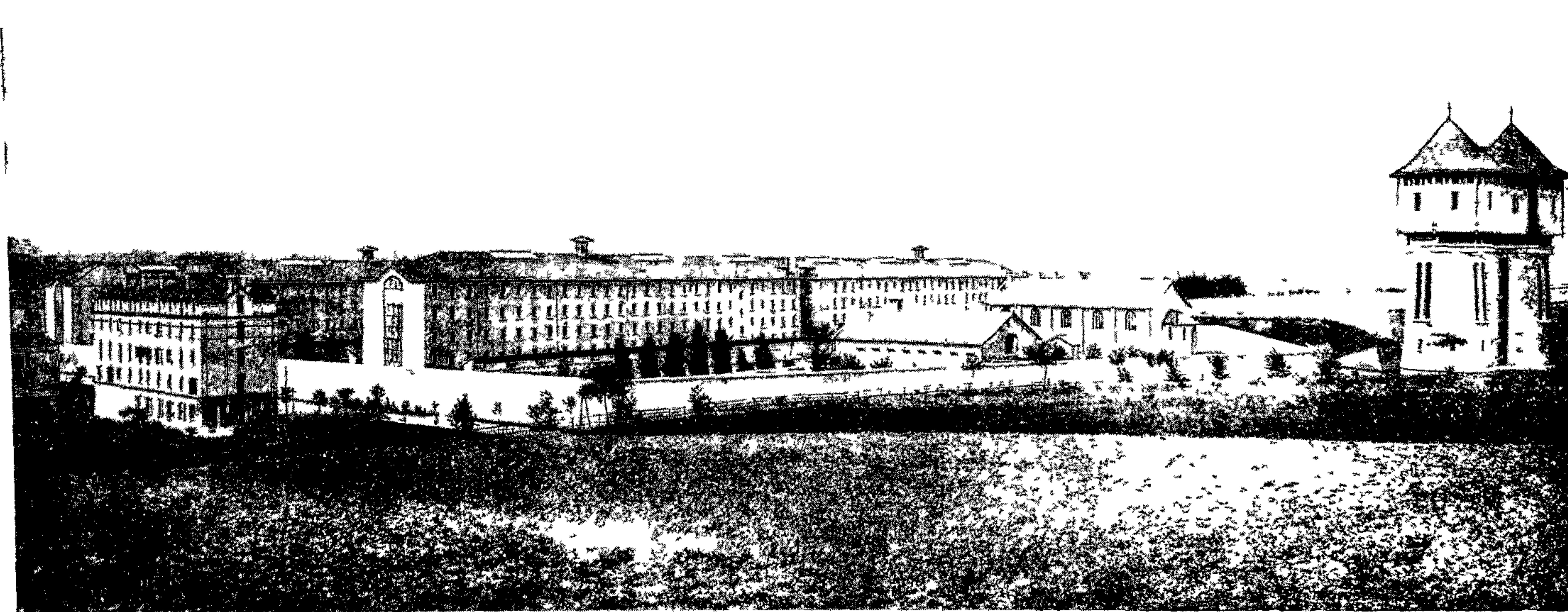
Большая часть современныхъ тюремъ построена по системѣ общаго заключенія и во многихъ изъ нихъ проведена обурнская система съ

12 Одиночные дворики для прогулокъ въ Фрэнской тюрьмѣ.

различными ея измѣненіями. Однако основные принципы обурнского заточенія, съ общею работою днемъ, при условіи сохраненія молчанія, и разобщеніе на ночь, сохранены не только въ старыхъ, но и въ новѣйшихъ мѣстахъ общаго заключенія.

Десятилѣтія, протекшія со дня начала тюремной реформы, конечно, внесли глубокія измѣненія въ тюремное дѣло, въ области тюремной гигиены, тюремнаго труда, размѣщенія арестантовъ, ихъ обученія и пр. Но вмѣстѣ съ тѣмъ даже и въ новѣйшихъ тюрьмахъ оставалось многое изъ того, съ чего начала тюрьма свою исторію и что, казалось бы, мало вяжется съ современнымъ состояніемъ культуры, съ уваженіемъ къ человѣческому достоинству. Мы говоримъ о такъ называемыхъ дисциплинарныхъ наказаніяхъ, налагаемыхъ на арестантовъ тюремною администраціею. Они отличаются изощренною жестокостью и разнообразіемъ. Въ XX вѣкѣ перешло и до настоящаго времени примѣняется, напримѣръ, въ венгерскихъ тюрьмахъ, сковываніе правой руки съ правою ногою и лѣвой ноги

Общій видъ одиночной тюрьмы Фрэнъ (Франція)

съ лѣвою рукою, при чемъ арестантъ не можетъ ни стоять, ни сидѣть; въ англійскихъ тюрьмахъ наказываютъ девятихвостною плетью, въ русскихъ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ и въ каторжныхъ тюрьмахъ—розгами въ количествѣ до 50 ударовъ (испр. отдѣл.) и до 100 (приговоренные къ каторжной тюрьмѣ и къ поселенію); въ германскихъ тюрьмахъ также сохранилось тѣлесное наказаніе и лишь недавно вывелись изъ употребленія особые карцеры, гдѣ полъ былъ сдѣланъ изъ острогранныхъ брусьевъ; во французскихъ тюрьмахъ къ приговореннымъ на срокъ болѣе одного года и одного дня примѣняется особое наказаніе, извѣстное подъ именемъ „дисциплинарнаго зала“: заключенные съ ранняго утра размѣщаются въ особомъ залѣ; здѣсь они остаются до вечера; по командѣ стражника они полчаса ходятъ вокругъ зала и пятнадцать минутъ сидятъ на особыхъ столбикахъ, снова полчаса ходятъ и снова садятся на четверть часа и такъ весь день. Отчеты тюремнаго вѣдомства дали намъ возможность опредѣлить, что въ такомъ безсмысленномъ хожденіи и сидѣньѣ было проведено арестантами въ теченіе одного отчетнаго года столько сутокъ, что общая ихъ сумма составляетъ въ итогѣ цѣлое столѣтіе.

Въ криминалистической литературѣ за послѣднее время появились работы, поставившія своею задачею собрать интересный матеріалъ по психологіи общаго и одиночнаго заключенія. Таковы работы Гегера, Михаэлиса, Ломброзо, Гентига, Тобена и др. Съ все большею яркостью вскрывается опасная ненормальность тюремныхъ настроеній, то убивающихъ арестанта своимъ однообразіемъ, отсутствіемъ внѣшнихъ впечатлѣній, длящеюся спячкою мозга, то ожесточающихъ его душу безнравственнымъ режимомъ. Если раньше на долю прежнихъ судовъ относили справедливый упрекъ въ игнорированіи ими личности въ обвиняемомъ, то съ такимъ же правомъ этотъ упрекъ падаетъ на современную тюрьму: она не знаетъ и не можетъ знать въ осужденномъ его индивидуальныхъ особенностей. Вопреки необходимости индивидуализаціи наказанія, съ особою тщательностью вскрытой французскимъ ученымъ Салейлемъ („L'Individualisation de la peine“), тюрьма остается только фабрикою, иногда прекрасно оборудованною, но всегда выпускающею очень плохіе фабрикаты.

Неостанавливающейся ростъ преступности, увеличеніе рецидива, постоянное возвращеніе въ тюрьму только что выпущенныхъ изъ нея породили сомнѣнія въ дѣйствительности этого средства борьбы съ преступленіемъ. Началась борьба съ самою тюрьмою. Въ началѣ она была очень нерѣшительна, но съ теченіемъ времени становилась все болѣе смѣлою. Она началась въ очень скромной формѣ учрежденіемъ обществъ патроната, т.-е. покровительства заключеннымъ и выходящимъ изъ тюрьмы. Патронатъ ставилъ своею задачею бороться съ неизбежными послѣдствіями тюремнаго заключенія и прежде всего съ еще болѣе осложняющеюся трудностью для

бывшаго арестанта достать себѣ работу, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже уголь для жилья и кусокъ хлѣба. Однако дѣятельность патроната, какъ ни былъ полезенъ благородный трудъ отдѣльныхъ личностей (Говарда, братьевъ Веннинговъ, доктора Гааза и др.), заранѣе была обречена на неуспѣхъ: такъ повелѣвали законы конкуренціи на рынкѣ труда, съ одной стороны, а съ другой — слишкомъ была громадна армія выпущенниковъ изъ тюремъ, чтобы можно было прійти къ ней на помощь.

Большею рѣшительностью отличались шаги, предпринятые въ другомъ направленіи, въ цѣляхъ, во-первыхъ, сократить контингентъ лицъ, подлежащихъ тюремному заключенію, во-вторыхъ, сократить срокъ пребыванія въ тюрьмѣ и, въ-третьихъ, преобразовать тюрьму, организовавъ ее на началахъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ противоположныхъ тѣмъ, которыя были положены въ основаніе пенсильванской и обурнской системы.

Что касается сокращенія контингента лицъ, подлежащихъ тюремному заключенію, то онъ сузился прежде всего исключеніемъ изъ него ребенка. Дѣти съ ихъ преступленіями несутъ прогрессъ въ область уголовного права. Съ нихъ началось сокращеніе примѣненія смертной казни и пытки; къ нимъ прежде всего началъ примѣняться принципъ исправленія вмѣсто стараго принципа устрашенія; съ нихъ начало свое развитіе ученіе о невмѣняемости и т. д. Указаніе на вредъ тюремнаго заключенія было сдѣлано прежде всего также по отношенію къ ребенку. Заявленное теоріей и общественнымъ мнѣніемъ требованіе, чтобы двери тюрьмы не открывались передъ ребенкомъ, было исполнено. Первоначально установленный закономъ для такихъ случаевъ возрастъ ребенка былъ очень низокъ, но онъ постепенно повышался, и въ настоящее время рѣчь идетъ уже не о дѣтяхъ, но о несовершеннолѣтнихъ. Другое сокращеніе контингента лицъ, попадающихъ въ тюрьмы, было вызвано борьбою съ краткосрочнымъ заключеніемъ. Эти краткосрочные приговоры къ тюрьмѣ, падающіе, по образному выраженію Принса, на преступную массу мелкимъ дождикомъ, лишены всякаго исправительнаго вліянія и лишь клеймятъ осужденнаго позоромъ причисленія его къ міру тюремныхъ завсегдатаевъ. Здѣсь на смѣну тюрьмы явились другія менѣе тяжкія наказанія, а также институтъ условнаго осужденія, т.-е. приговоръ къ наказанію лишь условно, и немедленнаго освобожденія приговореннаго отъ наказанія. Наказаніе совсѣмъ не примѣняется, если въ теченіе опредѣленнаго срока обвиняемый не совершитъ новаго преступнаго дѣянія. Въ различныхъ законодательствахъ институтъ условнаго осужденія примѣняется не съ одинаковою широтою. Различны законодательныя постановленія о срокѣ испытанія, о его условіяхъ, но несомнѣнные и общепризнанные успѣхи такого освобожденія отъ наказанія постепенно ведутъ къ новымъ завоеваніямъ института, а слѣдовательно, и къ сокращенію примѣненія наказанія. Начиная съ 1878 г., когда

условное осужденіе было введено въ Массачузетсѣ, оно распространилось теперь болѣе чѣмъ по ста государствамъ (включая сюда отдѣльные штаты Америки и Швейцаріи). Оно извѣстно, между прочимъ, Египту, Японіи, Сіаму, почти всѣмъ европейскимъ государствамъ и было принято Государственною Думою въ Россіи, но отвергнуто Государственнымъ Совѣтомъ.

Въ качествѣ второй формы, въ которую вылилась борьба съ вредными послѣдствіями тюремнаго заключенія, появившагося даже ранѣе условнаго осужденія, мы отмѣчаемъ условное освобожденіе и переходныя тюрьмы. Подъ условнымъ освобожденіемъ понимается освобожденіе отъ наказанія лишеніемъ свободы ранѣе того срока, который былъ указанъ въ судебномъ приговорѣ, но подъ условіемъ, чтобы освобождаемый заключенный соблюдалъ опредѣленные поставленные ему правила поведенія. Эти правила поведенія опредѣляются неодинаково въ различныхъ законодательствахъ. Различны и органы, опредѣляющіе условное освобожденіе. Но вездѣ несоблюденіе поставленныхъ условій ведетъ къ обратному возвращенію въ мѣсто заключенія. Опыты въ рядѣ государствъ показали полный успѣхъ новыхъ начинаній: процентъ лицъ, не соблюдавшихъ принятыхъ на себя условій поведенія, былъ весьма невысокъ. Условное сокращеніе срока пребыванія арестанта въ тюрьмѣ наступало въ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтствующіе органы находили излишнимъ дальнѣйшее отбываніе осужденнымъ его наказанія. Институтъ условнаго освобожденія, менѣе радикальный, нежели условное осужденіе, принятъ въ большинствѣ государствъ и въ томъ числѣ также и въ Россіи.

Въ нѣкоторыхъ странахъ (напримѣръ, въ Англіи, Венгріи) условному освобожденію арестанта предшествуетъ переводъ его изъ обыкновенной тюрьмы въ особую, носящую названіе переходной. Режимъ этихъ тюремъ значительно отличается отъ обычнаго тюремнаго и имѣетъ своимъ назначеніемъ смягчить рѣзкость перехода отъ полной тюремной неволи къ свободной жизни. Если тюрьма убиваетъ въ заключенныхъ инициативу, энергію, превращаетъ ихъ въ какихъ-то заводныхъ автоматовъ, то переходная тюрьма призвана исправить это зло, привитое всей системой заточенія. Въ этихъ цѣляхъ переведенные въ переходныя тюрьмы имѣютъ право отлучекъ оттуда безъ стражи, они не носятъ арестантскаго платья, такъ рѣзко отличающагося и своимъ покроємъ и цвѣтомъ матеріи отъ одежды свободнаго населенія (въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, въ Италіи, арестантское платье шьется изъ матеріи съ широкими полосами двухъ разныхъ цвѣтовъ въ родѣ костюма клоуна), однимъ словомъ, положеніе арестанта переходной тюрьмы напоминаетъ положеніе наемнаго рабочаго.

Итакъ, тюремное заключеніе, остававшееся ранѣе единымъ, цѣлымъ, однообразнымъ отъ перваго до послѣдняго дня опредѣленнаго судомъ срока, теперь распалось на три періода, и только первый изъ нихъ отбывается на прежнихъ условіяхъ, второй уже

имѣеть цѣлью исправить зло, причиненное тюрьмою, а третій даетъ условную свободу.

На этомъ борьба съ тюрьмою не остановилась. Она вылилась еще въ четвертую форму, въ видѣ организаціи учрежденій на основаніяхъ, до нѣкоторой степени противоположныхъ принципамъ тюремнаго заточенія. Таковыми явились американскія реформаторіи.

Реформаторіи. Когда ни общая, ни одиночная системы тюремнаго заключенія не принесли ожидаемой побѣды надъ преступностью, та же самая Америка, которая была родиной одиночной системы, сдѣлала смѣлый по своей оригинальности новый опытъ устройства совершенно своеобразныхъ мѣстъ заключенія. Въ основу организаціи этихъ учрежденій, получившихъ названіе реформаторій, во многихъ случаяхъ были положены принципы, противоположные тѣмъ устоямъ, на которыхъ была построена вся тюремная система. Реформаторіи опредѣлили свою задачу такъ же, какъ опредѣляла ее и обыкновенная тюрьма новаго времени и вся репрессивная система XIX вѣка: онѣ стремились также къ исправленію преступника, но при помощи средствъ, которыхъ обыкновенная тюрьма не знала, а частью сознательно отрицала, считая ихъ несовмѣстимыми съ самой идеей тюремнаго заключенія.

Первая изъ реформаторій была учреждена близъ г. Эльмиры въ штатѣ Нью-Йоркъ въ 1876 г. по инициативѣ Брокуея. Согласно закона, изданнаго спеціально для вновь открытаго учрежденія, лица, приговариваемыя въ реформаторію, отправлялись туда на срокъ лишь относительно опредѣленный, т.-е. въ приговорѣ указывался тотъ максимальный срокъ, въ теченіе котораго осужденный могъ быть задержанъ, но онъ могъ быть отпущенъ по усмотрѣнію особаго органа при реформаторіи и ранѣе, если признавался исправившимся. Максимальный срокъ возможнаго задержанія равнялся наивысшему сроку, указанному въ законѣ за данное преступленіе. Противъ такой системы лишь относительно опредѣленнаго приговора, когда освобожденіе осужденнаго зависѣло не отъ судебного, а отъ административнаго органа, дѣлалось возраженіе, что она противорѣчитъ принципамъ индивидуальной свободы. Въ защиту же системы указывалось, что администрація тюрьмы не отягчаетъ положеніе осужденнаго, а можетъ лишь смягчить судебный приговоръ, выпустивъ исправившагося заключеннаго значительно ранѣе срока. Оправданіе же такого досрочнаго освобожденія лежитъ именно въ цѣляхъ исправленія: нѣтъ нужды причинять заключенному, приговоренному, напримѣръ, на 10 лѣтъ, лишенія и страданія заточенія, если администрація признаетъ его уже черезъ годъ исправившимся. Здѣсь преслѣдуется не возмездіе, а исправленіе. И дѣйствительно, изъ 12.877 заключенныхъ 10% пробыли назначенный имъ срокъ полностью, болѣе 7% вышли по истеченіи года, около 21% черезъ два года, столько же въ теченіе третьяго года и около 13% получили условное освобожденіе черезъ три года.

Уже внѣшній видъ реформаторій значительно отличается отъ вида обыкновенныхъ тюремъ. Участникамъ Международнаго Вашингтонскаго тюремнаго конгресса 1910 г. былъ розданъ альбомъ видовъ реформаторіи, гдѣ вмѣсто громадныхъ суровыхъ стѣнъ съ небольшими рѣшетчатыми окнами зритель видитъ зданія роскошной легкой, изящной архитектуры съ громадными окнами, окруженныя богатою растительностью, расположенныя въ живописной мѣстности (см. рис. на стр. 422). Внутри зданій расположены камеры заключенныхъ, помѣщенія для собраній, классы для занятій, мастерскія, столовые и пр., обставленныя съ изяществомъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ уютомъ, совершенно незнакомыми даже новѣйшимъ тюремнымъ зданіямъ, угнетающимъ своихъ вольныхъ и невольныхъ посѣтителей тяжелою, давящею громоздкою, сѣрымъ однообразіемъ, пустотою длинныхъ коридоровъ съ голыми стѣнами. Обстановка въ камерахъ не одинакова и различается смотря по тому, къ какому изъ трехъ классовъ принадлежитъ заключенный. Режимъ заключенныхъ также различается по тремъ классамъ. Новоприбывшіе зачисляются во второй классъ, въ случаѣ ихъ успѣховъ, оцѣниваемыхъ баллами, они переводятся въ первый классъ, а въ случаѣ неуспѣховъ—въ третій классъ, откуда могутъ быть переправлены и въ обыкновенныя тюрьмы.

Америка, давая Европѣ примѣръ противоестественнаго режима полного молчанія и полнѣйшей изоляціи арестантовъ въ ихъ одиночныхъ камерахъ, даетъ теперь въ своихъ реформаторіяхъ примѣръ организаціи здороваго общенія заключенныхъ. Здѣсь организованы клубы, научныя общества, литературныя и музыкальныя кружки, религіозныя ассоціаціи и пр. Предсѣдатели кружковъ избираются изъ числа самихъ арестантовъ. Товарищескія бесѣды сопровождаются преніями, и мысль заключеннаго, можетъ быть противъ желанія, вездѣ находитъ себѣ работу, отвлекающую ее отъ тяжелыхъ или опасныхъ размышленій и оупляющаго однообразія четырехъ стѣнъ камеры.

Америка же, давая примѣръ не только разобщенія арестантовъ, но и ихъ отдѣленія отъ внѣшняго міра, иногда въ формѣ близкой къ замуравливанію заживо, дала въ реформаторіяхъ примѣръ организаціи здороваго общенія и съ міромъ внѣ тюрьмы. Какъ бы эмблематическимъ выраженіемъ этого новаго принципа явилась сама внѣшность реформаторіи съ ея громадными окнами, черезъ которыя внутрь помѣщеній врываются обильно свѣтъ и тепло солнца. Въ то время, какъ въ обыкновенныхъ тюрьмахъ безусловно запрещается чтеніе газетъ, политическихъ журналовъ, въ реформаторіи первоначально за общимъ завтракомъ читалась вслухъ газета, и такимъ образомъ узнавались всѣ важнѣйшія политическія новости. Позднѣе въ различныхъ реформаторіяхъ было приступлено къ изданію собственныхъ газетъ. Программа такихъ тюремныхъ органовъ включаетъ въ себя отдѣлы политическій съ

передовыми статьями на злобы дня, научный, литературный и хронику изъ жизни тюрьмы съ сообщеніями о состоявшихся собраніяхъ, засѣданіяхъ и пр. Этимъ средствомъ стараются развить въ арестантѣ интересъ и сознательное отношеніе къ политической жизни родины.

Для достиженія наибольшихъ успѣховъ въ дѣлѣ образованія и общаго умственнаго развитія арестантовъ въ реформаторіяхъ устроены богатѣйшія библіотеки, и организовано широко поставленное образованіе. Нѣкоторыя изъ библіотекъ имѣютъ большое количество книгъ (въ Понтіакѣ—12.000 томовъ) съ большимъ ихъ годовымъ оборотомъ (въ Эльмирѣ до 90.000 выдачъ въ годъ). Что же касается образованія, то въ то время, какъ въ обыкновенныхъ тюрьмахъ не идутъ далѣе элементарнаго обученія чтенію, письму, счету, закону Божьему и т. п., въ реформаторіяхъ преподаютъ этику, соціологію (политическую экономію), англійскую литературу, исторію и пр. Нѣкоторые лекторы пріѣзжаютъ изъ другихъ городовъ, и лекціи становятся предметомъ обсужденія заключенныхъ. Въ цѣляхъ наибольшаго успѣха обученія арестанты подраздѣляются на многочисленные группы.

Не менѣе широко поставлено и дѣло обученія практическимъ знаніямъ. Многочисленные оборудованныя согласно послѣднему слову техники мастерскія даютъ возможность заключенному выйти изъ реформаторіи хорошимъ спеціалистомъ въ области какого-либо труда. Здѣсь имѣются школы лудильщиковъ, кузнецовъ, токарей, слесарей, плотниковъ, граверовъ, наборщиковъ, переписчиковъ на машинахъ, телеграфистовъ, стенографистовъ, циркульниковъ, живописцевъ, каменщиковъ и пр.

Большое вниманіе обращено на физическое развитіе арестантовъ. Тюремное заключеніе, въ особенности одиночный режимъ, лишая заключеннаго возможности движенія, очень пагубно отражается на общемъ состояніи здоровья арестантовъ обыкновенныхъ тюремъ. Въ реформаторіяхъ въ цѣляхъ физическаго развитія введены занятія гимнастикою и военнымъ строемъ и, между прочимъ, ритмическая гимнастика подъ музыку. Оригинальнымъ нововведеніемъ была организація такъ называемаго физическаго лѣченія. Первые опыты въ этомъ направленіи сдѣлалъ д-ръ Вей въ Эльмирской реформаторіи: въ 1890 г., когда было построено специальное зданіе съ просторнымъ заломъ для гимнастическихъ упражненій, съ бассейномъ для плаванія, душами, машинами для леченія электричествомъ, Вей выбралъ для первыхъ своихъ опытовъ наиболѣе отсталыхъ арестантовъ и, по мнѣнію администраціи, наиболѣе испорченныхъ. Лѣченіе ихъ массажемъ, душами, электричествомъ, улучшеннымъ питаніемъ привело къ успѣхамъ ихъ въ наукахъ, ремеслахъ, измѣнило въ лучшую сторону ихъ характеръ и, по словамъ отчета, даже грубая внѣшность, „бычачье“ выраженіе лица смѣнилось на болѣе одухотворенное и осмысленное.

Возрастъ заключенныхъ въ различныхъ реформаторіяхъ не одинаково колеблется между 16 и 30—40 годами, хотя встрѣчаются арестанты даже старше 60 лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ реформаторіяхъ могутъ быть принимаемы арестанты независимо отъ совершеннаго ими преступленія, въ другихъ же не опускается пріемъ совершившихъ нѣкоторыя опредѣленные проступленія.

Вниманіе ученыхъ тюрьмовѣдовъ къ реформаторіи было постоянно, съ самаго возникновенія новыхъ учрежденій, самое интенсивное. Въ литературѣ могутъ быть названы тщательныя, всестороннія изслѣдованія этихъ американскихъ тюремъ. Таковы, напри- мѣръ, работы Herr („Das moderne amerikanische Besserungssystem“, 1907), Baernreither („Jugendfürsorge und Strafrecht in den Vereinigten Staaten von Amerika“, 1915). Новая система имѣетъ своихъ противниковъ и защитниковъ. Противниками и защитниками въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывалось на не вяжущіяся съ общимъ духомъ реформаторій дисциплинарныя наказанія: ограниченія пищи, лишеніе арестантовъ третьяго класса права переписки съ родными, тѣлесныя наказанія, примѣненіе которыхъ было установлено въ большемъ числѣ случаевъ и привело къ смѣщенію директора эльмирской реформаторіи. Указывалось также на тяжесть положенія арестанта, не знающаго дня своего освобожденія, на широкую власть администраціи. Установленныя злоупотребленія, находящіяся въ полномъ противорѣчій съ основными принципами реформаторій, показали, что и эта „золотая клѣтка“ не смогла отрѣшиться отъ проявленія неуваженія къ личности заключеннаго и даже отъ полного игнорированія въ арестантѣ его человѣческаго достоинства, особенно наблюдаемаго въ каторжныхъ тюрьмахъ этой же Америки, гдѣ еще не вымерла даже система продажи труда осужденныхъ на плантаціи, съ превращеніемъ арестантовъ въ невольниковъ плантаторовъ.

Дѣтскіе суды. Крупнѣйшимъ завоеваніемъ уголовно-соціологическаго направленія въ области борьбы съ преступностью является молодое учрежденіе такъ называемыхъ дѣтскихъ судовъ. Возникнувъ лишь въ самомъ концѣ XIX вѣка, дѣтскіе суды съ поразительною быстротою распространились по государствамъ всего міра и часто начинали свою работу даже ранѣе, чѣмъ соотвѣтствующій законъ проходилъ черезъ законодательныя учрежденія. Новая проповѣдь, приглашавшая отбросить такъ называемый мечъ правосудія въ сторону, „въ самой испорченной душѣ, гдѣ все-таки всегда остаются здоровыя островки, лишь покрытые наноснымъ иломъ и грязью, найти точку опоры для внѣшняго добраго на нее воздѣйствія“ (Кони) и итти къ малолѣтнему со словами любви и дѣломъ помощи, дать ему вмѣсто тюрьмы и даже вмѣсто исправительнаго пріюта мѣсто въ обыкновенной школѣ, въ хорошей мастерской, вмѣсто надзора улицы предоставить ему тщательное и разумное попеченіе опытнаго спеціалиста, становящагося защитникомъ ребенка, такая проповѣдь захватила своею новизною, глубиною и нрав-

ственной высотой широкие общественные круги. Очень скоро новый способ борьбы с детской преступностью из дела общественной и частной благотворительности становится делом широкого государственного вмешательства во все те сферы, не исключая и чисто семейной, где только мог быть найден нуждающийся в защите и в справедливости малолетних. В отдельных штатах Америки, в Италии, Бельгии, Франции, Англии и в других государствах ребенок и его права на жизнь, воспитание, обучение становятся предметом специального законодательства, а направление и дух этого законодательства находят себе прекрасную характеристику и оценку хотя бы в том названии, которое дает английский народ своему закону о защите детства: он называется его именем самого дорогого для англичанина законодательного акта — „великой хартией вольностей“.

Родиной детских судов должно признать Америку, являющуюся родиной и многих других институтов в области уголовной политики. Убеждение, что малолетнему не должно быть места в тюрьме, с одной стороны, а с другой, разочарование в успехах деятельности исправительных учреждений привели в штате Массачусетс к частным попыткам отдавать малолетних преступников вместо тюрьмы и исправительных учреждений под присмотр. Успех этих частных опытов облегчил принятие соответствующего закона. Принятие закона о присмотре наносило большую брешь в старый порядок борьбы с детской преступностью и облегчало впоследствии развитие детского суда. Раньше других штатов детский суд был открыт в г. Чикаго согласно закону штата Иллинойса „О детях покинутых, безпризорных и преступных и о присмотре за ними“. Самое название закона впервые сближало те явления, на причинной связи которых так упорно настаивала социологическая школа: безпризорность и покинутость были поставлены рядом с преступностью. Особенностью названного закона и других, сходных с ним, принятых в течение короткого времени в Америке и в Европе, было установление особого процессуального порядка рассмотрения дел о малолетних и, во-вторых, перенесение внимания в борьбу с детской преступностью с репрессии на предупреждение. Первая особенность процессуального характера находит свое объяснение и оправдание специально в особенностях психики ребенка. Что же касается особенностей средств борьбы, то их применение с одинаковым успехом могло бы быть оправдано и по отношению к взрослым. Правда, короткая история детских судов свидетельствует нам о их колоссальном росте не только в географических пределах, но также и в отношении компетенции: детский суд завоевывает все новые и новые области деятельности, он уже не только судит ребенка, но и за отношение к ребенку, и, наконец, уже известны попытки применить принципы борьбы с преступностью,

практиковавшіеся лишь по отношенію къ ребенку, также и ко взрослому.

Въ основу дѣятельности дѣтскихъ судовъ положена идея соціологической школы: „преступность можетъ быть побѣждена лишь побѣдою надъ вызывающими ее причинами“. Нельзя не признать, что борцы за реформу уголовного процесса, требовавшіе свободы судейскаго убѣжденія, отмѣны системы формальныхъ доказательствъ, настаивавшіе на необходимости публичности, устности и состязательности процесса, указывавшіе на человѣческое достоинство лица, хотя бы и совершившаго позорнѣйшее и тяжкое преступленіе, были очень далеки отъ предъявленія требованій выяснять также и причины преступности. Практика допускала такое выясненіе лишь въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ только по наиболѣе заинтересовавшимъ общество процессамъ, дѣла же о мелкихъ кражахъ, мошенничествахъ, растратахъ и мн. др. задерживали вниманіе судей обыкновенно на самое короткое время, необходимое лишь для установленія факта преступленія: причины же, его вызвавшія, оставались внѣ области судебнаго разсмотрѣнія. При такомъ положеніи вопроса, судъ въ итогъ своего разсмотрѣнія приходилъ къ оправдательному или обвинительному приговору и въ первомъ случаѣ освобождалъ виновнаго отъ наказанія, а во-второмъ опредѣлялъ родъ и размѣръ наказанія съ точностью, указанною въ законѣ, но рѣдко отвѣчавшею особенностямъ даннаго преступленія и даннаго преступника. Впрочемъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ предварительное и судебное слѣдствіе не дѣлали никакихъ попытокъ выяснить психологію обвиняемаго; они не обладали для этого ни нужными свѣдѣніями, ни даже достаточнымъ временемъ. Съ такимъ положеніемъ уголовного процесса не примирился дѣтскій судъ. На разборъ къ нему можетъ поступить дѣло только послѣ тщательной предварительной подготовки, которая ставитъ своею цѣлью выяснить самый фактъ совершенія преступленія, характеръ и личныя особенности малолѣтняго и причины, приведшія его къ преступленію. Въ качествѣ вспомогательныхъ органовъ при дѣтскомъ судѣ существуютъ такъ называемые попечители изъ лицъ обоого пола, работающихъ или безвозмездно или чаще за опредѣленное и притомъ иногда высокое жалованіе.

Попечители должны подробно изучить каждое порученное имъ судьей дѣло. Въ этихъ цѣляхъ они путемъ разспроса родныхъ, хозяевъ, учителей малолѣтняго, посредствомъ личныхъ посѣщеній и наблюденій подробно выясняютъ условія жизни малолѣтняго въ прошломъ и въ настоящемъ, стараясь раскрыть причины, побудившія ребенка на преступленіе. Въ день судебнаго разсмотрѣнія дѣла судья имѣетъ полную возможность знать и характеръ самого юнаго обвиняемаго и внѣшнія условія его жизни. Сообразуясь со всѣмъ тѣмъ, что онъ узналъ самъ лично и черезъ посредство попечителя, судья и рѣшаетъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ обвиняемаго. Въ

его арсеналъ тюрьма и исправительныя колоніи являются самыми крайними мѣрами, всего же охотнѣе онъ прибѣгаетъ къ измѣненію условій жизни малолѣтняго, если онъ признаетъ, что эти условія неблагопріятно вліяютъ на его кліента. Онъ видитъ въ немъ прежде всего не нарушителя уголовного запрета, а именно нуждающагося въ защитѣ. Подъ присмотромъ попечителя должна протекать до опредѣленнаго срока дальнѣйшая жизнь юнаго преступника. Чтобы такой присмотръ былъ дѣйствительно полезнымъ, попечитель не долженъ быть обремененъ большимъ количествомъ подчиненныхъ, и законъ или практика устанавливають здѣсь опредѣленную максимальную цифру.

Когда дѣтскій судъ изъ мѣста кары сталъ мѣстомъ защиты и помощи, вполне понятнымъ явилось его дальнѣйшее развитіе. Почему для оказанія помощи ребенку надо ждать его преступленія? Не лучше ли прійти съ этою помощью въ необходимый моментъ пораньше и тѣмъ самымъ предупредить преступленіе? Двухъ различныхъ отвѣтовъ на такой вопросъ не могло быть дано. И въ камеру дѣтскаго суда стали не только приводить юныхъ преступниковъ, но начали сами приходить безпризорные и такъ или иначе кѣмъ-либо обиженные. Дѣтскій судъ сталъ судьей надъ общественными несправедливостями. Законъ пришелъ къ нему на помощь по устраненію въ отдѣльныхъ случаяхъ этихъ несправедливостей. Образцами такихъ законовъ являются англійскій законъ о дѣтяхъ 1908 г. и бельгійскій законъ 1912 г. Названные и нѣкоторые другіе законы являются какъ бы уложеніями или сводами законовъ о дѣтяхъ, гдѣ предусмотрѣны мѣры защиты ребенка съ момента его появленія на свѣтъ: устанавливается строгій контроль за лицами, берущими дѣтей на вскармливаніе и воспитаніе, предусматривается лишеніе родителей ихъ власти надъ дѣтьми въ случаѣ жестокаго обращенія или порочности поведенія, ихъ отвѣтственность при небреженіи ихъ воспитаніемъ или физическимъ здоровьемъ и пр. Такъ какъ при экономической несостоятельности всѣ мѣры отвѣтственности родителей могли бы лишь приводить къ наказанію послѣднихъ безъ серьезнаго облегченія положенія самого ребенка, то законъ предусматриваетъ возможность государственнаго вмѣшательства для исполненія тѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на родителяхъ. Это вызываетъ сѣтъ самыхъ разнообразныхъ государственныхъ учрежденій по заботѣ о ребенкѣ. Такъ отъ мѣръ репрессіи судъ сдѣлалъ крупный шагъ къ мѣрамъ превенціи.

Что касается процессуальныхъ особенностей, то однѣ изъ нихъ относятся къ области судоустройства, другія къ области судопроизводства. Къ числу первыхъ принадлежитъ спеціализація должности дѣтскаго судьи, т.-е. разборъ дѣлъ о малолѣтнихъ поручается судѣ, который спеціализируется по разбору такихъ дѣлъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ судья посвящаетъ себя исключительно разбору дѣтскихъ дѣлъ, въ другихъ всѣ дѣла о малолѣтнихъ идутъ къ опре-

дѣленному судѣ, хотя онъ же занимается разсмотрѣніемъ и другихъ судебныхъ дѣлъ. Но во всякомъ случаѣ здѣсь устанавливается спеціализація, предполагающая знакомство судьи съ особенностями дѣтской психики, по крайней мѣрѣ благопріятствующая развитію у дѣтскаго судьи знаній, необходимыхъ ему въ его работѣ. Съ внѣшней стороны обряды и формы судопроизводства у дѣтскаго судьи значительно упрощаются. Обычной въ судахъ торжественности здѣсь нѣтъ. Обстановка суда приближается по возможности къ бесѣдѣ судьи съ самимъ обвиняемымъ юнцомъ и съ другими лицами по поводу его дѣла. Въ цѣляхъ избѣжать дурного вліянія на малолѣтняго залы, переполненной слушателями (какъ это обыкновенно наблюдается при судебныхъ разборахъ), судебное засѣданіе о малолѣтнихъ обвиняемыхъ производится не публично. Въ этихъ же цѣляхъ запрещается опубликовываніе въ газетахъ судебныхъ отчетовъ съ упоминаніемъ фамилій малолѣтнихъ преступниковъ. Составъ дѣтскаго суда бываетъ то коллегіальный, то, чаще, единоличный. Въ случаѣ коллегіальнаго состава принципъ спеціализаціи также находитъ свое примѣненіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спеціализація наблюдается даже на органахъ предварительнаго слѣдствія. Такъ, по французскому закону 1913 г. производство предварительныхъ слѣдствій о малолѣтнихъ, тамъ, гдѣ законъ ихъ требуетъ, поручается спеціальному слѣдователю, которому, не въ примѣръ слѣдователямъ по дѣламъ взрослыхъ, одна изъ статей названнаго закона предписываетъ обращать серьезное вниманіе на изслѣдованіе причинъ даннаго преступленія.

Какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, новыя начала борьбы, примѣненныя по отношенію къ малолѣтнимъ, теперь пытаются распространить и на борьбу съ преступностью взрослыхъ. Америка сдѣлала новые шаги и въ этомъ направленіи.

Здѣсь попечители стали назначаться и ко взрослымъ осужденнымъ, и такой надзоръ въ нѣкоторыхъ штатахъ примѣняется въ довольно широкихъ размѣрахъ. Попечители обращаютъ особое вниманіе на разслѣдованіе для доклада суду условій жизни преступника и причинъ, приведшихъ его къ преступленію. Такимъ образомъ, судъ имѣетъ передъ собою матеріаль, позволяющій ему отнестись съ особою тщательностью къ выбору надлежащаго средства воздѣйствія на преступника. При такой системѣ тюрьма остается крайнимъ средствомъ борьбы съ преступностью. Спеціальная работа П. А. Люблинскаго, посвященная настоящему вопросу („Условное осужденіе и попечительный надзоръ въ Америкѣ“ въ „Жур. М. Ю.“, 1912, № 9 и 10), отмѣчаетъ блестящіе успѣхи новаго дѣла. Попечители стремятся къ воздѣйствію на виновника въ томъ смыслѣ, чтобы онъ удовлетворилъ потерпѣвшаго, возмѣстивъ ему причиненный ущербъ. Они вмѣстѣ съ тѣмъ много дѣлаютъ въ качествѣ посредниковъ между осужденнымъ и его семьей въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдовало осужденіе. За оставленіе семьи въ безпомощномъ

состояніи (22%, всѣхъ мужчинъ, отданныхъ подъ присмотръ въ штатѣ Нью-Йоркѣ въ 1910 г. было осуждено за это преступленіе). Избавляя осужденныхъ отъ тюрьмы съ ея развращающимъ вліяніемъ, не дѣлая изъ новичка преступленія упорнаго рецидивиста, попечительный надзоръ надъ взрослыми осужденными является въ глазахъ американскихъ криминалистовъ теоретиковъ и практиковъ однимъ изъ самыхъ выдающихся явленій въ области борьбы съ преступностью. Дѣйствительно, попечительный надзоръ хотя и связанъ съ институтомъ условнаго осужденія, уже получившимъ право гражданства, несмотря на его молодость, однако носить въ себѣ и новую черту: онъ построенъ на признаніи глубокаго значенія за факторами соціальной среды. Вѣра въ разрушающую силу этихъ факторовъ, если они сложились неблагопріятно, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣра въ ихъ силу, созидающую счастье отдѣльной личности и всего общества, если они сложились благопріятно. Ясно, что и здѣсь, какъ въ борьбѣ дѣтскихъ судовъ съ дѣтскою преступностью, рано или болѣе поздно придутъ къ сознанію о необходимости разнообразной государственной помощи нуждающемуся населенію, къ созданію новой великой хартіи вольностей на началахъ не только правового, но и соціальнаго, экономического равенства.

Разсмотрѣніе исторіи отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ показало намъ постепенное вымираніе наказанія, какъ кары или возмездія, и постепенное развитіе мѣръ исправленія преступника и предупрежденія преступленія посредствомъ воздѣйствія на соціальныя факторы преступности. Такое измѣненіе въ области практической борьбы съ преступностью совершалось не безъ вліянія науки уголовного права. Здѣсь шелъ споръ трехъ направленій—классическаго, антропологическаго и соціологическаго. Провести рѣзкую границу между воззрѣніями этихъ школъ на средства борьбы съ преступностью не представляется возможнымъ, но различіе несомнѣнно существуетъ. Классическая школа въ лицѣ большинства своихъ представителей, и въ томъ числѣ современныхъ вождей ея Биндинга, Биркемайера, Таганцева, видитъ въ наказаніи кару, заслуженную преступникомъ, хотя въ числѣ цѣлей наказанія признаетъ большое значеніе также и за исправленіемъ. Она не отрицаетъ пользы предупрежденія преступленія посредствомъ измѣненія соціальной среды, но, не относя къ области науки уголовного права изученія причинъ преступности, не интересуется никакими иными средствами борьбы съ нею, кромѣ наказаній. Антропологическое направленіе отрицаетъ наказаніе и, на примѣръ, въ лицѣ Ферри требуетъ замѣны термина „наказанія“ какимъ-либо другимъ, такъ какъ цѣлью борьбы съ преступностью должно быть не то или иное возмездіе, а соціальная оборона. Такое воззрѣніе, однако, не помѣшало нѣкоторымъ антропологамъ, и въ томъ числѣ Ломброзо, долгое время отстаивать смертную казнь, какъ средство уничтоженія неисправимыхъ опасныхъ преступниковъ. Въ области практическаго законодатель-

ства въ качествѣ примѣровъ успѣха, достигнутаго антропологическою школою, можетъ быть указано физическое лѣчение отъ преступности въ американскихъ реформаторіяхъ и кастрированіе преступниковъ въ формѣ лишенія ихъ возможности оплодотворенія. Предупрежденіе преступленій посредствомъ измѣненія соціальныхъ условій болѣе другихъ интересовало изъ антропологовъ Ферри, наоборотъ, Гарофало отрицалъ значеніе такихъ реформъ. Криминалисты-соціологи, подчеркивая преимущественное значеніе предупрежденія преступленій посредствомъ измѣненія соціальной среды, высказываются противъ наказанія какъ возмездія, однако оставляютъ его, какъ средство исправленія преступника, его обезвреженія или даже устрашенія (Листъ, „Наказаніе и его цѣли“). При отсутствіи рѣзкихъ отличительныхъ граней между воззрѣніями школъ на наказаніе, ихъ споръ о наказаніи теперь принялъ направленіе совершенно иное, нежели въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. вмѣсто прежнихъ философскихъ трактатовъ криминалистовъ, пытавшихся доказать право государства наказывать и указывавшихъ на требованіе то попранной справедливости, то общественной пользы и общественного договора, вниманіе ученыхъ сосредоточилось на оцѣнкѣ отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ и въ самое послѣднее время на болѣе широкомъ и общемъ вопросѣ о сравнительномъ значеніи наказанія и мѣръ соціальной безопасности или о понятіи виновности и опаснаго состоянія.

Оцѣнка отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ давала возможность сдѣлать и общую оцѣнку всей системы борьбы съ преступностью. Матеріаломъ для оцѣнки служатъ статистическія свѣдѣнія о рецидивистахъ, число которыхъ повсемѣстно растетъ и тѣмъ доказываетъ, что наказаніе не достигаетъ поставленныхъ ему цѣлей. Такъ, во Франціи среди осужденныхъ судомъ присяжныхъ и исправительнымъ судомъ было рецидивистовъ въ

1903 г. . . . 85.436	1905 г. . . . 88.628	1907 г. . . . 84.619
1904 г. . . . 85.407	1906 г. . . . 80.900	1908 г. . . . 86.790

Въ Англіи въ 1909—1910 гг. изъ 18.1961 отбывавшихъ наказаніе 77,1% женщ. и 57,3% мужч. были уже ранѣе присуждены къ тюремѣ. Среди же осужденныхъ за эти годы къ каторгѣ было 92,50% женщ. и 88,39% мужч. отбывавшихъ ранѣе наказаніе въ тюрьмѣ или на каторгѣ. Въ Австріи рецидивисты составляли въ 1901 г. 52,6% и въ 1903 г. 54,9% общаго числа осужденныхъ за преступленія и проступки. Въ Германіи, начиная съ 1882 г., на каждыя 100.000 населенія приходилось все большее и большее число осужденныхъ рецидивистовъ: въ 1882—18, 1886 г.—280,8, а въ 1907—1911 гг.—549,5 чел. Въ 1894 г. въ Германіи было начато продолжающееся до сихъ поръ изслѣдованіе рецидива. Въ названномъ году 260.063 были осуждены впервые, 62.282 были уже ранѣе осуждены по одному разу, 64.099 отъ 2 до 4 разъ и 30.507 пять разъ и болѣе. Въ 1899 г. изъ первой груп-

пы подверглись новому осужденію 15,4%, по второй 39,5%, по третьей 55,2% и по четвертой 71,7%. Нѣсколько ранѣе сходныя цифры привелъ Листъ, нашедшій, что въ то время, какъ населеніе Германіи за 1882—1896 гг. возросло на 15,8%, преступность увеличилась на 38,5%, увеличеніе числа дважды наказанныхъ выразилось 98%, а пять разъ наказанныхъ даже 277%.

Ростъ рецидива показалъ безуспѣшность наказанія; чѣмъ большее количество разъ подвергался осужденный наказанію, тѣмъ вѣроятнѣе становилось его новое преступленіе, т.-е. наказаніе какъ будто само становилось факторомъ преступленія.

Извѣрившись въ спасительную силу наказанія, криминалисты выдвинули вмѣсто него „соціальную защиту“. Проф. Принсъ („La défense sociale“ 1910) отмѣчалъ неизбежность новаго поворота въ жизни уголовного права. „Теперь, когда успѣхи, достигнутые естественными науками, совершенно измѣнили направленіе современной мысли,—говорилъ онъ,—уголовное право не можетъ оставаться въ сторонѣ отъ этого стремленія къ обновленію и, въ свою очередь, преобразуется. Типичной особенностью этого преобразования является отрѣшеніе отъ традиціонной классической базы репрессивнаго суда, отъ принципа субъективной отвѣтственности виновнаго и усвоеніе базы болѣе объективной—принципа соціальной защиты“. Вмѣсто анализированія воли преступника классическою школою, вмѣсто ученія о вѣняемости и виновности, вмѣсто наказанія Принсъ и сторонники новой реформы приглашаютъ къ изученію опаснаго состоянія личности, къ выработкѣ мѣръ соціальной защиты, чуждыхъ несправедливостей и бесполезныхъ страданій. Реформаторы указываютъ уголовному праву путь, на который вступило уже гражданское право: въ сферѣ промышленности не идетъ болѣе рѣчи о доказанности вины хозяина предпріятія при несчастныхъ случаяхъ съ рабочими; достаточно доказать наличность несчастнаго случая. Такъ, Германское гражданское уложеніе выдвинуло вмѣсто виновности значеніе причинности; такъ возникла доктрина объективной отвѣтственности, независимой отъ вины. Изученіе вины, преступности и особенностей преступниковъ приводитъ къ выводу о необходимости новыхъ средствъ борьбы съ преступностью. Совершаетъ ли преступленіе душевно-больной или здоровый человѣкъ, общество должно обезопасить себя отъ самой возможности совершенія опасныхъ дѣяній. Но величайшему разнообразію психическихъ особенностей преступника и разнообразію причинъ преступности должно отвѣчать и разнообразіе средствъ борьбы съ преступниками. Классическая школа не знаетъ этого разнообразія. Выработавъ схему въ нѣсколько различныхъ наказаній, она сообразуется съ тяжестью и значеніемъ преступленія и опредѣляетъ съ точностью тѣ рамки, въ предѣлахъ которыхъ допустима дифференціация наказанія. Новѣйшіе законодательные акты и нѣкоторые проекты уложеній уже считаются съ опаснымъ состояніемъ, но большею частью лишь въ

о д н о м ъ направленіи: въ смыслѣ продленія заточенія такого преступника. Такъ, въ Бельгіи мировой судья можетъ приговорить бродягу и нищаго къ заточенію на срокъ до 7 лѣтъ. Въ Норвегіи по закону 1902 г. судъ можетъ поставить для присяжныхъ вопросъ объ опасномъ состояніи преступника, и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта преступникъ можетъ быть дополнительно заточенъ на срокъ до 15 лѣтъ. Въ Англіи по закону 21 дек. 1908 г. преступники, признанные опасными, могутъ также подлежать дополнительному временному заточенію на сроки 5—10 лѣтъ. Помимо возможнаго продленія заточенія для опасныхъ преступниковъ, идея соціальной защиты нашла себѣ осуществленіе въ созданіи особыхъ мѣстъ для содержанія преступниковъ пьяницъ, умственно-дефективныхъ и душевно-больныхъ. Такъ, въ Англіи, на о. Уайтѣ, тюрьма Паркрустъ для умственно-дефективныхъ осужденныхъ характеризуется особымъ режимомъ: здѣсь особое питаніе и специально-приспособленныя работы, особые специально подготовленные надзиратели, особый тщательный врачебный надзоръ и пр. (см. Люблинскій, „Очерки современнаго суда и наказанія въ Англіи“ 1911). По словамъ Ашаффенбурга, автора специальнаго изслѣдованія „Die Sicherung der Gesellschaft gegen gemeingefährliche Geisteskranke“ (1912), такія заведенія уже устроены въ Бельгіи, Франціи, Англіи, Голландіи (завед. „Медембликъ“), Германіи (напримѣръ, „Теупитцъ“ въ Бранденбургѣ), въ Норвегіи и другихъ странахъ.

Вопросъ объ опасномъ состояніи, объ отличіи наказанія отъ мѣръ соціальной защиты былъ предметомъ обсужденія на мѣстныхъ и международныхъ съѣздахъ союза криминалистовъ, а также и въ литературѣ (напримѣръ, въ обширномъ трудѣ проф. Жижиленко, „Наказаніе“, 1914).

Наиболѣе сильное и правильное возраженіе противъ немедленнаго введенія понятія опаснаго преступника состоитъ въ тревогѣ за индивидуальную свободу. При классовомъ устройствѣ государства возможно ждать, что „соціально-опаснымъ“ будетъ признаваться и тотъ, кто представляется въ дѣйствительности опаснымъ лишь для опредѣленнаго класса. Проф. Принсу новое понятіе защиты общества кажется благороднымъ и высокимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тождественнымъ съ понятіемъ покровительства обществу, далекимъ отъ посягательства публичной власти на индивидуальную свободу. Это вѣрно лишь отчасти и лишь постольку, поскольку рѣчь идетъ о мѣрахъ соціальной защиты, сливающихся съ мѣрами лѣченія или направляющихся на устраненіе соціальныхъ несправедливостей и на предупрежденіе преступленій. Но индивидуальная свобода подвергается величайшей опасности, когда суду предоставляется право заточать на долгіе годы въ цѣляхъ общественной безопасности какого-нибудь профессиональнаго нищаго. А между тѣмъ, какъ мы видѣли, законодательства дѣлаютъ шаги въ этомъ направленіи съ особою охотою. Для этого не требуется значительныхъ денеж-

ныхъ средствъ и не приходится проводить глубокихъ соціальныхъ реформъ.

Но каково бы ни было отношеніе криминалистовъ къ вопросу о вмѣняемости и опасномъ состояніи, зарожденіе и развитіе антропологическаго и соціологическаго направленія привело къ образованію новой вѣтви въ области науки уголовного права—уголовной политики. На ряду съ изученіемъ репрессивныхъ мѣръ, т.-е. наказаній, она сдѣлала предметомъ своего изслѣдованія также и мѣры превенціи, т.-е. предупрежденія преступленія. Изслѣдованіе Ваһе („Le crime devant la science“, 1910), Гогеля („Роль общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью“, 1906), Joli („Problèmes de science criminelle“, 1910), Lanessan („La lutte contre le crime“, 1910), Maillard („Etude historique sur la politique criminelle“, 1899), Чубинскаго („Очерки уголовной политики“, 1905) и др. разработали различные вопросы уголовной политики. Въ нихъ мы встрѣчаемся съ мѣрами предупрежденія преступленія, ставящими своею прямою задачею улучшеніе положенія тѣхъ слоевъ населенія, которые являются поставщиками преступности. Кругъ такихъ мѣръ очень широкъ. Въ него входятъ средства, предназначенныя помочь нуждающемуся лишь въ опредѣленные моменты его жизни (напримѣръ, родильные дома для внѣбрачныхъ роженицъ и воспитательныя пріюты для ихъ дѣтей) и преслѣдующія цѣль улучшенія общаго положенія цѣлаго класса населенія. Вотъ почему мы слышимъ теперь отъ криминалистовъ о могущественномъ значеніи для побѣды надъ преступностью союзнаго движенія, стремленія, наприимѣръ, рабочихъ къ объединенію въ сплоченныя организаціи, о необходимости страхованія на случаи увѣчья, о государственной пенсіи старикамъ, о здоровыхъ жилищахъ для неимущихъ, о защитѣ всѣхъ слабыхъ отъ эксплуатаціи, въ какой формѣ бы она ни совершалась, о заботахъ дать человѣчеству здоровое поколѣніе.

Законодательства еще не рѣшаются ступить твердою ногою на новую дорогу. Но все болѣе мощно звучитъ призывъ итти этимъ другимъ путемъ, чтобы рѣшить старую, какъ міръ, загадку: какъ вырвать камень изъ руки Каина-братоубійцы? Какъ заставить ее протянуться для дружескаго и братскаго объятія? Долго шло уголовное право путемъ крови, страданій, всякихъ наказаній. Черезъ рядъ вѣковъ тянется этотъ торный и широкій путь, утоптаный милліонами ногъ, прошедшихъ по нему къ Голгоѣ. Онъ не привелъ къ побѣдѣ надъ преступностью. Теперь подлѣ него вьется маленькая и узенькая тропинка соціальныхъ реформъ. Она приведетъ, наконецъ, къ желанной побѣдѣ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ изученіе причинъ преступности.
